

Российская ассоциация
международных исследований (РАМИ)

Материалы
VIII Конвента РАМИ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Историография и уроки истории

25–26 апреля 2014 г.

МГИМО-Университет

**Издательство
«МГИМО-Университет»**

**Москва
2015**

УДК 327
ББК 66.4
П26

Первая мировая война: историография и уроки истории (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.): Научное издание / Под ред. А. В. Ревякина; отв. ред. А. В. Мальгин. — Издательство «МГИМО-Университет», 2015. — 172 с.

Основное внимание в сборнике уделяется истории международных отношений накануне, во время и в первое десятилетие после окончания войны 1914–1918 гг. Большинство авторов — преподаватели и научные сотрудники МГИМО МИД России, МГУ имени М. В. Ломоносова, ИВИ РАН. В научный оборот вводится большой объем новых данных, включая документы из российских и зарубежных архивов.

УДК 327
ББК 66.4

РАМИ не несет ответственность за содержание статей. Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения Исполнительной дирекции и Руководящего совета РАМИ. Со всеми материалами VIII Конвента можно ознакомиться на сайте Ассоциации www.risa.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора	5
-----------------------------	---

ДОКЛАДЫ

<i>Я. В. Вишняков.</i> Сербский фронт: от войн Балканских к мировой	7
<i>Б. С. Котов.</i> Сараевское убийство 1914 г. в зеркале российской прессы	46
<i>Е. В. Романова.</i> В поисках нового «баланса сил»: британский взгляд на проблемы послевоенного урегулирования в Европе летом–осенью 1916 г.	63
<i>А. В. Ревякин.</i> Французские планы переустройства Центральной Европы	81
<i>И. Ю. Медников.</i> «Жаркое лето» 1917 г. в Испании	99
<i>Н. Ю. Васильева.</i> Влияние Первой мировой войны на развитие международной системы защиты прав человека	110
<i>И. Э. Магадеев.</i> Безопасность против или безопасность вместе? Уроки Первой мировой войны и германская политика Франции в 1920-х годах	128
<i>А. В. Селезнева.</i> Первая мировая война в сознании современной российской молодежи	148

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

<i>Н. В. Юдин.</i> О перспективах применения конструктивистской методологии в изучении истории Первой мировой войны	161
<i>В. А. Кумпан.</i> Борьба с «пятой колонной» в годы Первой мировой войны на Северо-Западном Кавказе	164
<i>Д. Д. Шебалин.</i> От войны к миру: из истории дипломатического признания Западом Советской России	166
Об авторах	171

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

В настоящем сборнике публикуются доклады, заслушанные на заседаниях одной из секций VIII Конвента РАМИ, которая была посвящена 100-летию начала Первой мировой войны. Большинство докладов приводятся в полной авторской версии, включая и подробный научно-справочный аппарат. Некоторые доклады, по независящим от редактора причинам, представлены в виде кратких тезисов.

Поскольку работа секции проходила в стенах МГИМО, нам хотелось бы прежде всего выразить благодарность за участие как в ее заседаниях, так и в этом сборнике гостям нашего института — преподавателям и научным сотрудникам таких авторитетных учебных и научных заведений, как Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Институт всеобщей истории РАН, Кубанский государственный университет. МГИМО в сборнике представлен главным образом преподавателями профильных кафедр — Международных отношений и внешней политики России, Всемирной и отечественной истории, Истории и политики стран Европы и Америки.

Большинство авторов публикуемых материалов — молодые исследователи, которые начали свой путь в науке в последние 10–15 лет. Поэтому темы, выбранные ими для своих докладов, а также проблемы истории, которые привлекли их внимание, не только характеризуют современное состояние исследований в нашей стране в области изучения истории Первой мировой войны, но и дают представление о том, в каком направлении наша историческая наука будет развиваться в обозримом будущем.

Основное внимание в сборнике уделяется истории международных отношений накануне, во время Мировой войны, а также в первые годы после ее окончания. В статьях Я. В. Вишнякова и Б. С. Котова затрагивается хотя и традиционная для мировой историографии, но далеко не исчерпанная тема ответственности правительств, должностных лиц и общественных институтов за развязывание войны. Е. В. Романова и А. В. Ревякин подвергли анализу малоизвестные дискуссии, которые негласно велись в военных, политических и дипломатических кругах Великобритании и Франции во время Мировой войны о ее целях

Предисловие редактора

и предпочтительных для этих стран условиях послевоенного мирного урегулирования. И. Ю. Медников осветил международные аспекты глубокого внутривосточного кризиса, который потряс нейтральную Испанию в разгар войны, в частности показал ценность русских дипломатических документов для изучения этой темы. Н. Ю. Васильева остановилась на малоизученных международно-правовых, прежде всего гуманитарных проблемах истории Первой мировой войны, связанных с международными усилиями по оказанию помощи беженцам и военнопленным. И. Э. Магадеев исследовал влияние опыта Мировой войны на политику внешней безопасности Франции в течение первого послевоенного десятилетия. Поразительные данные о восприятии Первой мировой войны современной учащейся молодежью России, полученные в результате недавнего социологического исследования, анализирует в своей статье А. В. Селезнева. Читатель найдет в сборнике также тезисы докладов, с которыми выступили на заседании секции Н. В. Юдин, В. А. Кумпан и Д. Д. Шебалин.

Публикуемые в сборнике материалы отличаются высокой степенью новизны. Это касается как выбора темы исследования, подходов к решению исследовательских задач, так и подбора источников. Кроме редких печатных изданий авторы широко использовали архивные документы. Читатель найдет в сборнике многочисленные ссылки на российские, британские, французские, сербские архивы. Причем значительная часть данных из этих источников впервые вводится в научный оборот.

Авторы выражают надежду, что подготовленный ими сборник будет интересен и полезен как ученым-исследователям, так и преподавателям вузов, студентам и аспирантам, а также просто любителям истории.

Доктор исторических наук, профессор
Александр Васильевич Ревакин

ДОКЛАДЫ

Я. В. Вишняков

СЕРБСКИЙ ФРОНТ: ОТ ВОЙН БАЛКАНСКИХ К МИРОВОЙ

В 2014 г. мир отмечал 100-летнюю годовщину начала Первой мировой войны. В российской и зарубежной историографии есть серьезные научные исследования, анализирующие, в контексте общих предпосылок Первой мировой войны, внутри- и внешнеполитические причины превращения Балканского региона в «пороховой погреб Европы»¹. Тем не менее в европейском общественно-политическом дискурсе вновь актуален вопрос о «виновниках» войны 1914–1918 гг. И в очередной раз он подвергся пересмотру в угоду мировой политической конъюнктуры.

За попыткой ревизии предпосылок Первой мировой войны стоит желание представить сараевское убийство как чуть ли не единственную причину начала этой мировой бойни. При этом прямая ответственность за его подготовку возлагается на «террористическую политику» сербского правительства и стоявшую за ней царскую Россию, якобы преследовавшую имперские «агрессивно-экспансионистские» цели.

Современные западные исследователи, сопоставляя характер, причины, а также итоги Первой и Второй мировых войн, которые рассматриваются ими как единая целостная трагедия, вызванная претензиями на мировое господство и попытками поделить мир группой агрессивных государств, провозглашают Сербию, а вместе с ней и Россию прямыми виновниками гибели миллионов людей в 1914–1918 гг. А сталинский режим, который они приравнивают к германскому фашизму, косвенно становится виновником еще более многочисленных жертв Второй мировой войны. В рассуждениях на эту тему помимо очевидной глобальной прослеживается и локальная, региональная подоплека: провести исторические параллели между событиями 14 (28) июня 1914 г. и относительно недавними трагическими последствиями распада Югославии

в 1991–1995 гг. и Косовским кризисом конца 1990-х годов. Тем самым в глазах европейского общественного мнения еще раз оправдываются и военное вмешательство в данный конфликт стран НАТО, как единственно верный способ «обуздать» Белград, и бомбардировки Югославии 1999 г., и даже деятельность Гаагского трибунала, по сути ставшего судилищем над Сербией и сербами. Сам же Г. Принцип из борца за свободу превращается в экстремиста и фанатика, идейного вдохновителя современных международных террористических организаций². Особенно стараются преуспеть в этом мусульманские политики не только из Косово, но также из Боснии, заинтересованные в пересмотре Дейтонских соглашений 1995 г. и фактическом растворении Республики Сербской в государстве Босния и Герцеговина.

В этой связи нужно прояснить некоторые вопросы внутривнутриполитического положения Сербии как в канун Первой мировой войны, так и в период ее участия в боевых действиях 1914–1915 гг.

29 мая 1903 г. в Белграде произошел кровавый переворот. Офицерами Белградского гарнизона была убита правящая королевская чета — Александр и Драга Обренович, а на престол возведен Петр Карагеоргиевич, участник Боснийского восстания 1876 г., внук Георгия Черного, знаменитого вождя Первого Сербского восстания 1804–1813 гг. Эти события означали не просто смену династии — они стали логическим разрешением глубокого системного кризиса всех политических и государственных структур молодого Сербского королевства конца XIX — начала XX в. Именно поэтому избрание на сербский престол нового монарха многими либерально настроенными современниками оценивалось как важный шаг к превращению Сербии в правовое конституционное и подлинно европейское государство.

Вместе с тем убийство королевской четы не принесло в страну долгожданного политического успокоения, а сам переворот 1903 г. являл собой яркий пример верхушечного потрясения, которое не затронуло основ существующих в стране политической и социально-экономической систем. Российский военный агент в Сербии И. Н. Сысоев, характеризуя настроения белградского общества непосредственно после событий 29 мая 1903 г., отмечал, что офицеров-заговорщиков приветствовали как спасителей отечества, «городские общества устраивали им банкеты, на которых их чествовали как героев дня». Таким образом,

подчеркивал он, «политическая роль, принятая на себя армией, была как бы санкционирована всей страной»³. Однако он же замечал: «...медовый месяц короля Петра скоро прошел; после торжеств и веселия, которыми сопровождалось возвращение Его Величества в отечество, начались полные тревог будни»⁴.

Российский военный представитель был совершенно прав. Десятилетие, предшествовавшее выстрелу в Сараево, было наполнено внутренними и внешними кризисами, основным содержанием которых было активное вмешательство армии в политику, тем более что многие участники событий 29 мая 1903 г. получили выгодные должности в военном и государственном аппарате Сербского королевства. Не только продолжилась, но и усилилась характерная для Сербии эпохи Обреновичей «министерская чехарда». С 1903 по 1914 г. в Сербии сменилось 18 кабинетов министров, т.е. в среднем каждый из них работал всего по 7,3 месяца. Только за первые три года после указанного переворота в стране сменилось шесть правительств, которые работали в среднем всего по 165 дней⁵. Тот же Сысоев говорил по этому поводу: «Сербия — классическая страна министерских кризисов, но так тяжело давно в ней не было»⁶. Отметим, что такая частая смена кабинетов министров ярко иллюстрирует главную черту и противоречие государственного развития страны 1903—1914 гг.: взаимовлияние и типологическое наложение друг на друга трех основных сил: трон—парламент—армия.

В 1911 г. часть офицерского корпуса сформировала собственную, неподконтрольную правительству организацию, более известную как «Объединение или смерть» («Черная рука»). И для возникновения подобных «внеконституционных» структур имелись объективные предпосылки. Как отмечал сербский историк В. Дедиер, к началу XX в. экономическая неразвитость страны, не имевшей ни сильной буржуазии, ни среднего, ни рабочего классов, привела к тому, что бюрократия и армия «взяли на себя ту функцию, которая в европейских государствах определялась экономическим развитием. В этом смысле сербский милитаризм возник в первую очередь как фактор организации процесса национального освобождения сербского народа от гнета Османской и Габсбургской монархий»⁷. Именно поэтому использование властными структурами идеи милитаризации общества, внедрение в сознание народа враждебного образа «другого» стали одним из главных

способов внутренней консолидации страны, когда установки на войну, отодвигая ценности мирной жизни на второй план, создавали в Сербии особый базовый консенсус. «Воинственное настроение сербов не составляет коренного характера сербского народа, но воспитывается в нем и по необходимости поддерживается внешними обстоятельствами: неоконченностью политической роли, неустановленностью ее территориальных и политических отношений. И такое состояние, очевидно, мешает развитию страны в смысле гражданственности. Рядом с воинственным героизмом вы не встречаете нигде мужества гражданского», — писал видный историк-славист П. А. Ровинский, делаясь впечатлениями от поездки в Сербию в 1867 г.⁸ Значительно позже, в 1912 г., перед самым началом Первой Балканской войны, российский дипломат В. Н. Штрандтман отмечал, что сербы, находясь в постоянном ожидании нападения неприятеля, не хотят даже украшать свою столицу, поскольку абсолютно уверены в том, что дома все равно будут разрушены врагом, а «будущее зависит от мудрости наших политиков и храбрости нашей небольшой армии, в которой всего десять пехотных и одна кавалерийская дивизии»⁹. Это вековое воздействие психологического фактора неизбежности войны, в начале XX в. наложившееся на обострение международной обстановки в Европе, получило в Сербии особое преломление. Усилились ожидания, связанные с «мессианским» пониманием панславистской концепции «Балканы для балканских народов» и возрождением идеи объединения разделенного между двумя империями «сербского племени» в общее государство. Причем само Сербское государство должно было стать своеобразным югославянским «Пьемонтом»¹⁰.

Возросло политическое значение младшего офицерского корпуса, для которого служба связывалась не только с переходом на более высокую социальную ступень, но и с борьбой за воплощение национального мифа. По словам генерала сербской армии Н. Аранжеловича (1876—1963), младшие офицеры хотели, чтобы Шумадия — «этот свет сербского “Пьемонта” и всех южных славян, засветил правильным светом свободы <...> мечтали о прекрасном будущем Сербии и Сербства, создавали фундамент для строительства не Великой Сербии, а Великой Югославии»¹¹. Они болезненно воспринимали любые отклонения от этих идеалов, которые допускали их командиры, включая самого

короля. Младший и средний командный состав сербской армии стал олицетворением чаяний нового поколения сербской интеллигенции начала XX в., которое, по мнению сербского историка С. Чирковича, «из истории национальной и социальной борьбы сделало вывод о преимуществах насилия как метода достижения поставленных целей. Активные действия, в том числе самопожертвование, для представителей молодой генерации выглядели предпочтительнее, чем одни лишь слова и политическое мудрствование»¹². Не случайно известный журналист Д. Рид, автор знаменитой книги «Десять дней, которые потрясли мир», в своих заметках о Первой мировой войне привел разговор с одним старым сербским офицером, который ему «сказал в каком-то экстазе: “Мы учили, что эта мечта о Великой Сербии несомненно осуществится — но в будущем, через много лет, через много лет. А вот она осуществилась в наше время. За это стоит умереть!”»¹³

В 1908 г. разразился знаменитый аннексионный кризис, который рассматривался сербами как национальное унижение. Идея освободительной войны витала в воздухе. Патриотический подъем охватил все слои сербского общества. Буквально сразу же после объявления Австро-Венгрией аннексии Боснии и Герцеговины, в начале октября 1908 г., на основе общества «Словенский юг»¹⁴ в Белграде была образована организация «Народная оборона», целью которой стало создание четнического (партизанского; от сербск. «чета» — отряд) движения в Боснии и Герцеговине. Это общество насчитывало до 5 тыс. человек, делилось на 223 филиала и имело значительное число сторонников за рубежом. Поскольку сербское правительство, по соглашению с Веной и в связи с признанием факта аннексии, было обязано не только прекратить содействие четническому движению, но и пресекать его, «Народная оборона» формально реорганизовалась в культурно-просветительское общество.

Таким образом, Боснийский кризис, от которого едва не вспыхнул мировой пожар, положил начало новому этапу в развитии «восточного вопроса», повлекшему события в Сараево 14 (28) июня 1914 г. Причем именно после аннексии Боснии и Герцеговины сербским политикам стало окончательно ясно, что объединить всех сербов в одном государстве можно теперь лишь силой оружия. Это значило продолжать борьбу с Османской империей за освобождение последних ее территорий

в Европе, а также вступить в конфликт не только с еще одним достаточно сильным славянским государством — Болгарией, но и с самой Австро-Венгрией, владеющей значительной частью Балканского полуострова. Не случайно в марте 1911 г. на одном из заседаний скупщины сербский премьер Н. Пашич произнес: «Малые государства могут, конечно, сожалеть о том, что одним из условий поддержания мира великие державы считают боевую мощь; но раз это так, то и малые государства должны следовать этому основному принципу; они должны готовиться к войне, если желают обеспечить мир»¹⁵. Эти слова довольно быстро стали воплощаться в жизнь. Российский посланник в Сербии Н. Г. Гартвиг доносил в октябре 1911 г.: «Сербское правительство неустанно работает над усовершенствованием и укомплектованием своей армии, что с точки зрения наших политических интересов имеет немаловажное значение. Новый проект государственной росписи на 1912 г. предвидит увеличение бюджета военного министерства до 29,5 млн фр., т.е. на 2,5 млн более прошлогоднего ассигнования»¹⁶.

Отметим, что наглядные примеры в соседних государствах демонстрировали, насколько большую роль могут сыграть военные в осуществлении глобальных государственных задач. Достаточно было взглянуть на Османскую империю, где, по словам российского посла Зиновьева, «армия считается и действительно служит опорой верховной власти»¹⁷. В 1908 г. в Османской империи произошла младотурецкая революция, возглавленная молодыми офицерами — членами партии «Единение и прогресс», — которые провозгласили своей целью решение национального вопроса, построение правового государства, проведение экономических и военных реформ. Турецкий переворот не только во многом стал катализатором Боснийского кризиса, но и послужил показательным примером для военных элит молодых Балканских государств. По аналогичному сценарию развивались события в соседней Греции, где, под влиянием турецкой военно-политической организации «Единение и прогресс» и в связи с движением за объединение о. Крит с греческим королевством, была создана Военная лига во главе с полковником Н. Зорбасом, исповедавшая «панэллинистические» взгляды.

В Сербии же инициативу решения ключевых национальных задач взяла на себя военно-политическая организация «Объединение или

смерть» («Черная рука»), большинство членов которой составили офицеры — участники переворота 29 мая 1903 г., а подлинным харизматичным ее вождем стал полковник Д. Димитриевич (Апис). Решение о создании общества «Объединение или смерть» было принято 3 марта 1911 г. на квартире майора Велимира Вемича, а его идейным вдохновителем стал Богдан Раденкович — сотрудник сербского МИД, который позднее, в 1914–1916 гг., был секретарем сербской миссии в Афинах и одним из главных организаторов четнического движения в Македонии и Старой Сербии¹⁸. В состав объединения входил также В. Туцович (1875–1947), который занимался вербовкой в его ряды молодых офицеров сербской армии. Среди членов общества отметим Чедомира Поповича, в 1914 г. руководившего пограничной службой Сербии (его брат Душан был одним из лидеров Социал-демократической партии Сербии), а также майора Милана Васича, являвшегося одновременно секретарем «Народной обороны». Исследователь В. Дедиер указывает, что в планы создания организации «Объединение или смерть» был посвящен и престолонаследник Александр, которого Апис убедил пожертвовать 20 тыс. динар на издание «Пьемонта» — печатного органа нового общества¹⁹.

Председателем общества был выбран начальник белградской жандармерии Илия Радивоевич²⁰, а сам Велимир Вемич стал секретарем организации²¹. С конца 1913 г. эту должность занимал полковник Р. Лазич. В состав Верховной управы новой организации входили также полковник Илия Йованович, майоры Войа Танкосич и Милан Васич, а также Милан Гр. Милованович — полковник Генерального штаба и помощник начальника штаба сербской армии²². Среди членов «Черной руки» нельзя не отметить герцеговинца Мустафу Голубича и одного из участников сараевского убийства, служавшего сербских железных дорог Милана Цигановича. В Далмации интересы организации представлял журналист Оскар Тарталья — редактор газет «Покрет» и «Застава», печатавшихся в Сплите, а также «Нови лист», выходившей в Риеке (Фиуме). Впоследствии, став одним из главных авторов загребского журнала «Новая Европа», выходившего в межвоенной Югославии, он напечатал там цикл патетических статей о «Черной руке».

Таким образом, формирование этой организации тесно увязано с общей смысловой особенностью состояния сербского социума нача-

ла XX в. Это проявилось уже в ходе начавшихся Балканских войн 1912–1913 гг. По общему мнению, нельзя было упустить шанс нанести еще один удар по агонизирующей Османской империи. Как заметил российский историк В. Н. Виноградов, «все было вновь: не подданные собирались восставать против тиранического правления, а независимые христианские государства готовились освободить еще находившиеся под турецким господством славянские и греческие земли с намерением присоединить их к себе»²³. Трудно в этой связи не согласиться с мнением популярного в начале XX в. российского беллетриста Е. Н. Чирикова, побывавшего на фронте Первой Балканской войны и весьма четко подметившего: «Вообще эту войну приличнее называть войной мести, чем идеализировать ее поэтическими эпитетами “борьбы за освобождение братьев”»²⁴. Восприятие начавшейся войны сербским обществом было принципиально иным, чему немало способствовала в том числе и милитаризация повседневности, свойственная не только государственному, но и в целом общественному развитию страны второй половины XIX — начала XX в. Это же состояние и смысловая особенность ярко проявились в ходе Первой мировой войны, способствуя победам сербского оружия в 1914 г. Тот же Д. Рид подчеркивал, что «каждый солдат из крестьян знает, за что он сражается. Еще когда он был маленьким ребенком, мать приветствовала его: “Здравствуй, маленький мститель за Косово”»²⁵.

В общей сложности в Первую Балканскую войну Сербия выставила девять пехотных и одну кавалерийскую дивизию, а общая численность армии составила более 160 тыс. человек. Причем, как отмечал в своих донесениях российский консул в Призрене Н. А. Емельянов, «дисциплина сербских войск стоит выше похвал и в этом надо отдать справедливость сербским офицерам, неослабно следящим за своими солдатами и не оставляющим безнаказанными малейшие пустяки. Я сам случайно был свидетелем, как один командир полка избил палкой на улице своего солдата за то, что последний, выпив в одной лавчонке кофе, хотел уйти, не заплатив за него 10 пара (2 копейки)»²⁶.

Мы не будем в данной статье подробно анализировать события, относящиеся к предпосылкам этих войн, равно как и военные операции армий Балканских государств против Османской империи во время одной и против вчерашних союзников — во время другой. Ключевой при-

чиной Второй Балканской войны стали болгаро-сербские разногласия из-за вновь приобретенных македонских земель. Укажем лишь, что 30 июля 1913 г. в Бухаресте начались мирные переговоры, завершившиеся подписанием 10 августа 1913 г. соответствующих соглашений. Сербия получила не только спорную, но и большую часть болгарской части Македонии, Греция — Южную Македонию, Салоники, часть Западной Фракии. Румыния получила Добруджу. Между Болгарией и Турцией 29 сентября был подписан Константинопольский мир, согласно которому Турции возвращались Восточная Фракия и Адрианополь. Болгарии удалось сохранить за собой лишь Западную Фракию, дававшую ей выход в Эгейское море. Таким образом, Болгария, которая, по словам ее премьер-министра Гешова, «была ограблена, погублена, унижена, обесславлена»²⁷, потеряла не только большую часть своих недавних завоеваний, но и некоторые свои исконные территории, что окончательно толкнуло ее в объятия германской политики. Эти новые внешнеполитические приоритеты Болгарии, а также Османской империи, как известно, отразились на расстановке сил в начавшейся вскоре Первой мировой войне.

Общим итогом Балканских войн стало включение в состав Сербии части территории Ново-Пазарского санджака, создание общей границы между Сербией и Черногорией. В состав Сербии вошла также Вардарская Македония. Территория Сербского королевства значительно расширилась, почти вдвое — до 4,5 млн человек — увеличилось население страны.

Казалось бы, мечта о новом «Пьемонте» близка к осуществлению. Однако «маленькие победоносные войны» окрылили не только сербских политиков. Поскольку следующим шагом могло стать присоединение к Сербии славянских земель, находившихся под властью Австро-Венгрии, вопрос о том, какая политическая сила сыграет решающую роль в этом процессе, а вместе с тем и в общей политике страны, приобрел новую остроту. У сербской военной элиты появилась реальная возможность возглавить этот процесс. Вопрос об интеграции несербского населения новоприобретенных земель в состав Сербского королевства усугублял разногласия между правящей Радикальной партией и офицерским корпусом страны. Между ними неотвратимо назревал конфликт.

В декабре 1912 г. король Петр ввел «уредбу» (статут) об «установлении в Новой Сербии областей судебных и полицейских», состоящий из 88 статей. Причем это было сделано за полгода до подписания официальных лондонских соглашений и, соответственно, включения этих территорий в состав Сербии, что даже вызвало протест австро-венгерского посла в Лондоне графа Менсдорфа. На основании этого документа в новых сербских областях вводилось военное управление во главе с Верховной командой (т.е. штабом главнокомандующего), дислоцированной в Скопье. Кроме того, этим документом были объявлены недействительными сделки по продаже и покупке земель и недвижимого имущества, совершенные во время войны. При этом статут совершенно не изменил размер и вид государственных налогов с местного населения, оставив их такими же, что и при турецком правлении. «Все приходы Новой Сербии являются гарантией долга, приходящегося на новоосвобожденные земли», — говорилось в статуте²⁸.

Заметим, что военные сербские власти показали слабую компетентность в решении конкретных административных задач, что вызывало вполне оправданное возмущение местного населения и еще больше ухудшило и без того натянутые сербо-болгарские отношения. «К сожалению, вместо того, чтобы отправить в оккупированные области своих наилучших чиновников, Сербия, за недостатком людей, послала лишь избранных наспех, среди коих есть даже ранее удаленные со службы. Поэтому, по общему мнению, чиновники здесь отличаются продажностью и фаворитизмом, причем иные из них считают нужным оказывать сербам предпочтение перед болгарам», — доносил в марте 1913 г. российский консул в Скопье Тухолка²⁹. В свою очередь российский консул в Битоли Н. В. Кохманский в своих донесениях ноября 1913 г. приводил вопиющие случаи беззакония сербских военных властей. Он связывал это, среди прочего, с отсутствием такта битольского окружного начальника Новаковича и его «полным непониманием своего назначения, так и необходимости считаться с психологией населения в той местности, где сербские симпатии так еще молоды и непрочны». Поведение этого должностного лица вызвало даже официальные протесты иностранных консулов, поскольку по его приказанию были сорваны флаги с учреждений, находящихся под покровительством разных держав. По его приказу полицейский

комиссар и жандармы сбросили с фасада Оттоманского банка французский и английский флаги «с нелестными для консулов вообще выражениями». Другие учреждения поспешили сами снять флаги, «дабы избежать подобного оскорбления». Инцидент удалось замять лишь после прямого вмешательства Н. Пашича.

Во время визита королевича Александра в Битоли Новакович выразил неудовольствие тем, что дети из румынских школ будут участвовать в торжественной встрече сербского престолонаследника, «так как они, по его представлению, в сущности не существуют». Когда инспектор школ выразил протест, Новакович «пренебрежительно ответил, что, пожалуй, пусть станут где-нибудь в стороне, около битольских евреев». Оскорбленный румынский консул, которому, кстати, Новакович не нанес официального визита как представителю иностранного государства, отменил участие своих школ в церемонии и сообщил в МИД «о недружественном к Румынии настроении начальника битольского края»³⁰. Уже в сентябре 1913 г. депутат-социалист Т. Кацлерович в ходе дебатов в Скупшине заявил, что на освобожденные земли вместо всевластия Верховного командования должны быть распространены гражданская власть и действие парламентской системы³¹.

Сложный конфессиональный и этнический состав населения новоприобретенных территорий недостаточно принимался в расчет новыми властями, стремившимися немедленно объявить всех без разбора сербами. «Одновременно с разных сторон приходят сюда жалобы от болгарского сельского населения, что сербские чиновники при составлении списков усердствуют всех помечать сербами и окончания имен всех производить на “ч”», — замечал российский консул в Битоли Н. В. Кохманский³². Аналогичные сведения присылались российскими консулами в Призрене и Скопье³³. Такое положение дел усугублялось и произволом, чинимым в отношении местного населения Старой Сербии и Македонии сербскими иррегулярными формированиями — четниками, угрожавшими, по словам Кохманского, «населению крутыми мерами, если болгары в известный срок не объявят себя сербами»³⁴. В свою очередь российский консул в Скопье Тухолка отмечал: «Сербские четники помещались здесь сзади нашего вице-консульства в доме, носившем название “Народна одбрана”, и приводили туда болгар для избиений и истязаний. По словам болгар, в этом доме

было избито человек полтора, но в виду угроз четников и враждебного отношения властей никто из них не стал жаловаться». Российский дипломат указал на эти вопиющие факты генералу Ж. Мишичу, который заявил, что «глубоко возмущен помянутыми мною фактами и что он также признает необходимость роспуска этих четников. Ныне сербы назначили майора Божина Симича для формирования правильной жандармерии»³⁵. Аналогичная ситуация складывалась и в Призрене, где, по словам российского консула Емельянова, «у четников имелся заранее составленный список всех арнаутов, безнаказанно за время турецкого владычества грабивших, убивавших и бесчестивших сербов»³⁶.

В конце 1913 г. Радикальной партией было разработано дискриминационное Положение об общественной безопасности, фактически дискредитировавшее всю систему сербской власти на освобожденных полиэтничных территориях, что только обострило проблему межнациональных и межэтнических отношений. Согласно его статьям, «не признающие государственной власти, скрывающиеся от нее, только за это проявление возмущения наказываются до 5 лет каторжных работ. Свидетельством наличия такого уголовного дела является решение полицейских властей, объявленное в общине, откуда родом мятежник (бунтовщик, непокорный). Подобного мятежника имеют право убить все находящиеся на государственной службе, а также и военные лица, если он не сдается им по первому требованию. Если в какой-либо общине произойдет несколько случаев непризнания государственной власти (мятежа) и мятежники в 10-дневный срок не вернутся по требованию полицейских властей по домам, то полицейские власти имеют право расселить их семью, куда будет признано удобным. Точно так же могут быть расселены обитатели тех домов, в коих укрывались оружие или вооруженные люди, или преступники вообще; кроме того, виновные подвергаются еще и наказанию, согласно настоящего положения. Решение о расселении выносит начальник округа, в котором находится селение. Решение выполняется немедленно и безапелляционно. Кто, зная совершителя какого-либо преступления, не сообщает об этом довести, наказуется каторжными работами до 5 лет»³⁷.

Правящая Радикальная партии предприняла также попытку создать послушную новому режиму армию. Не случайно Н. Пашич откровенно сказал корреспонденту Санкт-Петербургского телеграфно-

го агентства В. П. Сватковскому, что «наша первая задача, к которой мы приступим немедленно, — это реорганизовать и увеличить армию до полумиллиона», причем строевых частей — «400 тысяч пехоты, 100 тысяч артиллерии, кавалерии и технических войск». Сербский премьер планировал также пропорциональное увеличение численности офицерского состава³⁸. Устранение политического влияния в армии офицеров-«черноруковцев» стало первоочередной задачей правительства Пашича. В этой же связи российский военный агент в Белграде В. А. Артамонов особо подчеркивал: «С окончанием первой войны отношения радикалов и военных вообще стали натянутыми как из-за вопроса о способе управления новыми краями, так и по поводу сербо-болгарских отношений. Опасаясь возобновления “милановщины”, личного режима, пользовавшегося армией против радикалов, последние стараются держать военных в руках. Некоторые полагают даже, что разлад в офицерском корпусе считается радикалами до известной степени благоприятным явлением с партийной точки зрения»³⁹.

Формальным поводом к началу очередного противостояния стало издание сербским правительством указа о новом порядке отправления церковной службы по поводу сербских побед в Балканских войнах. Отныне почетные места у алтаря должны были занимать не офицеры, а сербские чиновники. Указ о «старшинстве гражданских властей в Новой Сербии над военными» был принят по инициативе министра внутренних дел Стояна Протича. Он устанавливал первенство гражданских чинов над военными на всех торжественных церемониях. При этом, как доносил в июне 1914 г. российский военный агент в Сербии В. А. Артамонов, «условия жизни в Новой Сербии схожи с условиями самых заброшенных углов Дальнего Востока: правительство не находит желающих служить там, несмотря на 10% прибавки содержания. При необходимости внезапно удвоить весь административный персонал в государстве пришлось взять на службу многих заведомо негодных чиновников. Их плохое поведение, вымогательства и проч. дискредитировали сербское управление и, естественно, офицерский корпус, поставленный распоряжениями министра внутренних дел в подчиненное положение, на второе место, в крае, который они только что завоевали и который, в сущности, находится на “военном положении”. В небольшом городке какой-нибудь срезский мальчик, т.е. полицейский

начальник, молодой человек, часто едва лишь покинувший школьную скамью, оказывается во всех случаях, при всех церемониях старше полкового командира, полковника»⁴⁰.

Непосредственным поводом к изданию соответствующего указа послужил открытый конфликт в Битоли между одним из руководителей «Черной руки» начальником дивизии генералом Дамианом Поповичем и начальником местного округа, который вылился в очередной министерский кризис. Попович подал в отставку. К весне 1914 г. напряжение достигло высшей точки: была распущена скупщина, а сербский премьер Никола Пашич демонстративно ушел с поста главы правительства. Впрочем, в мае 1914 г. король возвратил его на этот пост.

Российский военный агент отмечал в донесении от 4 (17) июня 1914 г.: «Война объединила всех; мелкие дразги, различия во мнениях и способе создания Великой Сербии — все было забыто. Но уже после первых успехов начали происходить мелкие недоразумения и неприятности между радикалами и военными. Последние, реабилитированные войною, подняли высоко голову. Члены правительства, депутаты скупщины, приехавшие посмотреть Скопье и рассчитывавшие на удобства при железнодорожном переезде, были весьма нелюбезно встречены начальником военных сообщений полковником К. Смиляничем, которому вагоны и поезда были чрезвычайно нужны для военных перевозок. Вскоре засим какой-то господин, родственник министра финансов г. Пачу, пожелал устраивать в Скопье какие-то гешефты, перевозить свои товары и требовал незаконных послаблений. Помощник начальника полевого штаба генерал Живоин Мишич без церемонии отделал этого господина, а в частном разговоре отозвался оскорбительно и о самом министре. К тому же генерал Мишич не скрыл своего мнения о необходимости для Новой Сербии военного управления в течение известного периода лет, чтобы честным и справедливым управлением привлечь население на сторону Сербии. Это не совпало с планами радикалов»⁴¹.

«Спор о приоритете» наложился на очередной министерский кризис в начале июня 1914 г. Как отмечал Н. Г. Гартвиг, «после Балканских войн оппозиционные партии надеялись, что ввиду создавшихся новых условий в стране они, в конце концов, будут призваны к участию в делах государственного управления, но ошиблись в своих рас-

четах, ибо Пашич и его единомышленники не считали своевременным приступить к внутренним преобразованиям до окончательного завершения стоящих на очереди важных вопросов внешней политики. Это обстоятельство вызвало особое раздражение в среде наиболее жаждущих власти младорадикалов (“самосталцев”), успевших сплотить вокруг себя остальных членов оппозиции»⁴². Н. Пашич в очередной раз демонстративно подал в отставку. Однако «младорадикалы», которые, по словам Гартвига, «смело выразили готовность составить кабинет из своей среды», представили королю Петру такую политическую программу, которая, как заметил российский посланник, «оказалась ниже всякой критики»⁴³. Н. Пашич со старым кабинетом вновь был призван во власть, добившись от короля согласия на роспуск скупщины и проведение новых выборов⁴⁴. Но, намеренно затягивая ее роспуск, сербский премьер сумел провести через нее законопроект о сверхсметных ассигнованиях на сербскую армию, и лишь после этого, 11 июня (ст. стиль), был объявлен указ о роспуске скупщины, о назначении на 1 августа новых выборов и о «созыве обновленной палаты в чрезвычайную сессию на 10 сентября»⁴⁵.

Не случайно именно вожди «младорадикалов» — Л. Давидович, М. Драшкович⁴⁶ и примкнувший к ним либерал В. Велькович встали на защиту обиженного офицерского корпуса, наладив прямой контакт с Димитриевичем-Аписом, с помощью которого рассчитывали сформировать новое правительство.

В стране возникла реальная угроза еще одного военного переворота. Д. Димитриевич (Апис) через помощника командира Шумадийской дивизии полковника Плазину переправил в Македонию письмо своему родственнику подполковнику Душану Глишичу, в котором содержался прямой призыв к военному путчу. Причем Апис настаивал на походе войск из Скопье в сербскую столицу⁴⁷. После смены власти в Македонии продолжения событий следовало ожидать уже в самом Белграде. Однако инструкции Аписа исполнены не были, поскольку офицеры восприняли этот план как авантюру, граничащую с безрассудством. «Прошу вас отказаться от того пути, на который вы задумали встать, поскольку вас на том пути никто не будет сопровождать. Мы должны довести сие до вашего сведения, чтобы вы не допустили какую-то непоправимую ошибку, которая станет фатальной для страны и для вас», —

написал в ответном письме подполковник Глишич⁴⁸. После этого, как отмечал А. Антич, Апис в борьбе с радикалами установил еще более прочные связи с сербской оппозицией⁴⁹. В. А. Артамонов по этому поводу писал в донесении от 4 (17) июня 1914 г.: «Особенно деятельное заступничество за унижаемый офицерский корпус проявили “молодые радикалы”, вошедшие, по-видимому, в соглашение с воеводой Путником и “Черной рукой” об отмене “уредбы о приоритете” в случае перехода власти к оппозиции. Было очевидно, что даже и король недоволен отношением радикалов к офицерскому корпусу. Однако так как оппозиционные партии не смогли столкнуться по вопросу об общей программе, о коалиционном кабинете и совместном участии в выборах в новую Скупшину, то, в конце концов, король оставил у власти кабинет Пашича, сделавшего известные уступки, а именно: “уредба о приоритете” будет изменена в том смысле, что гражданские власти будут занимать первое место лишь при церемониях, имеющих политический характер, а во всех остальных случаях старшинство представителей гражданских и военных властей будет определяться по их чинам и получаемому содержанию»⁵⁰.

В свою очередь, Н. Пашичу удалось привлечь на свою сторону главу российской дипломатической миссии Н. Г. Гартвига, поскольку, по словам известного российского историка Ю. А. Писарева, «русская дипломатия вынашивала в это время идею восстановления Балканского союза, и ей казались опасными авантюрные планы организации “Черная рука”»⁵¹. Сам же Гартвиг в оправдание собственных действий отмечал, что общество «Черная рука», которое «пользуется всяким походящим случаем, чтобы сеять раздор и неудовольствие среди военных», «никогда не встречало ни малейшего сочувствия со стороны армии, благоразумно воздерживающейся от вмешательства в дела внутренней политики»⁵².

На сторону Пашича, под влиянием российского посланника, окончательно склонился престолонаследник Александр. Как заметил сам российский посланник в Белграде, «питая глубокое уважение и доверие к Пашичу, престолонаследник, одно время увлекшийся наравне с воинствующей партией успехами сербского оружия, готов был осудить премьера за нерешительность действий; но вскоре, под влиянием дальнейших событий, он осознал свою ошибку и ныне является самым

ярим сторонником осторожной и благоразумной политики первого государственного мужа Сербии»⁵³.

В этой ситуации король Петр, балансировавший между армией и правительством, принял решение уйти из большой политики. Уже 11 (24) июня 1914 г., т.е. за четыре дня до сараевского покушения, был обнародован королевский указ о возложении монарших прерогатив на престолонаследника Александра, ставшего принцем-регентом при своем престарелом отце. Желание «Черной руки» формально было выполнено. Однако это была пиррова победа Аписа. Н. Пашич, в свою очередь, 16 июня 1914 г. окончательно сформировал новый, «послушный» кабинет министров, нанеся по членам «Черной руки» скрытый удар.

На фоне «спора о приоритете» разгорелся еще один скандал, связанный с ревизией расходуемых средств «Офицерской задруги» — организации, основанной в 1899 г. и объединявшей всех офицеров сербской армии. Ее председателем был Д. Попович — зачинщик «спора о приоритете». По словам Артамонова, «его выступление как бы в защиту умышленно принижаемого радикалами офицерского корпуса создало ему популярность и, как следствие, способствовало единогласному избранию его в председатели офицерской “Задруги”»⁵⁴.

В то же время вопрос учета расходуемых «Офицерской задругой» средств стал еще одним поводом для столкновения офицерских кругов страны с лидерами радикалов⁵⁵. В. А. Артамонов в мае 1914 г. указывал, что причины трений офицеров с радикалами связаны, «во-первых, с указом о старшинстве в Новой Сербии гражданской власти над военными властями, а во-вторых, с ревизией отчетности “Офицерской задруги”, прекратившей с января 1911 г. выплаты процентов по займу в 4 млн франков в петербургский международный коммерческий банк. К апрелю 1914 г. задолженность по просроченным векселям составила 2 143 023,40 франков, а по векселям, срок платежа которых еще не подошел, 1 625 000 франков»⁵⁶. В связи с этим «Офицерская задруга» обратилась к правлению банка с предложением оплатить «немедленно все причитающееся... в настоящее время проценты. Что же касается [погашения] капитального долга, то таковое имеет быть произведено в течение 8 лет 96 равными долями»⁵⁷. При этом российский военный агент подчеркивал, что известные суммы расходовались на «патриотические великосербские цели, на поддержание великосербского журна-

ла “Пьемонт”». Высказал он и предположение о причастности к этим делам не только известного сербского генерала Р. Путника («многое, очевидно, делалось с молчаливого согласия или попустения воеводы Путника»), но и самого наследника Александра. «Как мне весьма доверительно сообщил посланник, осведомленный Н. Пашичем, перед ревизией “Задруги” вексель генерала Путника на 9000 франков, полученных им из “Задруги”, был погашен королевичем Александром из личных средств»⁵⁸.

А вот что говорится в донесении А. А. Гирса Г. Н. Трубецкому от 6 (23) июля 1914 г.: «Возникший между Пашичем и офицерством конфликт на почве проверки деятельности “Офицерской задруги” — явление частичного порядка в общей планомерной борьбе с правительством известных кругов армии, получившее остроту благодаря тому обстоятельству, что центральной фигурой его явился в тот момент Дамиан Попович, командующий войсками под Скутари и в некоторых других пунктах Албании. Попович — один из самых видных участников низвержения и убийства короля Александра. После того как правительство решилось, наконец, от него освободиться и уволило его в отставку (под предлогом непринятия надлежащих мер для отражения албанского набега), офицерство, в виде протеста, поспешило избрать его в совет своей “Задруги”. Конфликт был вслед за тем перенесен в скупшину, но возникший при этом министерский кризис разыгрывался не по поводу отставки Поповича, а на почве столкновения между гражданскими и военными властями в Новой Сербии, где последние, как известно, потребовали признания за ними преимущественных перед первыми прав управления. Кризис разрешился, впрочем, довольно быстро; выйдя временно в отставку, Пашич снова стал во главе правительства, и дело о Дамиане Поповиче пока заглохло, но надолго ли, сказать нельзя. Весь этот эпизод имел, однако, только один вполне определившийся результат, а именно усиление недовольства офицерства королем Петром»⁵⁹.

В свою очередь, В. А. Артамонов оценивал эти события следующим образом: «Оппозиция воспользовалась случаем для нападков на правительство и вступилась за оскорбленный офицерский корпус, обвиняя правительство в дурном управлении новыми краями, в стремлении унижить офицерский корпус и т.д. Правительство в лице министра

внутренних дел старалось обвинить некоторую часть офицерского корпуса (пресловутую “Черную руку”) в стремлении к преторианству, а “Задругу” в плохом бесконтрольном управлении, неисполнении своих обязательств по отношению к Санкт-Петербургскому банку и расходовании управляющим “Задругой” чиновником Ч. Йовановичем средств “Задруги” на посторонние цели (например, издание газеты “Пьемонт”, органа военной партии, и т.п.). Вероятно, эти вопросы (о старейшинстве властей, об упорядочении дел в “Офицерской задруге”) могли бы быть решены и приведены к благоприятному результату без шума и без создания недовольства в известной части офицерского корпуса. Нетактичность, резкость, грубость некоторых членов правительства (С. Протича⁶⁰, В. Янковича) сплотила против правительства офицерский корпус и заставила в лице его делегатов на выборах управления “Офицерской задруги” выступить демонстративно против правительства. Остается сожалеть об этом, так как такого рода столкновения подрывают престиж и правительства, и офицерского корпуса за границей, а вместе с тем в бесплодных прениях тратится время на заседаниях скупщины, тогда как спешные заказы вооружения ожидают, когда дойдет до них очередь⁶¹.

Сами по себе эти события доказывают факт непричастности официальных сербских властей к выстрелу в Сараево, тем более что Сербия в военном отношении была не готова еще к одной войне, о чем Апис, занимая ответственный пост в Генеральном штабе, не мог не знать. В 1913 г., вскоре после окончания Второй Балканской войны он сам сказал известному в будущем югославскому политику С. Прибичевичу: «Нам нужно еще несколько лет мира, а затем придем к вам»⁶². 6 (19) июля 1914 г., беседуя с российским дипломатом В. Н. Штрандтманом, королевич Александр «доверительно поведал», что сербская армия «располагает ныне, после двух Балканских войн, лишь ничтожным количеством исправных винтовок, каковое обстоятельство является большим соблазном для врагов королевства»⁶³.

На этом основании Ю. А. Писарев пришел к выводу не только «о незаинтересованности сербского правительства в военном конфликте с Австро-Венгрией, но и о неучастии руководства “Черной руки” в сараевском заговоре»⁶⁴. Он допускал только косвенную связь «Черной руки» с событиями в Сараево, указывая, что член общества майор

В. Танкосич, занимавшийся подготовкой добровольцев для засылки в Боснию, обучал террористов владению оружием. «По его инициативе и с согласия Димитриевича-Аписа им были даны револьверы и бомбы. Не исключено, что при попустительстве членов союза — офицеров пограничной заставы в Лознице — Г. Принцип и его товарищи перешли государственную границу — из Сербии в Боснию. Как свидетельствует Димитриевич, позже он пытался приостановить эти действия, но не добился успеха. Посланный им в Боснию Д. Шарац запоздал и не смог предотвратить террористический акт»⁶⁵. Ю. А. Писарев ссылался на дневник Ч. Поповича, входившего в центральную управу «Черной руки», в котором последний излагает содержание своей беседы с Аписом летом 1915 г. Попович отмечает: Апис, узнав от Танкосича, что несколько оmlадинцев хотят отправиться в Боснию и убить престолонаследника, сказал: «Да пусти их!» — не предполагая, во-первых, что покушение удастся и, во-вторых, что это может стать поводом для войны⁶⁶. В этой же связи Ю. А. Писарев критикует труды известных сербских исследователей С. Станоевича и уже упоминавшегося нами Л. Йовановича⁶⁷, обвиняя их в тенденциозности и подтасовке фактов. В частности, он высказал обоснованное предположение, что Л. Йованович, «бывший ближайший соратник сербского премьера, один из организаторов Салоникского процесса, поссорившись с Н. Пашичем, сводил с ним личные счеты»⁶⁸. В этом же смысле известный современный сербский историк Д. Батакович указывает, что организация сараевского покушения была делом рук исключительно младобоснийцев. Ни Апис, ни другие руководители «Черной руки», пишет исследователь, не были ни идейными вождями, ни тем более руководителями «Молодой Боснии», а сами участники движения просто могли использовать возможности сербской офицерской организации для реализации своих планов⁶⁹.

В подобном ключе рассуждает и автор историко-публицистического сочинения «Преторианские тенденции в Сербии. Апис и “Черная рука”» Радован Драшкович⁷⁰, входивший в молодости в кружок, сформировавшийся вокруг редакции газеты «Пьемонт». Как доброволец он участвовал в Балканской войне 1912 г., входил в четнический отряд В. Танкосича, а затем служил в 17-м пехотном полку и воевал на фронтах Первой мировой войны. Он пишет, что решение Аписа послать

Г. Принципа и его друзей в Сараево было напрямую увязано с конфликтом организации «Черная рука» и радикального кабинета. Д. Димитриевич, утверждает автор, не верил в успех покушения малоподготовленных молодых людей на престолонаследника, как он думал, хорошо охраняемого. Но сама эта попытка должна была вызвать ответную реакцию австрийских властей, создать в этой связи неблагоприятный для сербского премьера внутривластный прецедент и привести к смене кабинета Н. Пашича, чем полковник не преминул бы воспользоваться⁷¹.

В свою очередь, известный сербский историк А. Митрович, оценивая события лета 1914 г. и подчеркивая непричастность официальных сербских властей к событиям в Сараево, тем не менее указывает на роль в них Аписа в связи с попыткой руководства «Черной руки» весной 1914 г. фактически взять власть в стране в свои руки. Именно в самый канун Первой мировой войны, пишет историк, в Сербии все отчетливее проявлялись признаки двоевластия, которые не могли не отражаться на политике страны по отношению к Австро-Венгрии⁷². По мнению историка, возможное участие Аписа в подготовке покушения сводилось к помощи в переброске будущих убийц через границу и передаче им оружия. А. Митрович считает, что сам Апис действовал лишь как заговорщик, а не как руководитель разведывательного отдела сербского Генерального штаба. О подготовке покушения не были осведомлены ни другие члены «Черной руки», ни организация «Народная оборона», ни тем более правительство и высший офицерский корпус страны. «Недисциплинированный и в то же время патриот, полковник-заговорщик лишь на свой страх и риск пользовался положением руководителя разведывательного отдела», — утверждает исследователь. Он подчеркивает, что Апис не стоял во главе сараевского заговора, а сами участники покушения могли лишь использовать его влияние для осуществления своих замыслов⁷³.

Из конфликта с военными победителями вышли сербское правительство и Радикальная партия. Позиции «Черной руки» значительно пошатнулись, что привело к ослаблению ее влияния на политику страны. Канун войны Сербское государство встретило в состоянии очередного политического кризиса. Выходом из него могло быть только уничтожение одной из сторон конфликта. «Спор о приоритете» положил начало этому противостоянию. Подвел под ним черту Салоникский

процесс, закончившийся исполнением 13 (26) июня 1917 г. смертного приговора в отношении трех членов этого общества: его руководителей — полковника Д. Дмитриевича-Аписа и майора Л. Вуловича, а также его активного участника боснийца Раде Малобабича⁷⁴.

Заметим также, что непосредственно после покушения в Сараево общественные и политические круги Европы не верили в скорое начало войны, а тем более не предполагали, что она растянется на долгие четыре года и унесет миллионы жизней. Убийство престолонаследника казалось не более чем очередным событием в череде кризисов начала XX в. Например, марокканские кризисы 1905 и 1911 гг., аннексионный кризис 1908—1909 гг. сами по себе могли привести к европейской войне, но все они были разрешены дипломатическим путем. Тем более что выстрелы на Балканах звучали и ранее. В 1910 г. Богдан Жераич произвел пять неудачных выстрелов в генерал-губернатора Боснии и Герцеговины генерала М. Варешанина, покончив с собой на месте преступления. По слухам, генерал на сараевском мосту пренебрежительно отшвырнул ногой окровавленный труп Жераича. На его могиле побывал Г. Принцип, который установил там деревянный крест и посадил цветы. Покушения совершались на министра финансов Австро-Венгрии графа Л. Билинского, на королевских комиссаров в Хорватии С. Цувая и И. Склецера⁷⁵.

Тем не менее спустя месяц после убийства Франца Фердинанда и его супруги, 23 июля в 6 часов вечера, австро-венгерское правительство предъявило Сербии известный ультиматум из десяти пунктов, принять который, по словам английского министра Э. Грея, означало только одно: Сербское государство «не могло бы больше считаться самостоятельным»⁷⁶.

В ультиматуме, который, как отмечал Ю. А. Писарев, «оказался необычным по своей наглости и цинизму документом»⁷⁷, содержалось, в частности, требование «допустить сотрудничество в Сербии австро-венгерских органов в деле подавления революционного движения, направленного против территориальной целостности монархии». Для ответа отводилось 48 часов. Сербия была готова принять все условия, поскольку настроение правящих кругов Белграда было близко к панике. Принц-регент Александр после посещения русской дипломатической миссии отправил срочную телеграмму российскому императору,

в которой, в частности, писал: «Среди условий находятся и такие, которые требуют перемены в нашем законодательстве, и для сего нам необходимо время. Срок назначен слишком краткий. Австро-венгерская армия сосредотачивается около нашей границы и может нас атаковать по истечении срока. Мы не можем защищаться. Посему молим Ваше Величество оказать нам помощь возможно скорее. Ваше Величество дало нам столько доказательств своего драгоценного благоволения, и мы твердо надеемся, что этот призыв найдет отклик в его славянском и благородном сердце. Я являюсь выразителем чувств сербского народа, который в эти трудные времена молит Ваше Величество принять участие в судьбах Сербии». Николай II начертал на тексте телеграммы: «Очень скромная и достойная телеграмма. Что ему ответить?»⁷⁸

Сербское правительство, понимая невозможность ведения войны, приняло все пункты ультиматума, кроме одного, заявив, что «не отдает себе ясного отчета в смысле и значении просьбы императорского и королевского правительства о том, чтобы Сербия обязалась допустить на своей территории сотрудничество органов императорского и королевского правительства, но заявляет, что оно допустит сотрудничество, соответствующее нормам международного права и уголовного судопроизводства, равно как добрососедским отношениям между обоими государствами»⁷⁹. Тем не менее повод для войны был найден. Венское *Correspondenz-Bureau* опубликовало по поводу сербского ответа следующее сообщение: «Эта нота имеет целью вызвать ложное впечатление, будто сербское правительство готово в широкой мере удовлетворить поставленные монархией требования. Главным же образом нота проникнута духом неискренности, ясно указывающей, что сербское правительство серьезно не намеревается положить конец своей преступной терпимости, проявляющейся им до сего времени по отношению к направленным против монархии козням. Как в отношении общих основ нашего выступления, так и в отношении частных предъявленных монархией требований сербская ответная нота содержит столь широкие оговорки и ограничения, что и действительно сделанные сербским правительством уступки лишаются всякого значения»⁸⁰.

Австро-венгерская армия начала наступление на Сербию 2 августа 1914 г., форсировав реки Саву и Дрину. Массированной бомбардировке был подвергнут Белград. Сербская армия, Верховным главно-

командующим которой стал принц-регент Александр Карагеоргиевич, а начальником штаба воевода Радомир Путник, оказала ожесточенное сопротивление. Уже в августе 1914 г. она одержала победу в районе Церского хребта, изгнав неприятеля с собственной территории. Австрийским войскам с ходу не удалось занять и сербскую столицу, державшуюся до ноября 1914 г. Тем не менее в начале осени 1914 г. положение сербских войск стало критическим. Австро-венгерские войска нанесли новый мощный удар и захватили Белград. Потери сербской армии были значительны. Российский военный агент В. А. Артамонов доносил, что к середине сентября 1914 г. «число раненых сербов достигло 40 тыс. человек. Из них 15 тыс. относятся к бою у Цера и Ядра, а 25 тыс. к настоящим боям. Полагаю, что общее число сербских потерь доходит до 55 тыс. Офицеров убыло свыше 600 человек»⁸¹. Кроме того, в сербской армии ощущалась острая нехватка снарядов. В. А. Артамонов отмечал, что в ее полевой артиллерии осталось примерно 120 снарядов на орудие и что сербские артиллеристы отвечают теперь одним выстрелом на 20 австрийских: «Некоторые батареи были сняты с позиций за отсутствием снарядов». Моральный дух войск начал падать. Тот же Артамонов с тревогой телеграфировал: «Наступило полное нервное истощение, равнодушие и нежелание больше драться; сильная позиция покидается без боя. Частые случаи паники. Люди ищут любого случая сдать. Батальон 8-го полка второго призыва ночью сдался взводу австрийцев. Развилось сильное дезертирство. Пятый сверхштатный полк разбежался по домам. Заключение: первая сербская армия как боевая единица не существует»⁸².

Однако, вопреки опасениям русского военного агента, в октябреноябре 1914 г. сербским войскам не только удалось сдержать вражеское наступление, но и подготовить мощный ответный удар. Как отмечалось в оперативных сводках русской Ставки, «благодаря своевременно принятым мерам порядок в первой армии стал водворяться, причем выяснилось, что многие нижние чины покинули свои части для спасения своих семейств, оставшихся в очищавшихся войсками областях»⁸³. Большую роль в этом сыграло поведение престарелого сербского монарха Петра Карагеоргиевича, который лично отправился в окопы и, по словам русского посланника Г. Н. Трубецкого, показал «своим примером, что он предпочитает смерть народному позору». Сербский

король говорил: «Я стар и никуда не годен. Что удивительного в том, что я предпочел бы умереть, чем видеть позор моей родины. Я поехал в окопы и только это и сказал солдатам. Я им говорил: “Пускай, кто хочет, уходит по домам, а я останусь здесь и умру за Сербию”. Ах, если бы видели наших солдат! Какие это необыкновенные люди. Они плакали, целовали мое пальто. Все остались и сражались как львы»⁸⁴.

Новое наступление сербской армии началось 3 декабря 1914 г. В ходе 12-дневных боев на реках Колубаре и Дрине они разгромили австро-венгерские войска, а 15 декабря был освобожден Белград. На сербской территории не осталось ни одного австро-венгерского солдата; было захвачено более 50 тыс. пленных, 126 орудий, 70 пулеметов и немало прочих трофеев. Сербские войска также понесли значительные потери. Русский посланник Г. Н. Трубецкой отмечал, что при общей численности армии в 120 тыс. человек резервы страны ничтожны и ограничиваются 40 тыс. новобранцев «срока службы 1915 г. и 15 000 уроженцев Новой Сербии»⁸⁵. Почти на десять месяцев на фронте установилось относительное затишье.

Однако военные операции на сербо-австрийском фронте 1914–1915 гг. никак не согласовывались с союзниками. Несмотря на настоятельные просьбы российского командования, сербская армия так и не перешла в наступление, начало которого первоначально планировалось на 10 (23) июня 1915 г.⁸⁶ Причем, как заметил В. А. Артамонов, «сербское наступление откладывалось намеренно; отчасти по политическим соображениям, до выяснения намерения Болгарии и Румынии, отчасти по военным, ввиду наших неудач». По словам российского военного агента, Н. Пашич «неоднократно высказывал, что наступление сербов будет своевременным и безопасным, когда русская армия с Карпат спустится в венгерскую долину»⁸⁷. Русский генерал Ю. Н. Данилов писал: «Здесь — с сожалением, конечно — уместно будет вновь отметить, что сербская армия, усиленная черногорскими контингентами, составляла третий вполне самостоятельный фронт держав Согласия. Если между Россией и Францией, несмотря на отсутствие общего плана войны, все же существовал некоторый предварительный сговор по вопросу о первоначальных военных действиях, то по отношению к Сербии не было сделано и этого минимального шага к установлению единства действий»⁸⁸. Ю. А. Писарев справедливо объясняет неучастие

сербских вооруженных сил в совместных с союзниками военных действиях политическими причинами. Правительство, по его мнению, хотело сохранить армию, которая могла бы сыграть «решающую роль на заключительном этапе войны, когда практически бы встал вопрос о присоединении к Сербскому королевству югославянских территорий Австро-Венгрии»⁸⁹. Причем в июне 1915 г. Сербия ввела свои войска в Албанию, захватив ее столицу Тирану и важный стратегический пункт г. Эльбасан. Правда, под давлением России, Англии и Франции войска вскоре пришлось вывести.

Сербия успешно противостояла австро-венгерской армии, даже несмотря на вспыхнувшую в декабре 1914 г. среди солдат и быстро перекинувшуюся на гражданское население эпидемию тифа, от которой умерло, по разным оценкам, от 150 до 200 тыс. человек. Это составляло примерно 40% от общих военных потерь Сербии, которые можно оценивать до 700 тыс. человек⁹⁰.

Но осенью 1915 г. страну постигла военная катастрофа. В результате совместного германо-австрийского наступления под общим командованием фельдмаршала А. фон Макензена, начатого в сентябре 1915 г., сербская армия была разгромлена, а территория страны оккупирована. И причины этой катастрофы кроются не только в подавляющем численном превосходстве сил Четверного союза. Речь опять шла о «новоприсоединенных» территориях, ставших поводом для конфликта между офицерским корпусом и гражданскими властями буквально накануне начала войны.

Неразрешенные национальный, территориальный и конфессиональный вопросы не только осложняли внутривнутриполитическую ситуацию в королевстве, но и обостряли и без того непростые политические отношения с Болгарией, вынужденной по итогам Второй Балканской войны на время расстаться с мечтами о присоединении Македонии. Не случайно после начала в 1914 г. военных действий в новоприсоединенных к Сербии областях сербское Верховное командование вынуждено было дислоцировать до 40 тыс. солдат для охраны стратегически важной железной дороги до Салоник. «В новоприсоединенных областях, в частях, прилегающих к Болгарии, не все обстоит благополучно. Четничество и банды множатся, вызывая со стороны местных властей репрессивные меры, которые, быть может, применяются без достаточ-

ной осмотрительности, но с вполне естественным желанием внести успокоение в стране в то время, когда Сербии приходится напрягать все свои силы в тяжелой борьбе против Австро-Венгрии», — отмечал В. Н. Штрандтман⁹¹.

Данную ситуацию пыталась использовать в своих интересах Австро-Венгрия. О методах, к которым она прибегала, прямо и откровенно рассказал в своих мемуарах М. Ронге, один из руководителей австро-венгерских спецслужб: «...организация восстания македонцев в Ново-Сербии, агитация против войны рекрутов в области, диверсионные акты и т.п. Ввиду ожидавшегося вскоре закрытия границы с Сербией и Черногорией надлежало наладить против этих государств разведывательную службу через нейтральные страны. Проведение этих мероприятий из Софии было сравнительно легким делом, так как Болгария сама очень интересовалась развертывавшимися событиями. Хорошую службу сослужили нам в этом отношении македонские четники, на которых одновременно была возложена задача организации разрушений на линиях железных дорог, ведущих от Салоник в Сербию. Против этой важной для сербов коммуникации, по которой доставлялись из Франции вооружения, были также направлены албанские и турецкие отряды из Албании. Из попытки включить в действие Македонский комитет в Болгарии для угрозы с тыла сербским войскам у Дрины ничего не вышло, ибо он располагал не более чем 300 вооруженных людей»⁹². Слова Ронге перекликаются с многочисленными рапортами В. Н. Штрандтмана, отмечавшего усиление деятельности австро-венгерской разведки в Албании. Так, например, в своем донесении от 30 июня (13 июля) 1914 г. он отмечал, что австрийцы установили контакты с лидерами албанского национального движения, в частности с Исой Болетинацем (Болетини), которому были выданы определенные денежные суммы «в целях побуждения их напасть на Сербию»⁹³. Кроме того, российский поверенный в делах в донесениях лета—осени 1914 г. констатировал резкое усиление террористической деятельности болгарских банд в Македонии, особо подчеркивая факт участия официальных кругов Софии в их финансировании и снабжении оружием.

В непростой ситуации, сложившейся на сербо-австрийском фронте осенью 1914 г., среди новобранцев из Македонии участились случаи дезертирства. Как сообщал российский дипломат, «некоторые из пе-

рехваченных беглецов признавались сербским властям, что болгарская миссия в Нише через своих агентов поощряет неповиновения, выдавая денежное пособие»⁹⁴. Все это усиливало взаимное недоверие двух правительств, создав предпосылки для провала сербо-болгарских переговоров и вступления Болгарии в войну на стороне Австро-Венгрии и Германии.

Чтобы снизить накал антисербских настроений, в конце декабря 1914 г. Александр Карагеоргиевич обнародовал манифест, декларирующий дарование уроженцам Новой Сербии политических прав «наравне с населением прочих частей королевства». Болгарская печать усмотрела в «этом акте сербского регента повод лишний раз заявить о неделимости сербской территории и нежелании сербских правителей идти навстречу справедливым требованиям Болгарии»⁹⁵.

Обострению сербо-болгарских отношений способствовали политические игры держав Антанты с одной стороны, и австро-германского блока — с другой, стремившихся втянуть Болгарию в войну на своей стороне. В апреле 1915 г. в союзе с Антантой в войну вступила Италия, что породило в Сербии слухи о чрезмерных притязаниях римского кабинета на славянские области. «Раздражение против итальянцев выливалось в самой резкой и часто неприличной форме. Только благодаря такту осторожного [итальянского посланника в Сербии] барона Свити мелочные уколы и неприятности, которые ему делались на каждом шагу, не были раздуты им до размера инцидентов, способных испортить международные отношения», — вспоминал Г. Н. Трубецкой⁹⁶. Дипломатическое давление со стороны Антанты оказывалось и на Румынию, которой в случае вступления в войну обещали передать не только Трансильванию, но также Буковину и весь Банат. В результате могло оказаться, что ее будущая граница с Сербией прошла бы по Дунаю, и это также болезненно воспринималось политическим руководством Сербии.

Российские правящие круги при этом полагали, что будущее обладание Черноморскими проливами сможет компенсировать все уступки в пользу Италии и Румынии. Непосредственно после начала военных действий в 1914 г. российские дипломаты В. Н. Штрандтман и Г. Н. Трубецкой провели переговоры с Пашичем и болгарским посланником С. Чапрашниковым о возможности воссоздания Балкан-

ского союза и присоединении Болгарии к Антанте. Эта идея приобрела особую актуальность после вступления в войну Османской империи в октябре 1914 г. Российское правительство отдавало себе отчет в том, что привлечь Болгарию на сторону Антанты или же обеспечить ее благожелательный нейтралитет можно было только обещанием передать ей Македонию в границах, намеченных союзным договором 1912 г. Сербии было предъявлено требование пойти на территориальные уступки в пользу Болгарии, которые, как вспоминал Г. Н. Трубецкой, «потребуются обстоятельствами, дабы достигнуть немедленного выступления Болгарии на нашей стороне. За это Сербии обещалось *в весьма общих выражениях* (курсив мой. — Я. В.) приобретение, при заключении мира, обширных территорий с выходом к Адриатическому морю»⁹⁷.

Английский кабинет после неудачи Дарданелльской экспедиции, был особенно заинтересован в вовлечении Болгарии в войну. Британский министр иностранных дел Э. Грей решил даже на экстраординарный шаг — на Балканы для уговоров потенциальных союзников и для давления на Сербию с официальной миссией был послан авторитетный журналист газеты *Times* В. Чироль. Однако его миссия в Софии и Бухаресте успеха не имела, а Н. Пашич наотрез отверг его предложения. Это поставило В. Чироля, а вместе с ним и весь английский кабинет в неловкое положение. Как писал Г. Н. Трубецкой, «он был настолько умен и порядочен, что признавался мне в том, что иначе представлял себе дело и что не знает, что в конце концов выйдет из всей этой каши, которую он, однако, сам если и не заварил, то помог заварить»⁹⁸.

Ю. Н. Данилов отмечал в этой связи: «Дело обстояло так, что всякое правительство, которое пошло бы в ту минуту на сколько-нибудь значительные территориальные уступки в пользу Болгарии, не могло бы даже удержаться у власти. В наиболее трудном положении оказывалась, конечно, Сербия как государство, на защиту которого стали державы Согласия и которому непосредственно угрожало нападение Болгарии с тыла. Но и его правительству, в главе которого стоял г. Пашич, по видимому, можно было только навязать намеченные уступки в пользу Болгарии»⁹⁹. В разговоре с русским посланником Пашич прямо заявил, что «лучше с честью погибнуть, чем идти на самоубийство»¹⁰⁰. В дальнейших беседах с ним Пашич резко заметил: «Сербией распоряжаются

и делят как африканскую колонию». «Какое право имеете вы ставить подобные упреки России после всего, что она сделала?» — возразил Трубецкой. «Я верю, что требовать от нас невозможного она не может», — ответил Н. Пашич. Российский дипломат пригрозил, сказав, «что если они всего будут добиваться, то рискуют ничего не получить и что Сербии предстоит сделать выбор между Македонией и объединением юго-западного славянства». Сербский премьер ответил: «Мы выберем Македонию»¹⁰¹. Бескомпромиссная позиция премьера не только соответствовала общему настроению сербского общества после окончания Балканских войн, но и вполне отвечала будущим стратегическим планам Пашича по созданию объединенного славянского государства. Очевидно, он не хотел оказаться в изоляции, как это случилось во время кризиса 1908—1909 гг.

Единодушие союзников по данному вопросу, несмотря на вручение 23 июля 1915 г. сербскому премьеру от имени держав соответствующей ноты, не наблюдалось. Как писал С. П. Мельгунов, «ген. Алексеев с военной точки зрения считал необходимым “исчерпать все средства для привлечения Болгарии на нашу сторону”. Мысли Алексеева вызвали “несочувственное” отношение у французов. [...] Мы знаем о мотивах, сформулированных русским министерством ин[остранных] д[ел] и сообщенных в записке Базили, которая передана Алексееву: соглашение с Фердинандом умалит русский престиж среди балканских народов и будет принято как доказательство слабости. Выдвигался в записке Базили и другой мотив: надо стремиться предотвратить образование на Балканах “слишком сильных государств”, стремящихся к гегемонии, — в особенности это касается Болгарии, лежащей вблизи проливов»¹⁰². С полным равнодушием в Петербурге восприняли предложение Г. Н. Трубецкого занять вместе с союзниками линию Вардара, чтобы обезопасить сообщения от Салоник до Дуная и, как единственный способ избежать войны, не дать войти в соприкосновение сербским и болгарским войскам.

Вместе с тем одной из главных причин неудач переговоров можно считать неопределенность обещанных Сербии территориальных компенсаций: эти территории еще было нужно отвоевать, а в будущем, возможно, предстояло столкнуться и с сопротивлением Италии. В ноте сербского правительства от 19 августа 1915 г. было дано лишь принци-

пиальное согласие на линию 1912 г. и выдвинуты в качестве обязательных условий конкретные требования, основное содержание которых сводилось к следующему:

1. Немедленное вступление Болгарии в войну.
2. Державы должны были передать Сербии Хорватию с г. Фиуме (Риека).
3. К Сербии должна быть присоединена западная часть Баната.
4. Скопье должно быть ограждено стратегической границей, которая будет определена в будущем.
5. Сербия оставляет за собой Прилеп.
6. Общая граница с Грецией должна начинаться с высоты Перистеры и Суха-Планины и продолжаться на запад до пункта, который также будет определен.
7. Передача Македонии может осуществиться только после того, как Сербия войдет во владение новыми территориями и будут урегулированы вопросы, касающиеся прав сербского населения в Македонии¹⁰³.

Переговоры зашли в тупик, и вступление Болгарии в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии стало неотвратимым. 6 сентября 1915 г. были подписаны документы о присоединении Болгарии к коалиции Центральных держав. Но Н. Пашич, как вспоминал впоследствии известный югославский политик С. Прибичевич, продолжал убеждать сербскую и европейскую общественность в том, что о новом австро-германском наступлении не может быть и речи¹⁰⁴. Впоследствии военные круги королевства, в том числе члены «Черной руки», возлагали на сербского премьера персональную ответственность за военную катастрофу. Они обвиняли Пашича в том, что он, подчинившись требованиям держав, помешал им напасть на Болгарию, пока она еще не была готова к войне. Именно ему, как заметил Г. Н. Трубецкой, «ставили в вину все неудачи в переговорах с державами и Грецией»¹⁰⁵. Уже на Корфу в апреле 1916 г. участник «Черной руки» полковник Д. Попович, имея в виду политическое руководство страны, в одном из писем жене выразился более чем категорично: «Эти негодяи мне омерзительны, но я ничего не могу поделать. Всех их надо повесить»¹⁰⁶. Эти слова во многом объясняют истинные причины проведения Салоникского процесса.

5–7 сентября 1915 г. австро-венгерская и германская армии под командованием Макензена после массовой артиллерийской подготовки начали новое наступление на Сербию. Спустя десять дней в войну вступила Болгария. По оценкам военных историков, в наступлении принимало участие до 450 тыс. австро-германских войск, 150 тыс. болгар и до 100 тыс. турок¹⁰⁷. В ночь с 8 на 9 октября был оставлен Белград. Положение Сербии стало критическим. 16 октября Александр, а на следующий день Пашич официально обратились к Англии и Франции с просьбой прислать войска для обороны Ниша и железной дороги Битоль–Салоники. Только 31 октября между Англией и Францией было достигнуто соглашение об увеличении экспедиционного корпуса генерала Мориса Саррайля до 150 тыс. человек. Но было уже слишком поздно. Болгарские войска еще 19 октября перерезали Салоникскую железную дорогу, лишив сербскую армию возможности соединиться с союзниками. Англо-французские части, с опозданием переброшенные из Галлиполи в Салоники на помощь сербам, были отброшены болгарскими войсками.

5 (18) октября 1915 г. Россия объявила Болгарии войну, но также не смогла организовать высадку своих войск на ее черноморском побережье в помощь Сербии¹⁰⁸. Российский флот ограничился бомбардировкой Варны 27 октября 1915 г. 29 октября на экстренном заседании правительства в г. Крушевац Н. Пашич и принц-регент Александр приняли решение об отступлении остатков сербской армии через Черногорию и Албанию к Адриатическому морю для дальнейшей ее эвакуации на греческий остров Корфу.

В конце ноября 1915 г. сербское руководство собралось в Скутари, где было заменено высшее командование сербской армии. Воевода Путник передал полномочия своему помощнику полковнику Ж. Павловичу. Там же состоялся знаменитый парад сербской армии. Потрясенный этим зрелищем французский журналист А. Барби назвал его «дефиле живых трупов». С острова Корфу сербская армия, отвергнув капитуляцию, была переправлена на Салоникский фронт. Началась новая страница в истории борьбы Сербского королевства, связанная не только с освобождением страны от иностранных интервентов, но и с формированием нового государства — королевства СХС (сербов, хорватов и словенцев; с 1929 г. — Югославия).

¹ См., напр.: *Готлиб В. В.* Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. М., 1960; *Виноградов К. Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог Первой мировой войны. Л., 1964; *Поповић Н.* Србија и царска Русија. Београд, 1994; Первая мировая война. Пролог XX века. М.: Наука, 1998; За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002; В «пороховом погребе Европы» 1878–1914. М., 2003; *Яси О.* Распад Габсбургской монархии. М., 2011; *Seton-Watson R.* Europe in the melting-pot. L., 1919; *Fischer F.* Germany's War Aims in the First World War. N.Y., 1967; *Jelavich B.* A Century of Russian Foreign Policy 1814–1914. Philadelphia: Lippincott, 1964; *Jelavich B.* The Habsburg Empire in European Affairs, 1814–1918. Chicago: McNally, 1969. *Jelavich B.* History of the Balkans. Cambridge, 1983.

² См., например, дискуссии и комментарии сербских историков по данному вопросу: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.blic.rs/Vesti/Drustvo/387215/Istoricari-Gavrilo-Princip-nije-bio-terorista>.

³ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 313. Л. 60–61.

⁴ Там же. Л. 83 (об.).

⁵ *Стојановић Д.* Србија и демократија. Београд, 2003. С. 37.

⁶ РГВИА. Ф. 2000. Д. 817. Л. 41 (об.).

⁷ *Dedijer V.* Sarajevo 1914. Кпј. II. Београд, 1978. С. 78.

⁸ Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С. 109. Сам П. А. Ровинский (1831–1916) являлся крупнейшим историком-славистом и филологом своего времени. С 1879 г. он практически постоянно проживал в Черногории, сначала как частное лицо, а затем как драгоман русской миссии. Одним из самых значительных его трудов стала книга «Черногория в ее прошлом и настоящем», которая и сегодня остается самым всеобъемлющим произведением по истории этой страны. — *Прим. авт.*

⁹ *Шtrandтман В. Н.* Балканске успомене. Књ. I. Део 1–2. Београд, 2009. С. 124.

¹⁰ В конце 1844 г. министр внутренних дел Сербии И. Гарашанин разработал программу «Начертание», которая провозглашала создание на базе княжества большого южнославянского государства с расширением его территории за счет Боснии и Герцеговины, Черногории, Северной Албании и получением выхода к Адриатическому морю. О программе «Начертание» см. подробнее: *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србије XIX в. Београд, 1958; *Љушић Р.* Књига о Начертанију. Београд, 1993; *Никифоров К. В.* Сербия в середине XIX века. Начало деятельности по объединению земель. М., 1995; *Белов М. В.* Манифест сербской национальной бюрократии (историографические заметки о «Начертании» И. Гарашанина 1844 г.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2007. № 1. С. 205–211.

¹¹ Архив Србије. (Далее АС.) НА-52. Л. 4.

¹² *Чиркович С.* История сербов. М., 2009. С. 313.

¹³ *Рид Д.* Вдоль фронта. М.; Л., 1928. С. 66–67.

¹⁴ Организация «Словенский юг» была основана в Белграде в начале мая 1903 г. формально как студенческое культурно-просветительское общество, цель которого содействовать объединению всех южнославянских народностей. Основатели этой

организации находились в тесной связи с членами белградской масонской ложи «Препород» («Возрождение»). После майского переворота 1903 г. общество значительно укрепило свои позиции, активизировав свою деятельность в Албании, Македонии, Боснии и Герцеговине.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2000. Д. 3035. Л. 467.

¹⁶ Международные отношения эпохи империализма (далее — МОЭИ). Т. XVIII (ч. II). Серия II. 1900—1913. М.; Л., 1931. С. 211.

¹⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. «Политархив». Д. 502. Л. 3.

¹⁸ Сам же Богдан Раденкович планировал в 1911 г. занять пост рашско-призенского митрополита. См.: АС. Ф. Солунски процес. 1917. I. Fascikla II. Одбрана за Б. Раденковића.

¹⁹ *Dedijer V. Sarajevo, 1914. knj. II. С. 96.*

²⁰ Радивоевич был убит в ходе Балканских войн в 1913 г., и его место председателя занял Д. Димитриевич-Апис, ставший подлинным лидером этого общества.

²¹ *Пејчић П. Четнички покрет у Краљевини Србији 1903—1908. С. 106—107.*

²² Милан Васич был убит в ходе Балканских войн, 1913 г. Майор Воислав Танкосич был тяжело ранен в боях под Пожаревацем в 1915 г. и вскоре умер. М. Гр. Милованович был осужден по приговору Салоникского процесса 1917 г.

²³ *Виноградов В. Н. Двуглавый российский орел на Балканах 1683—1914. М., 2010. С. 445.*

²⁴ *Чириков Е. Н. Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 142.*

²⁵ *Рид Д. Указ. соч. С. 66.* Данные слова позволяют несколько иначе взглянуть на причины кризиса в России в феврале 1917 г. Генерал и военный историк Ю. Н. Данилов отмечал, что в 1914 г. в России, после объявления мобилизации, несмотря на внешнюю бурную поддержку Николая II и патриотический подъем, крестьянин составлявший, так же как и в Сербии, основу армии, «шел на призыв потому, что привык вообще исполнять все то, что от него требовала власть; он терпеливо и пассивно нес свой крест, пока не подошли великие испытания <...>. Даже коренное русское население было лишено сознания единства. “Мы — вятские, тутьские или пермские, до нас немец не дойдет”, — такими словами часто и надо сказать довольно правильно характеризовали у нас несознательное отношение крестьянства об общей опасности государства». (*Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914—1915 гг. Берлин, 1924. С. 112.*) То же в своих воспоминаниях пишет князь С. Е. Трубецкой. «Всем было тяжело, никому не хотелось идти. Индивидуального сознания печальной необходимости войны почти ни у кого не было (“мы калуцкие, нам море не нужна”). И вот все безропотно бросали все и шли... Что же их побуждало к этому? Патриотизм? Только в исключительных случаях. Масса шла потому, что она чувствовала принуждение идти. А какова была реальная, физическая сила, стоящая за этим принуждением? Два, три урядника на огромную волость! Если бы люди на мгновение вышли из-под действия массового гипноза власти и чувства необходимости ей повиноваться, власть эта ничего не могла бы с ними поделаться, и вся

сложная постройка государственного здания рассыпалась бы в прах». *Князь Трубецкие*. Россия воспрянет. М., 1996. С. 159. Неудачи на русско-германском фронте в 1915–1916 гг. только усиливали эти настроения, что делало кризис российской монархии неизбежным.

²⁶ АВПРИ. Ф. 166 — миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 141. Л. 3 (об.).

²⁷ *Гешов И. Е.* Балканский союз: воспоминания и документы. Пг., 1915. С. 80.

²⁸ РГВИА. Ф. 2000. Д. 2988. Л. 40 (об.). В январе 1913 г. сербские военные власти Битоли ввели повышенные пошлины на ввозимые из Салоник товары, что вызвало в городе рост цен и дефицит товаров первой необходимости. По словам российского консула в Битоли Н. В. Кохманского, «сербское правительство в этом случае не только не заботится об интересах населения, но смотрит на этих новых своих подданных как бы на неприятеля, облагая их контрибуцией с единственной целью пополнения казны, не дав еще со своей стороны плательщикам экономических выгод или улучшения вообще условий жизни даже в самом городе Битоли». См.: АВПРИ. Ф. 166 — миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 141. Л. 46.

²⁹ АВПРИ. Ф. 166 — миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 141. Л. 81 (об.).

³⁰ Там же. Л. 138–140 (об.).

³¹ См.: *Искендеров П. А.* Сербо-албанское разграничение и общественно-политическая ситуация в Сербии 1913–1914 гг. // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.). СПб., 2009. С. 178.

³² АВПРИ. Ф. 166 — миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 141. Л. 59.

³³ По данным русского консула в Призрене Емельянова, к 1913 г. в Призренском округе проживало 227 425 жителей, из них около 35 тыс. православных сербов, 190 тыс. мусульман, а остальные католики. Непосредственно в городе из 22 308 жителей было 13 414 турок, 1328 арнаутов, 5127 сербов, 1104 цыгана, 270 греков, 1 болгарин, 1057 католиков-албанцев, 13 католиков-сербов. См.: АВПРИ. Ф. 166 — миссия в Белграде. О. 508/1. Д. 141. Л. 131–131 (об.). Исходя из данных цифр, становятся понятны и истоки современной Косовской драмы.

³⁴ АВПРИ. Ф. 166 — миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 141. Л. 59 (об.).

³⁵ Там же. Л. 110–111.

³⁶ Там же. Л. 9. В сентябре 1913 г. албанские четы численностью более 10 тыс. человек под руководством Исы Болетинца и других вождей албанского Сопротивления совершили нападение на недавно присоединенные к Сербии земли Западной Македонии. Началась новая, теперь уже необъявленная война на Балканах. В этом вторжении активное участие приняли и болгарские четнические отряды. Это вторжение не без труда было отбито силами сербской армии, а албанское население подверглось жестоким репрессиям со стороны сербских военных властей. См.: *Трбић В.* Мемоари. Ч. II. Београд, 1996. С. 32–40; П. А. Искендеров (см.: *Искендеров П. А.* Сербия, Черногория и албанский вопрос. СПб.: Алетейа, 2013. С. 132–158) приводит ужасающие факты расправ, чинимых как албанцами, так и сербами, ссылаясь на «Официальный доклад великим державам» — документ, опубликованный в газете «Корриере делле Пулье», в котором были обобщены материалы о резне сербами албанского населения в Люме и Дебаре.

³⁷ РГВИА. Ф. 2000. Д. 3166. Л. 10–11 (об.).

³⁸ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 793. Д. 6. Л. 135.

³⁹ РГВИА. Ф. 2000. Д. 3168. Л. 11–11 (об.).

⁴⁰ МОЭИ. V. С. 455–456.

⁴¹ Там же. С. 455.

⁴² АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 532. Л. 239–240.

⁴³ Там же. Л. 240 (об.).

⁴⁴ Младорадикалы откололись от Радикальной партии в 1901 г. Для борьбы с ними Пашич попытался заручиться поддержкой еще одной влиятельной партии «напредняков» (от сербск. «напред» — «вперед»), вступив при посредничестве Н. Г. Гартвига в переговоры с одним из видных деятелей этой партии Павле Маринковичем. Переговоры, однако, зашли в тупик, поскольку «напредняки» требовали создания коалиционного правительства «с тем, чтобы выборы в скупшину производились под контролем коалиционного из обеих партий министерства». Неудача переговоров лишь обострила внутренний кризис, поскольку эта партия также открыто присоединилась к оппозиции. См.: АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 532. Л. 262. (Н. Г. Гартвиг — С. Д. Сазонову 18.06.1914).

⁴⁵ Там же. Л. 261 (об.).

⁴⁶ Российский посланник в Сербии Г. Н. Трубецкой называл Драшковича «самым выдающимся членом кабинета». По словам российского дипломата, «он был еще молодой, чрезвычайно привлекательный искренностью и горящий силою своего патриотизма человек. Вместе с тем он обладал редким в Сербии качеством деловитости; на слова его можно было надеяться больше, чем на слова других. А это много значило в Сербии, где славянская халатность давала себя чувствовать». См.: *Трубецкой Гр. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 90.

⁴⁷ Об этом в своих воспоминаниях указывает участник переворота 1903 г., близкий к организации «Черная рука» А. Антич. См.: *Антич А.* Белешке. Зајечар, 2010. С. 264. См. также: *Маккензи Д.* Апис. Гениальный конспиратор. М., 2005. С. 166–167. На салоникском процессе этот факт был одним из важных аргументов доказательства вины Аписа, что зафиксировано в протоколах суда. См.: Архив Србије (далее АС) Солунски процес. 1917. Fascikla I: Пресуда пук. М. Лазаревића, fascikla II: Претрес пуковника Плазניה.

⁴⁸ *Маккензи Д.* Апис. С. 169. См. также: АС. Солунски процес. 1917. I. Fascikla II. Завршна реч Милована Гр. Миловановића.

⁴⁹ *Антич А.* Указ. соч. С. 264.

⁵⁰ МОЭИ. V. С. 458.

⁵¹ *Писарев Ю. А.* За кулисами суда в Салониках над организацией «Объединение или смерть» (1917) // Новая и новейшая история. 1979. № 1. С. 111; *Он же.* Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М.: Наука, 1990. С. 30.

⁵² МОЭИ. Серия III. Т. III. М.; Л., 1933. С. 330.

⁵³ Там же. Т. IV. 1914–1917 гг. С. 63.

⁵⁴ Там же. V. С. 456.

⁵⁵ Российский заем был предоставлен «Офицерской задруге» осенью 1910 г., причем именно Гартвиг приложил немало усилий, чтобы через тогдашнего российского министра финансов Коковцева убедить руководство Санкт-Петербургского международного банка выделить необходимую сумму. Он писал, что данный вопрос носит важную политическую составляющую: «Сербские офицеры получают сравнительно весьма скромное содержание и при ежегодно увеличивающейся дороговизне здешней жизни вынуждены прибегать к займам, услуги им охотно оказывают местные банкиры, почти сплошь австрийские евреи, вымогающие с них еврейские проценты. Постепенно большинство офицеров сербской армии оказалось в цепких руках евреев». Александр Карагеоргиевич даже наградил представителей этого банка сербскими орденами, а своевременное погашение займа гарантировал также и военный министр страны. См.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3035. Л. 52, 268.

⁵⁶ МОЭИ. Серия III (1914–1917). М.; Л., 1931. С. 131.

⁵⁷ Там же. С. 131.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 2000. Д. 3168. Л. 18–18 (об.). Заметим, что 28 октября 1913 г. Д. Дмитриевич-Апис положил на счет «Офицерской задруги» существенную сумму 2703 динара и 95 пара. См.: АС. Солунски процес. 1917. I. Fascicla II. Разна преписка за време процеса.

⁵⁹ МОЭИ. Серия III (1914–1917). М.; Л., 1931. С. 146–147.

⁶⁰ Известный деятель сербского четнического движения В. Трбич, который, как он сам пишет, был противник вмешательства армии в политику, утверждал, что министр Стоян Протич был побит капитаном Аце Благоевичем. См.: *Трбућ В.* Меморари. Ч. II. Београд, 1996. С. 42.

⁶¹ РГВИА. Ф. 2000. Д. 3168. Л. 15–15 (об.). См. также: МОЭИ. V. С. 450–451.

⁶² *Pribićević S.* Diktatura kralja Aleksandra. Zagreb, 1990. С. 240.

⁶³ АВПРИ. Ф. «Политархив». Оп. 482. Д. 4213. Л. 28.

⁶⁴ *Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М.: Наука, 1990. С. 36–37.

⁶⁵ *Писарев Ю. А.* За кулисами суда в Салониках над организацией «Объединение или смерть» (1917) // Новая и новейшая история. 1979. № 1. С. 114.

⁶⁶ Там же. С. 115.

⁶⁷ *Станоевић С.* Убијство аустројског престолонаследника Фердинанда. Прилози о питању о почетку светског рата. Београд, 1923. С. 46. Станоевич утверждал, правда без ссылок на какие-либо источники, что 15 июня (н. ст.) 1914 г. Апис созвал совещание руководителей организации «Черная рука» и сообщил им, что он и Танкосич послали в Боснию специальных людей для убийства Франца Фердинанда. Однако большинство членов совещания высказалось против осуществления этого намерения, Апис вынужден был отменить свой приказ, но «либо было уже поздно, либо атентаторы в Сараево не стали его слушаться»; см. также: *Јовановић Л.* После Видовдана 1914. Крв словенства. Споменике десетгодишњице светског рата 1914–1924. Београд, 1924.

⁶⁸ *Писарев Ю. А.* За кулисами суда в Салониках над организацией «Объединение или смерть» (1917) // Новая и новейшая история. 1979. № 1. С. 116.

- ⁶⁹ Батаковић Д. Нова историја српског народа. Београд, 2000. С. 245.
- ⁷⁰ Драшковић Р. Преторијанске тежње у Србији: Апис и «Црна рука». Београд, 2006.
- ⁷¹ Там же. С. 193.
- ⁷² Митровић А. Србија у првом светском рату. Београд, 2004. С. 32–36.
- ⁷³ Там же. С. 36.
- ⁷⁴ Поводом к аресту членов «Черной руки» стало покушение на престолонаследника Александра, совершенное в начале сентября 1916 г. на Салоникском фронте у деревни Острво во время его инспекционной поездки по линии фронта. При этом ни сам Александр, но его окружение не пострадали. В организации покушения были обвинены руководители «Черной руки», которые были преданы суду военного трибунала.
- ⁷⁵ См. подробнее: *Horvat J. Pobuna omladine 1911–1914. Zagreb, 2006. С. 127–139.*
- ⁷⁶ Мировые войны XX века. М., 2002. Кн. 1. С. 52–54.
- ⁷⁷ Писарев Ю. А. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 67.
- ⁷⁸ МОЭИ. Серия III. Т. I. М., 1935. С. 444.
- ⁷⁹ Мировые войны XX века. Кн. 1. С. 57.
- ⁸⁰ Цит. по: *Федоров Н., Е-в Н. Австро-сербская война. Ее причины и возможные последствия. СПб., 1914. С. 37.*
- ⁸¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1870. Л. 241.
- ⁸² Там же. Л. 522–527, 545.
- ⁸³ Там же. Л. 510.
- ⁸⁴ Мужественный поступок Петра Карагеоргиевича отметили и в России: Николай II наградил сербского монарха орденом Андрея Первозванного с мечами, престолонаследнику Александру был вручен орден Св. Георгия 3-й степени, а его брат Георгий пожалован орденом Св. Георгия 4-й степени. См.: *Трубецкой Гр. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 77.*
- ⁸⁵ АВПРИ. Ф. «Политархив». Оп. 482. Д. 532. Л. 456 (об.) — 457.
- ⁸⁶ 16 (29) июня 1915 г. Ставка Верховного главнокомандования направила Александру Карагеоргиевичу следующую телеграмму: «Имея в виду возобновившееся в более решительной форме наступление итальянской армии, а также полученные сведения об уходе с сербского на итальянский фронт 16-го и части 15-го австро-венгерских корпусов, равно как о возвращении на наш фронт части германских войск, отправленных к сербской границе, представлялось бы, с общей точки зрения, весьма желательным, чтобы и сербская армия в возможно скором времени осуществила наступление, начало которого первоначально было намечено на 10 июня». См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1870. Л. 630.
- ⁸⁷ Там же. Л. 629.
- ⁸⁸ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 158.
- ⁸⁹ Писарев Ю. А. Тайны Первой мировой войны. С. 160–161.
- ⁹⁰ Йованович М. «Умереть за Родину». Первая мировая война, или столкновение «обычного человека с тотальной войной». — Последняя война императорской России. М., 2002. С. 149.

Сербский фронт: от войн Балканских к мировой

⁹¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». Оп. 482. Д. 532. Л. 348.

⁹² *Ронге М.* Война и индустрия шпионства. М., 2000. С. 69.

⁹³ АВПРИ. Ф. «Канцелярия». Д. 305. Л. 41. В августе 1914 г. русский военный агент в Болгарии Г. Д. Романовский подчеркивал, что «в македонских кругах в последние дни наблюдается большое оживление. Главарям четников приказано быть наготове и ждать приказа перехода через сербскую границу для одновременных действий с албанцами Исы Болетинаца. В десятой албанской дивизии призваны под знамена запасные под предлогом обучения. В гвардейском и первом конном полку отдан секретный приказ точить сабли. Офицеры запасаются картами Сербии». См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1870. Л. 33–33 об.

⁹⁴ АВПРИ. Ф. «Канцелярия». Д. 305. Л. 85–254.

⁹⁵ АВПРИ. Ф. «Политархив». Оп. 482. Д. 532. Л. 468–468 об.

⁹⁶ *Трубецкой Гр. Н.* Указ. соч. С. 136.

⁹⁷ Там же. С. 138.

⁹⁸ Там же. С. 139.

⁹⁹ *Данилов Ю. Н.* Указ. соч. С. 73.

¹⁰⁰ *Трубецкой Гр. Н.* Указ. соч. С. 146.

¹⁰¹ Там же. С. 146–147.

¹⁰² *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 355.

¹⁰³ *Поповић Н.* Односи Србије и Русије у првом светском рату. Београд, 1977. С. 174–175; *Трубецкой Гр. Н.* Указ. соч. С. 149–150.

¹⁰⁴ *Pribičević S.* Diktatura kralja Aleksandra. Zagreb, 1990. С. 234.

¹⁰⁵ *Трубецкой Гр. Н.* Указ. соч. С. 175.

¹⁰⁶ АСАНУ. Оставштина Живановића. 14434/130.

¹⁰⁷ См.: *Айрапетов О. Р.* Балканы в стратегии Антанты и ее противников (1914–1918) // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 200.

¹⁰⁸ О причинах провала этой операции см. подробнее: *Каширин В. Б.* Несостоявшаяся экспедиция русских вооруженных сил на Балканы осенью 1915 г. // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 175–203.

САРАЕВСКОЕ УБИЙСТВО 1914 г. В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

В начале лета 1914 г. казалось, что международная ситуация, оставшаяся взрывоопасной на протяжении двух Балканских войн (окт. 1912 — авг. 1913 г.), а затем подвергшаяся новому испытанию во время споров вокруг миссии генерала О. Лимана фон Сандерса зимой 1913/14 г., в значительной степени нормализовалась. Это отразилось и на страницах российских периодических изданий: накануне Июльского кризиса газеты много места отводили освещению албанской авантюры принца В. Вида, мексиканской смуте, начавшейся в этой латиноамериканской стране после смещения диктатора П. Диаса, дипломатическому противостоянию Греции и Турции из-за Эгейских островов, росту антибританских настроений в Ольстере и другим событиям, происходившим на периферии мировой политической сцены. Такая атмосфера позволила видному публицисту М. О. Меньшикову умиротворенно заметить: «Лето в разгаре, и войны нет, хотя пророчества о ней были, и подготовка к ней идет до сих пор лихорадочная. Есть, стало быть, кроме разрушительных сил, некий благой промысел, бодрствующий над народами и предупреждающий столкновение между ними»¹. Однако спустя несколько недель после того, как Меньшиков написал эти строки, всю Европу потрясло известие об убийстве в городе Сараево, столице австро-венгерской провинции Боснии и Герцеговины, эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги Софии Хозенберг².

16 (29) и 17 (30) июня 1914 г. все российские газеты вышли под огромными заголовками, извещавшими о сараевском покушении. Портреты погибших, некрологи, статьи и многочисленные телеграммы заполнили газетные полосы. Сознывая важность происшедшего, редакции в своих оценках в большинстве случаев соблюдали осторожность. Убийство наследника габсбургского престола и его супруги признавалось страшным преступлением, а совершившие его сербские террористы жестко осуждались. Российские газеты в первые дни после

сараевского убийства уделили много внимания личности и политическим взглядам погибшего эрцгерцога. При этом характеристики, которые давали Францу Фердинанду различные издания, от либеральных до черносотенных, были весьма похожи. Его называли врагом России и православного славянства, клерикалом, тесно связанным с Римской курией, и милитаристом, стремившимся через агрессивную внешнюю политику вдохнуть новые силы в дряхлеющую Австрийскую империю³.

Самая многотиражная и популярная газета России того времени «Русское слово» писала, что фигура эрцгерцога по-разному воспринималась современниками, считавшими единодушно Франца Фердинанда незаурядным человеком, главными чертами которого были твердая воля и вера в свою миссию — возрождение былого величия дома Габсбургов. «Русское слово» отмечало, что Франц Фердинанд в последнее время играл значительную роль в политике двуединой монархии, но деятельность его проходила за кулисами и не носила публичного характера. Отсюда — противоречивые слухи и домыслы о его убеждениях, намерениях и истинной роли в событиях последних лет. «Обыкновенно эрцгерцогу приписывались широкие планы австрийского империализма, доходившие в одну сторону до Днепра, а в другую — до Эгейского моря. Неосторожное бряцание саблей, едва ли соответствовавшее действительным силам монархии и подлинным видам самого эрцгерцога, приучило Европу к мысли о том, что восшествие Франца Фердинанда I на престол Габсбургов будет непременно ознаменовано войной между великими державами»⁴. «Русское слово» напоминало о натянутых отношениях Франца Фердинанда и его дяди, императора Франца Иосифа, мнения которых по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики часто не совпадали. Однако поскольку деятельность эрцгерцога проходила в тени императора, то остается только гадать, «какой была бы политика Франца Фердинанда, после того как он освободился бы от сдерживающего влияния осторожного шёнбруннского отшельника»⁵.

Другая влиятельная и информированная газета «Новое время» сообщала, что в силу особенностей характера эрцгерцог практически не имел друзей. Отличавшийся раздражительностью и подозрительностью, он «повсюду видел врагов» и практически никому не доверял. До последнего времени он был весьма близок с начальником Генераль-

ного штаба Австро-Венгрии Ф. Конрадом фон Хётцендорфом, однако и с ним рассорился на почве внутриполитических вопросов, в которых не допускал никаких уступок врагам монархии. К последним эрцгерцогу относил венгерских сепаратистов, итальянских ирредентистов, православных славян, масонов и евреев. Особенно раздражали Франца Фердинанда венгры с их амбициями и вечным фрондированием. По информации «Нового времени», незадолго до своей гибели престолонаследник якобы произнес в частном разговоре: «Венгрия в руках масонов и евреев. Этому надо положить конец, и я не остановлюсь на полпути!»⁶ Он считал, что маленький венгерский народ обладает чрезмерными привилегиями в рамках дуалистической империи, и стремился покончить с мадьярской гегемонией.

Один из ведущих сотрудников «Нового времени» известный публицист славянофильского направления Д. Н. Вергун в качестве идеологической основы политики Франца Фердинанда называл австрославизм, направленный против России. «Идеология австрославизма зиждется на ложной предпосылке о том, будто разношерстный состав современной Габсбургской империи составляет не ахиллесову пяту ее, а, наоборот, главную силу ее будущего развития. Обломки народов, входящих в состав Австрии, казались покойному эрцгерцогу магнитами, которые могут привлечь под эгиду Габсбургов их закордонных братьев»⁷. Вергун считал, что после такого печального конца главного протагониста австрославистской идеи Дунайская монархия должна пересмотреть всю свою внутреннюю и внешнюю политику. Он напоминал, что, до того как эрцгерцог начал играть значительную роль в управлении государством, отношения между империями Романовых и Габсбургов были достаточно хорошими, что нашло отражение в проведении совместного мюрцштегского курса на Балканах. Поэтому — делал вывод Вергун — для восстановления прежних дружественных связей между Веной и Петербургом австрийским политикам необходимо отказаться от идеологического наследия Франца Фердинанда, прежде всего от «мазепинских бредней» в духе австрославизма.

Рупор партии октябристов «Голос Москвы» в статье, опубликованной спустя два дня после сараевского покушения, называл Франца Фердинанда главой австрийской военной партии, которая видела выход из неразрешимых национальных проблем в агрессивной внеш-

ней политике и развязывании общеевропейской войны⁸. Первые годы после смерти своего отца Карла Людвиг (1896 г.), став наследником габсбургского трона, Франц Фердинанд держался вдали от политической деятельности, посвящая свое время военной службе. Активное вмешательство эрцгерцога в политику империи, по информации «Голоса Москвы», началось во время Боснийского кризиса 1908–1909 гг. А с момента назначения Франца Фердинанда инспектором вооруженных сил Австро-Венгрии (авг. 1913 г.) он стал главным вдохновителем агрессивной внешней политики, опираясь на поддержку германского кайзера Вильгельма II. Самым опасным врагом своей страны он якобы считал Россию, а потому покровительствовал всем силам, враждебным России, прежде всего полякам и украинским националистам Галиции. Правда, спустя несколько дней «Голос Москвы» уже менее однозначно характеризовал погибшего престолонаследника: «Эрцгерцог Франц Фердинанд, который то тяготел к России, то искал с ней войны, то сторонился Вильгельма II, то всецело доверялся ему, до конца остался загадкой и для дипломатии. Возможно, что он совершил бы великие дела, но возможно, что натворил бы больших бед»⁹.

Газета партии прогрессистов «Утро России» в передовой статье «Габсбургский рок», опубликованной 17 (30) июня 1914 г., писала, что «скоропостижная кончина австро-венгерского престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда составляет крупное политическое событие, значение которого трудно сейчас определить не только для империи Габсбургов, но и для всей Европы»¹⁰. Погибший в Сараеве эрцгерцог, по словам газеты, был «вождем австрийского империализма». Он не питал симпатий к России, и русское общество отвечало ему тем же. Обращаясь к фигуре нового наследника габсбургского престола 27-летнего эрцгерцога Карла Франца Иосифа, «Утро России» отмечало, что он еще слишком молод и не подготовлен к роли вершителя судеб Австро-Венгрии, а император Франц Иосиф слишком стар и немощен, чтобы передать ему часть своих знаний, опыта и умения искусно лавировать между противоречивыми национальными требованиями и политическими программами различных народов Австро-Венгерской монархии. Судя по всему, писала газета, новому эрцгерцогу чужды как «меттерниховские государственные принципы» Франца Иосифа, так и воинствующий империализм и шовинизм покойного

Франца Фердинанда. Впрочем, она оговаривалась, что «о политических взглядах и личных качествах молодого престолонаследника почти ничего не известно»¹¹.

Либеральные «Русские ведомости» указывали, что в отличие от нового и еще ничем себя не проявившего эрцгерцога Карла Франца Иосифа «Франц Фердинанд был не просто наследником престола; он был, бесспорно, очень крупной фигурой в оскудевающем доме, на него возлагались надежды, как на человека, призванного возродить былую славу имени Габсбургов»¹². Осуждая Франца Фердинанда за реакционные и клерикально-антисемитские настроения, это издание признавало и положительные стороны его политических взглядов: он понимал необходимость радикального изменения государственного устройства империи, предоставления национальностям равных прав, реформирования Австро-Венгрии на принципах триализма или даже федерализма. «Русские ведомости» отмечали, что Франц Фердинанд и его супруга пали жертвой заговора, но, кто стоит за организацией этого заговора, трудно определить по имеющейся скудной информации. Тем не менее, писала газета, «общий смысл сараевских событий ясен»¹³. Они вызваны политикой Вены в отношении югославянского населения империи, которое как раз в последние два года испытывает большой национальный подъем, связанный с успехами Сербии и Черногории сначала в войне с Османской империей, а затем с Болгарией.

Главная газета кадетской партии «Речь» также была уверена, что «убийство эрцгерцога есть результат широкого политического заговора»¹⁴. Для сербских националистов Франц Фердинанд был воплощением захватнической австрийской политики, «фигурой, в которой как бы сосредоточилась вся жизнеспособность габсбургской монархии, ее цепкое жизненное упорство в защите старых политических притязаний на преобладание в западной части Балканского полуострова»¹⁵. Отмечая тесную связь трагической смерти Франца Фердинанда с нерешенным сербским вопросом, кадетская газета писала, что только реформирование страны на началах полного равноправия входящих в ее состав народностей «может укрепить Дунайскую монархию среди тяжелых испытаний, через которые суждено ей пройти»¹⁶. «Речь» указывала на неопределенность политической ситуации, сложившейся после сараевских выстрелов. «Покушение в Сараеве... есть одно из тех

событий, последствия которых не могут быть взвешены и определены сразу, так как последствия эти неисчислимы»¹⁷. Погиб человек, с именем которого связывали надежду на глубочайшие перемены в империи Габсбургов. Вся Европа ожидала от восшествия на престол императора Франца Фердинанда I грандиозного переворота в политической структуре Дунайской империи, прежде всего решения важнейшего для этой страны национального вопроса.

О взаимоотношениях Франца Фердинанда с партнерами Австрии по Тройственному союзу писал на страницах «Речи» берлинский корреспондент газеты А. Коральник¹⁸. Эрцгерцог, по его словам, долгое время был противником Тройственного союза. Он не любил Италию не только из-за ирредентистских устремлений итальянцев, живущих на территории Австрии, но также из-за конфликтов Итальянского государства и Савойской династии с Римско-католической церковью. Германии он также чуждался, избегая встреч с членами правящего рода Гогенцоллернов. Такое отношение к союзникам Коральник объясняет тем, что Франц Фердинанд принадлежал к когорте «австрийцев старого закала», так называемых *Altösterreicher*, которые помнят и войну с Пьемонтом 1859 г., лишившую империю Ломбардии и подорвавшую ее позиции в Северной Италии, и войну 1866 г. с Пруссией, выдавившую Австрию из Германии. Для них Тройственный союз — это прежде всего произведение Д. Андраши, сепаратиста и государственного преступника, приговоренного после подавления Венгерской революции 1848—1849 гг. к смертной казни. И союз этот, по мнению «староавстрийцев», служит интересам именно венгров, обеспечивая им господствующее положение в империи Габсбургов. Коральник сообщал, что агрессивная политика Франца Фердинанда вызывала недовольство германских правящих сфер. Воинственная позиция Австрии в отношении Сербии и России, албанская авантюра, вбившая еще один клин в отношения между Римом и Веной, новый австрийский империализм, «стремящийся куда-то и к чему-то, вся эта “великоавстрийская” смутная, бесцельная политика угрожала миру Германии»¹⁹, а потому делала эрцгерцога весьма опасным и неудобным союзником для Берлина. Германской дипломатии приходилось постоянно сдерживать милитаристский пыл своей союзницы, но это имело успех только до тех пор, пока во главе Дунайской империи оставался престарелый император Франц Иосиф,

не склонный к военным приключениям. Если бы Франц Фердинанд вступил на престол, Германия не смогла бы удержать его от великоавстрийских авантюр.

Консервативные «Московские ведомости» указывали на бессмысленность убийства Франца Фердинанда, которое не исправит неравноправное положение славян в пределах Австро-Венгерской империи, не сможет «уничтожить целой системы, созданной историей, международными отношениями и давлением всевозможных текущих обстоятельств»²⁰. По мнению газеты, террористический акт, совершенный Г. Принципом и его товарищами, вдвойне нелеп и абсурден именно в силу того, что в последнее время эрцгерцог явно стремился к примирению с южным славянством и улучшению его положения в Габсбургской империи. Причинами этого были, с одной стороны, намерение лишить Россию, «которую покойный эрцгерцог ненавидел», идеологического оружия панславизма, а с другой — желание использовать словенцев и хорватов для борьбы с итальянским ирредентистским движением в Истрии и Далмации. «Московские ведомости» в первые дни после сараевских событий явно не считали, что смерть Франца Фердинанда может отразиться на европейском мире; речь шла лишь о последствиях этого для судеб Австро-Венгерской империи. В этой связи газета сообщала, что новый наследник престола эрцгерцог Карл Франц Иосиф, племянник Франца Фердинанда, «в политическом отношении представляет величину неизвестную», а потому нельзя точно предсказать, в каком направлении теперь пойдет австрийская политика.

Старейший либеральный журнал России «Вестник Европы», оценивая сараевские события, писал, что смерть эрцгерцога вряд ли приведет к резкой смене правительственного курса в Австро-Венгрии, так как реальным руководителем внешней политики в империи является министр иностранных дел, ответственный перед австро-венгерскими парламентскими делегациями и общественным мнением страны. Говоря о милитаризме и воинственности Франца Фердинанда, журнал отмечал, что неизвестно, как бы повел себя эрцгерцог, если бы стал императором после смерти своего дяди. Германский кайзер Вильгельм II тоже неоднократно заявлял о своем стремлении воевать с Россией и Францией, пока был кронпринцем. Когда же он возглавил империю, то, чувствуя ответственность перед страной и историей, не развязал за

25 лет своего правления ни одной войны, хотя имел достаточно поводов для этого. «Вероятно, то же самое было бы и с Францем Фердинандом»²¹, — предполагал «Вестник Европы».

Другой ежемесячный журнал либеральной направленности «Русская мысль» также не видел оснований для надежд на изменения внутренней и внешней политики Австро-Венгрии после гибели эрцгерцога. В июльском номере журнала И. О. Левин указывал, что, хотя «в лице Франца Фердинанда был убит враг сербской независимости, “великосербской” идеи»²², однако антагонизм между империей Габсбургов и королевством Карагеоргиевичей не им был выдуман. Это противостояние вызвано историческими обстоятельствами, которые разделили территории, населенные южными славянами, между Османской империей, Австрией, Сербией и Черногорией. Победы сербов и черногорцев в двух Балканских войнах, готовящееся объединение королевств Карагеоргиевичей и Негошей на основе личной унии делают практически неизбежным столкновение этих южнославянских государств с Австро-Венгрией. «Очевидно, следовательно, что всякий австрийский монарх и всякое австро-венгерское правительство, поскольку они будут вести политику, соответствующую интересам двуединой империи, приблизительно сделают то, что сделал бы убитый эрцгерцог, если бы ему довелось вступить на престол»²³, — резюмировал журнал.

Анализируя политические взгляды Франца Фердинанда, Левин характеризовал его как сторонника триализма и противника венгерского сепаратизма. При этом отмечалась двойственность в подходе Франца Фердинанда к решению сербской проблемы: будучи сторонником жесткого курса по отношению к Сербскому королевству, он в то же время стремился к компромиссу с южными славянами в пределах Австро-Венгерской империи. По словам Левина, покойный эрцгерцог понимал, что только предоставление славянскому населению тех прав, которыми пользуются немцы и венгры, откроет возможность для дальнейшего территориального расширения монархии на Балканах; он рассматривал создание южнославянского королевства в пределах Габсбургской империи как средство нейтрализации ирредентистских устремлений Белграда, как возможность преодолеть тяготение южнославянского населения империи к сербскому «Пьемонту». В это королевство должны были войти Босния и Герцеговина, Далмация, Хорва-

тия, Славония, Истрия, Крайна и некоторые южные районы Венгрии, населенные сербами.

Определенные затруднения в формулировании своего отношения к сараевскому преступлению и личности погибшего эрцгерцога испытывали крайне правые издания. С одной стороны, консервативные, антилиберальные, антимаасонские и антисемитские убеждения Франца Фердинанда не могли не импонировать деятелям из Союза русского народа. Однако, с другой стороны, эрцгерцога русское общество воспринимало как противника России, поддерживающего поляков, украинских сепаратистов и прочие опасные для целостности Российской империи элементы. Убийцами же его были православные сербы, которых притесняли в империи Габсбургов, стремившейся к дальнейшему территориальному расширению на Балканах за счет Сербии и Черногории.

Неоднозначное отношение к Францу Фердинанду демонстрировало черносотенное «Русское знамя». Характеризуя покойного эрцгерцога как «ярого католика» и врага православного славянства, эта газета высоко оценивала личные качества несостоявшегося императора, считая, что если бы он возглавил империю, то стал бы выдающимся государственным деятелем. «Франц Фердинанд, оказывается, был великим патриотом в своей стране, человеком, одаренным большою волею и способностями, и в полном смысле слова реформатором, ожидавшим лишь полноты власти для укрепления своего государства. И, если бы жизнь его продлилась, он показал бы миру, что значит монарх — глубоко верующий христианин, любящий отечество свое»²⁴. Вместе с тем «Русское знамя» особенно подчеркивало враждебное отношение Франца Фердинанда к России, отмечая, что «сношения и дружбу с нею он считал изменою в своем государстве». Именно он, по мнению черносотенной газеты, был главным инициатором преследований православных русин в Галиции и Буковине. На Россию он смотрел глазами католика и, сблизившись с поляками Галиции, вынашивал планы отторжения от России Привислинских губерний и Малороссии.

«Русское знамя» сообщало, что венгерским претензиям на особое положение в империи Франц Фердинанд хотел противопоставить принцип триализма и даже угрожал венграм при дальнейшем сопротивлении возложить на себя чешскую корону святого Вацлава, пре-

доставив Богемии тот же статус и те же права, какие по соглашению 1867 г. получила Венгрия. Таким образом, в своем конфликте с венграми престолонаследник собирался опереться на славянское население империи, но только на католическое славянство, по мнению черносотенцев, «изуродованное не соответствующим расовой крови духовным мировоззрением»²⁵. Это было для него политической необходимостью, никакой искренней симпатии к славянам он не испытывал. «Наоборот, именно на славянство он разделял взгляд своего союзника германского императора Вильгельма, что немцы должны властвовать над ними, и потому был энергичным противником славян балканских... Покойный был типичным немцем и в качестве такового проповедником гегемонии немцев»²⁶, — писало «Русское знамя».

Убийство Франца Фердинанда воспринималось российским общественным мнением как логическое следствие всей австрийской национальной политики, особенно политики в отношении сербского населения двуединой империи. На фоне начавшейся в австрийской прессе разнузданной антисербской кампании газеты и журналы России вину за случившееся возлагали на саму Австро-Венгрию, не желавшую разрешать свои национальные проблемы и стремившуюся подавить в своих пределах сербскую национальность. По мнению российских изданий, голословные обвинения в адрес Сербского государства и правительства Н. Пашича, которых австрийская печать клеймила как зачинщиков и инициаторов убийства престолонаследника, были совершенно недопустимы.

Негодование российской прессы вызвали начавшиеся после убийства Франца Фердинанда в Боснии, Далмации и Хорватии сербские погромы, осуществляемые руками боснийских мусульман и хорватов-католиков. Газеты России предупреждали Вену, что продолжение близорукого курса на подавление сербов только усугубляет кризис Австро-Венгерской империи, способствует дальнейшему разжиганию межнациональной розни и тем самым еще больше расшатывает здание Габсбургской монархии. По мнению «Нового времени», сербские погромы, эти «кровавые поминки» по убитому эрцгерцогу, демонстрируют, что политика Габсбургов и после сараевской трагедии осталась прежней: австрийское владычество над этнически разнородным населением сохраняется благодаря национальным и религиозным проти-

воречиям. «Австрийское правительство не упускает, поэтому, случая, чтобы углубить и расширить их»²⁷, — отмечает «Новое время».

«Вестник Европы» напоминал, что сербы с самого начала австрийской оккупации Боснии и Герцеговины находились под подозрением; австрийские власти не верили в их лояльность и благонадежность, а потому «преобладающий по численности и по культурному значению сербский элемент систематически подавлялся и преследовался...»²⁸. Журнал отмечал, что тяготение боснийских сербов к королевству Карагеоргиевичей было вполне понятно и естественно, но с точки зрения австрийских политиков представляло собой преступление против целостности империи. Сепаратистские устремления боснийских сербов могли быть ослаблены только через предоставление им широких возможностей для национального развития. «Австрийцы делали наоборот: они ограничивали и стесняли сербов, задевали их самые заветные национальные чувства и традиции, а потом требовали от них безусловной преданности и подчинения интересам Австро-Венгрии. Они сеяли вражду и злобу, а ожидали успокоения и благополучия»²⁹.

«Голос Москвы» называл сараевское покушение «прямым следствием той политики угнетения славян, вдохновителем которой был покойный эрцгерцог Франц Фердинанд. Это — финальный акт трагедии, прологом к которой была аннексия Боснии и Герцеговины»³⁰. В настоящее время, писал «Голос Москвы», решается вопрос, кто станет объединителем южных славян — империя Габсбургов или королевство Карагеоргиевичей? Вена или Белград? Октябристская газета считала, что не стоит недооценивать жизнеспособность двуединой монархии. Пресловутый австрийский патриотизм существует и захватывает даже часть австрийских и венгерских славян. Если бы Франц Фердинанд возглавил монархию, то смутные идеи австрославизма, у истоков которого стоял чех Ф. Палацкий, смогли бы реально воплотиться в политической практике. По мнению «Голоса Москвы», смысл австрославизма заключается «прежде всего в том, чтобы отвлечь славян от России, создав на среднем течении Дуная сильный славянский центр, вокруг которого могли бы сгруппироваться, помимо России, все западные и южные славяне»³¹. Рупор октябристской партии указывал, что Австро-Венгерская монархия стоит на перепутье. Сложность решения национального вопроса в том, что оно должно, с одной стороны,

удовлетворить всех южных славян — подданных Габсбургов, а с другой — парализовать великосербскую пропаганду.

В возможность мирного и компромиссного решения югославянского вопроса не верил ведущий публицист «Нового времени» М. О. Меньшиков, считавший военное столкновение между Сербией и Австро-Венгрией неизбежным. Спустя неделю после сараевских выстрелов он писал: «Совершенно невероятно, чтобы, пока существуют Габсбурги, исчезла психология Габсбургов, как недопустимо и то, чтобы исчезла психология сербских патриотов, пока существует сербское племя»³². Под психологией Габсбургов автор понимал идею императорского долга, долга перед своей династией — укрепить и расширить ее власть любой ценой. По словам Меньшикова, Франц Фердинанд остро чувствовал упадок значения своего рода в европейской политике и рассматривал экспансию на Балканах как средство возродить былое величие династии. Для Сербии же речь идет о сохранении себя как независимого государства. Меньшиков считал, что стоит только посмотреть на карту, чтобы осознать суть австро-сербского конфликта. «Австрийский удав» уже проглотил большую часть южнославянских земель — Крайну, Истрию, Хорватию, Славонию, Далмацию, Боснию, Герцеговину. «Не проглотить остатков, т.е. свободной Сербии и Черногории, это для Австрии почти равносильно тому, чтобы подавиться куском»³³.

«Московские ведомости» рассматривали убийство эрцгерцога как признак глубокого кризиса Габсбургской монархии, который эта держава переживает с момента превращения в одну из Балканских стран (т.е. с момента аннексии Боснии в 1908 г.). По мнению газеты, выдвигаемые в адрес Белграда обвинения в подстрекательстве к преступлению вызваны желанием отвлечь внимание общественности от того факта, что причиной сараевской трагедии была ошибочная политика Австро-Венгрии на Балканах. «Возмутительное, гнусное» убийство Франца Фердинанда не дает права австрийцам набрасываться с голословными обвинениями на другие страны. Факт временного проживания Принципа и других террористов на территории Сербии еще не повод подозревать сербское правительство в причастности к организации устранения эрцгерцога, тем более что Белград от этого ничего не выигрывает³⁴.

По мнению московской газеты «Русское слово», убийство Франца Фердинанда было невыгодно в первую очередь славянам Австро-Венгрии, так как в последние годы наметилась тенденция к улучшению их положения. Сараевское преступление развязывает руки сторонникам жестких мер в отношении славянского населения империи. «Русское слово» считало неприемлемыми обвинения Сербии и всего сербского народа в причастности к убийству престолонаследника: «Ни белградское правительство, ни население Сербии не могут отвечать за промахи австрийской полиции и за преступления австрийских подданных, хотя бы и говорящих на сербском языке или учившихся в Белграде»³⁵. Газета была убеждена, что ответственность за сараевскую трагедию лежит на руководстве Австро-Венгрии, не желающем решать национальный вопрос. «Воинствующий национализм, эта вечно гноящаяся язва соединенной империи» стал тем фоном, на котором Г. Принцип и его сообщники осуществили свое преступление³⁶.

Вместе с тем «Русское слово» предостерегало своих читателей от поспешных выводов о неминуемом скором развале Австро-Венгрии. По словам этого издания, при оценке перспектив Дунайской монархии необходимо учитывать «страшную силу исторической инерции и... материальные интересы, связывающие иногда самые различные национальности в один крепкий государственный организм»³⁷. В распаде империи Габсбургов не заинтересованы венгры и чехи. Венгрия одна, без помощи Австрии и союзной Германии, не сможет удержать национальные окраины — Словакию, Трансильванию, Хорватию и пр.: «Когда исчезнет власть бронированного кулака Габсбургской монархии, рухнет и основанное на силе господство мадьяр»³⁸. В экономическом отношении отделение от Австрии будет означать большие проблемы для венгров: $\frac{3}{4}$ венгерского экспорта идет в Австрию, и в случае распада единого государства австрийский рынок сбыта может оказаться закрытым для венгерской продукции. Что касается Чехии, то в качестве отдельного государства она обречена на быстрое поглощение немцами. Чешская промышленность — подобно венгерскому сельскому хозяйству — также серьезно пострадала бы в случае распада государства и разрыва традиционных экономических связей между его регионами. По мнению «Русского слова», меньше всех были заинтересованы в сохранении Австро-Венгрии итальянцы Триеста и Южного Тироля.

«Русские ведомости» также указывали на нерешенный национальный вопрос как на главную причину двойного сараевского убийства. В передовой статье за 21 июня (4 июля) 1914 г. эта либеральная газета писала, что в Австро-Венгрии «национальности объявили друг другу вечную войну без конца и без отдыха; самые соглашения их являются обыкновенно или союзами двух народностей против третьей, или временными перемириями до новых военных действий»³⁹. Межнациональная борьба — это злокачественная болезнь империи Габсбургов, она изнутри разрушает государственный организм, препятствует движению этой страны вперед и привносит в ее внешнюю политику элементы опасной неустойчивости. «Русские ведомости» подчеркивали, что в последние годы эта хроническая болезнь значительно обострилась, что связано с агрессивной политикой Австрии на международной арене. Аннексия Боснии и Герцеговины создала внутри Дунайской империи еще один очаг национальной вражды, а действия австрийской дипломатии в период Балканских войн, ее стремление любой ценой ограничить приобретения Сербии и Черногории произвели глубокое впечатление на югославянских подданных Габсбургской империи. Эти настроения и создали ту атмосферу «национального фанатизма», в которой было подготовлено и осуществлено сараевское преступление.

Черносотенцы для объяснения сараевского преступления обратились к трансцендентным сферам: по мнению «Русского знамени», гибель эрцгерцога и его жены от руки православного серба стала возмездием, которое обрушило на Австрию провидение за вероломную предательскую политику и гонения на православную веру. Газета Союза русского народа напоминала, что Россия не раз спасала государство Габсбургов от гибели «и каждый раз после спасения Австрия сейчас же отплачивала нам самой черной неблагодарностью и действиями самого вероломного свойства»⁴⁰. В ответ на все благодеяния и услуги, оказанные Россией, Дунайская империя решила нанести своему восточному соседу смертельный удар, поддерживая «мазепинство» и стремясь отделить от России богатые украинские губернии, на месте которых австрийские стратеги намеревались создать «Украинскую империю» во главе с одним из представителей Габсбургской династии. Кроме того, австрийцы и венгры жестоко преследовали православие, что еще раз проявилось за последние месяцы в ходе Мармарош-Сигетского

и Львовского процессов над деятелями русской православной культуры, отвергающими «мазепинство» как искусственное изобретение врагов России и православия.

«Русское знамя» приходило к выводу, что «политика внутренняя и политика внешняя вели Австрию по ложному пути, делая ее лютым врагом православных славян и России»⁴¹. С того момента как этот ложный курс достаточно четко выявился, на Австрию начали сыпаться «предостерегающие удары»: война 1859 г., война 1866 г., гибель единственного сына Франца Иосифа престолонаследника Рудольфа в 1889 г. Газета черносотенцев сообщала, что она уже давно следила за политикой Франца Фердинанда, будучи уверенной, что и на этот раз борьба с «истинно-христианской православной верой» не останется безнаказанной. В конце концов, с удовлетворением констатировало «Русское знамя», «судьба свершилась»: трагическая смерть уже второго наследника Франца Иосифа должна стать последним предупреждением для монархии Габсбургов и привести австро-венгерских государственных деятелей к прозрению. Однако после начала сербских погромов в Боснии, осуществляемых хорватами и мусульманами при фактическом поощрении властей, «Русское знамя» потеряло всякую надежду на изменение проводимого Веной и Будапештом политического курса. Даже гибель Франца Фердинанда не может «образумить давно потерявшее голову и всякую меру австрийское правительство»⁴². И оно совместно с католическим духовенством, оказывавшим столь значительное влияние на покойного престолонаследника, разжигает ненависть между славянами-католиками и славянами-православными. По мнению черносотенцев, это означает, что Австрию, не обращающую внимания на все ниспосланные ей предостережения, ждут в будущем новые, еще более тяжелые удары.

Подводя итоги, можно сказать, что убийство эрцгерцога Франца Фердинанда воспринималось российской прессой как следствие австрийской и венгерской политики в отношении югославянского населения двуединой империи. По мнению ведущих газет и журналов России того времени, к сараевской трагедии привел не решенный в Австро-Венгрии национальный вопрос, только обострившийся вследствие агрессивных действий этой страны на международной арене (аннексия Боснии и Герцеговины, антисербская и античерногорская

политика Вены в период Балканских войн 1912–1913 гг.). В первые дни, последовавшие за сараевским покушением, российская пресса уделила много внимания личности и политическим взглядам Франца Фердинанда. Почти во всех изданиях он назывался врагом православного славянства и России, главой австрийской «военной партии», клерикалом, благоволившим к полякам, чехам и хорватам, противником гегемонии венгров и сторонником переустройства Габсбургской монархии на началах триализма. Российская пресса сходилась в том, что Франц Фердинанд был незаурядной личностью, отличавшейся силой воли и верой в свою миссию. Его гибель воспринималась как крупное политическое событие, которое могло повлиять не только на судьбы Австро-Венгрии, но и негативно отразиться на международной ситуации.

¹ Новое время. 1914. 29 мая (здесь и далее даты указаны по юлианскому календарю).

² Об обстоятельствах сараевского покушения см.: *Котова Е. В.* Сараевское убийство 28 июня 1914 г. и закат империи Габсбургов // *Цареубийства: Гибель земных богов* / Сост. Н. В. Попов. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. С. 455–476.

³ О политических взглядах и роли эрцгерцога Франца Фердинанда в истории Австро-Венгрии см.: *Kann R.* Erzherzog Franz Ferdinand-Studien. Wien: Verlag für Geschichte und Politik, 1976; *Kiszling R.* Erzherzog Franz Ferdinand von Österreich-Este. Graz, Köln: Böhlau, 1953; *Weissensteiner F.* Franz Ferdinand. Der verhinderte Herrscher. München: Piper, 1999.

⁴ Русское слово. 1914. 17 июня.

⁵ Там же.

⁶ Новое время. 1914. 17 июня.

⁷ Там же. 20 июня.

⁸ Голос Москвы. 1914. 17 июня.

⁹ Там же. 21 июня.

¹⁰ Утро России. 1914. 17 июня.

¹¹ Там же.

¹² Русские ведомости. 1914. 17 июня.

¹³ Там же.

¹⁴ Речь. 1914. 16 июня.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. 17 июня.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. 24 июня.

¹⁹ Там же.

- ²⁰ Московские ведомости. 1914. 17 июня.
²¹ Вестник Европы. 1914. Июль. С. 409.
²² Русская мысль. 1914. Июль. С. 11.
²³ Там же.
²⁴ Русское знамя. 1914. 25 июня.
²⁵ Там же.
²⁶ Там же. 19 июня.
²⁷ Новое время. 1914. 21 июня.
²⁸ Вестник Европы. 1914. Июль. С. 406.
²⁹ Там же.
³⁰ Голос Москвы. 1914. 21 июня.
³¹ Там же. 19 июня.
³² Новое время. 1914. 21 июня.
³³ Там же.
³⁴ Московские ведомости. 1914. 21 июня.
³⁵ Русское слово. 1914. 17 июня.
³⁶ Там же. 18 июня.
³⁷ Там же.
³⁸ Там же.
³⁹ Русские ведомости. 1914. 21 июня.
⁴⁰ Русское знамя. 1914. 17 июня.
⁴¹ Там же.
⁴² Там же. 21 июня.

В ПОИСКАХ НОВОГО «БАЛАНСА СИЛ»: БРИТАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕВОЕННОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В ЕВРОПЕ ЛЕТОМ — ОСЕНЬЮ 1916 г.

В Новое время «баланс сил» был одним из принципов как организации системы международных отношений, так и британской внешней политики. Он обеспечивал сохранение независимости государств (в первую очередь, но не исключительно, великих держав) и вместе с тем служил средством реализации британских интересов. Отсутствие доминирующей державы на Европейском континенте способствовало укреплению позиций Великобритании как центра крупнейшей колониальной империи.

В годы Первой мировой войны идея «баланса сил» отошла на второй план в публичной дискуссии. Сам факт возникновения глобального конфликта, те жертвы и потери, которыми он сопровождался, дискредитировали довоенную дипломатию и старые принципы межгосударственного взаимодействия. В либеральной риторике стран Антанты мир, основанный на силе и приведший к войне, противопоставлялся миру, основанному на праве, который должен был стать ее результатом. Либеральным ответом на трагедию 1914 г. стала идея создания Лиги Наций¹. Британский историк и советник министерства иностранных дел по вопросам разработки условий будущих мирных договоров Дж. Хедлэм-Морли в одном из мартовских номеров журнала *New Europe* за 1918 г. констатировал: «Общественное мнение, кажется, поддерживает тот взгляд, что доктриной “баланса сил” можно пренебречь». Однако, как утверждал историк, это было достойным сожаления заблуждением. «Он («баланс сил». — *Е. Р.*) есть и останется основополагающим принципом настолько же после учреждения Лиги Наций, насколько являлся таковым и до нее»².

Намечая контуры будущего мира, британские государственные деятели, дипломаты, эксперты не были готовы отказаться от следования

этой традиционной доктрине внешней политики своей страны. В то же время они были вынуждены учитывать изменения, которые произошли в воюющих странах и не могли не отразиться на международном взаимодействии.

Будучи общим принципом, «баланс сил» в каждый исторический период обретал присущее именно этому времени конкретное содержание. Цель статьи — выявить те новые значения и оттенки, которыми наполнилась концепция «баланса сил» в условиях Первой мировой войны, а также проследить, как это отразилось на восприятии государственными деятелями возможностей и средств реализации британских интересов в послевоенном мире.

Мы сосредоточимся в ней на анализе ряда документов³, подготовленных для британского кабинета министров в конце лета — осенью 1916 г. Они представляли собой, пожалуй, первую систематическую попытку наметить желательные для Великобритании контуры будущего мира. Написанные в разгар войны, эти аналитические записки не стали предметом специального рассмотрения кабинета; часть содержащихся в них рекомендаций утратила актуальность в связи с событиями на фронтах. В исследовательской литературе о целях Великобритании в войне они находятся в тени более многочисленных и детализированных предложений по условиям мира, которые были разработаны в 1918 г. — в преддверии Парижской мирной конференции⁴. Однако уже в документах 1916 г. была поставлена проблема формирования нового «баланса сил», а по сути — основ новой системы международных отношений, и обозначены наметившиеся в связи с этим дилеммы британской внешней политики.

Непосредственным импульсом к их появлению стало поручение сформулировать желательные для Великобритании условия мира, которое премьер-министр Г. Асквит дал сотрудникам своего кабинета в августе 1916 г. К тому времени уже два года шла Мировая война, требовавшая привлечения все больших и больших людских и материальных ресурсов. Тот факт, что огромные потери, которые несла Великобритания и ее союзники, не позволяли добиться ощутимых преимуществ на фронтах, вел к постановке вопросов о возможности и цене достижения полной победы над противником, а также целесообразности продолжения войны⁵. Лондон вынужден был учитывать нара-

ставшие в европейских странах настроения в пользу заключения мира, а также возможные мирные инициативы США. В то же время с начавшимся летом 1916 г. наступлением на Западном фронте связывали надежды на перелом в войне, который мог бы способствовать ее завершению. Конкретизация тех целей, за которые боролась Великобритания, должна была стать как основой для реакции на призывы о заключении мира, так и базой для формулирования его условий в случае успеха армий Антанты.

Обобщая проделанную работу, секретарь Комитета обороны империи и Военного совета М. Хэнки констатировал в конце октября 1916 г. наличие взаимопонимания между отдельными ведомствами и членами правительства относительно желательных для Великобритании территориальных условий мира, а именно: освобождения Бельгии от германской оккупации и контроля, освобождения Франции и возвращения ей Эльзаса и Лотарингии, по крайней мере их французских частей, достижения какого-то приемлемого для России урегулирования в отношении Польши, приобретения Россией Константинополя при условии удовлетворения союзниками своих требований в азиатской Турции и других местах, получения Италией и Румынией территориальных приращений в соответствии с заключенными со странами Антанты соглашениями, восстановления Сербии⁶. В этих положениях не было ничего нового: они фактически не отличались от целей войны в отношении Бельгии и Сербии, о которых ранее публично заявлял британский премьер-министр, свидетельствовали о готовности выполнять обязательства, данные союзникам в тайных договорах, а также содержали признание, правда в достаточно расплывчатой форме, главных целей Франции и России.

В то же время позиции по ряду важнейших вопросов урегулирования, таких как будущее Германской империи и Австро-Венгерской монархии, а также устройство Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ), в гораздо меньшей степени поддавались обобщению. Во-первых, в силу имевшихся межведомственных разногласий. Во-вторых, из-за того, что пожелания к территориальному устройству послевоенного мира носили гипотетический характер. Авторы документов исходили из допущения, что Великобритания сможет навязать другим странам выгодные ей условия мира, но подчеркивали, что в реальности они

будут зависеть от успеха или неуспеха армий и положения держав на момент завершения войны. Неопределенность ситуации на фронтах не позволяла на данном этапе сформулировать единую программу перекройки европейской политической карты, да и ставила под сомнение целесообразность постановки такой задачи. Представленные документы отражали существование достаточно широкого диапазона мнений в отношении того, на чем прежде всего должно базироваться послевоенное урегулирование.

Принцип «баланса сил» не так часто упоминался авторами документов, но фактически рассматривался в качестве одной из основ послевоенного мира. Это в полной мере относится к меморандуму начальника имперского Генерального штаба У. Робертсона, который британские исследователи М. Докрилл и С. Лоу назвали «планом из XVIII века»⁷. Генерал Робертсон исходил из традиционной максимы британской политики об отсутствии у Великобритании постоянных друзей или врагов и о неизменности и вечности ее интересов, наиболее отчетливо сформулированной в середине XIX в. Г. Дж. Пальмерстоном. Он призывал рассматривать Антанту как временную коалицию и допускал, что союзники Англии — Франция и Россия — после окончания войны обратятся в ее противников.

Робертсон был не одинок в своих взглядах. Вероятность столкновения с Россией (или даже с русско-французским союзом) не исключали ни в военных, ни в дипломатических кругах Англии⁸. В определенной степени с начала конфликта на таком допущении базировалась стратегия военного министра Г. Китченера, трагически погибшего в июне 1916 г. Один из немногих, он предвидел затяжной характер войны и предлагал мобилизовать британские ресурсы для нанесения решающего удара к тому моменту, когда силы как противников, так и союзников Великобритании будут на исходе, т.е., по его расчетам, к весне 1917 г. В качестве цели Англии он рассматривал не просто победу в войне, но и укрепление позиций империи — такой мир, который бы обеспечивал превосходство как над Германией, так и над русско-французским союзом⁹. Хотя Робертсона и Китченера нельзя назвать единомышленниками в вопросах стратегии войны, они оба считали, что по ее завершении Великобритания должна быть готова к противостоянию с новыми соперниками. В таких условиях, с точки зрения начальника

Генерального штаба, Лондон был заинтересован в том, чтобы существенно ослабить лишь морскую мощь Германии и предотвратить ее доминирования в Бельгии и Нидерландах. Сохранение союза Германии с Австро-Венгрией, лишенной части своей территории, но не порта Фиуме, рассматривалось как имевшее определенные преимущества для Великобритании, поскольку такая комбинация была способна ограничить мощь России и славянских государств на суше и предотвратить превращение Средиземного моря во «французское и итальянское озеро»¹⁰.

Можно ли согласиться с британскими историками, которым приглянулся в этом проекте «дух XVIII века»? Борьба с Францией с опорой на одно из центральноевропейских государств — Австрию или Пруссию, предотвращение иностранного влияния в Голландии — все это характерно для британской политики XVIII столетия. Соперничество с Россией относится скорее к XIX в. Однако, как представляется, не столько восприятие основных соперников, сколько механистическая трактовка принципа «баланса сил», невнимание к внутреннему строю государств как фактору их внешней политики, недооценка силы национальных движений позволяет говорить о некоторой архаичности взглядов Робертсона.

«Антиславянская» и «антилатинская» направленность меморандума начальника Генерального штаба не нашла в тот период отклика в высших кругах Британской империи. По свидетельству Д. Ллойд Джорджа, «Робертсон после недельного размышления... отозвал меморандум и аннулировал его»¹¹. Однако, как следует из эмоциональной записки министра вооружений Э. Монтагю, мнение о необходимости «баланса сил» в послевоенных международных отношениях и, соответственно, о целесообразности сохранения Германии как великой сухопутной державы было достаточно распространенным. Написанная за два дня до меморандума Робертсона записка Монтагю не могла быть ответом на этот документ, но представляла собой реакцию на выраженную в нем позицию. Британский министр ставил под сомнение совет руководствоваться при определении условий мира с Германией лишь рационалистическим принципом «баланса сил». «...Говорят, что в долгосрочной перспективе сокрушение Германии до такой степени, что это лишило бы Европу удовлетворительного баланса, не соответствует

государственному подходу. Это может быть и так, но я не представляю себе, как, с политической точки зрения, такой подход был бы приемлем или возможен для народа нашей страны»¹², — писал Монтагю. Определяя собственную позицию, он подчеркивал: «Германия разбудила во мне чувства, которые только усилили мою уверенность в том, что необходимо, несмотря на последствия, взыскать с нее все, что может быть взыскано, и я уверен, что это мнение разделяет 99 из каждых 100 граждан нашей страны»¹³.

Более умеренными в отношении Германии по сравнению с Монтагю, а также более чуткими к тем изменениям, которые происходили на международной арене, проявили себя Первый лорд Адмиралтейства А. Дж. Бальфур, а также высокопоставленные сотрудники министерства иностранных дел Р. Пейджет и У. Тиррелл, перу которых принадлежали, пожалуй, наиболее глубокие и обстоятельные аналитические записки из тех, что были подготовлены летом—осенью 1916 г.

Общей чертой этих двух документов являлось то, что и Бальфур, и Пейджет с Тирреллом предлагали руководствоваться «принципом национальности» при послевоенной перекройке Европы¹⁴. Это в целом соответствовало публичным заявлениям британских лидеров, хотя и не всегда отличавшимся определенностью¹⁵, а также идеям, которые высказывались в публицистике. В тексте документа, подготовленного аналитиками Форин офис, указывалось, что «принцип национальности» «должен был стать одним из главенствующих факторов при рассмотрении вопросов территориального урегулирования после войны»¹⁶.

В трактовке этого принципа присутствовала значительная доля прагматизма. Он фактически был ответной реакцией на германскую концепцию «Срединной Европы», которая, с учетом развития событий на фронтах, казалось, была не так уж и далека от осуществления¹⁷. При отмеченной выше относительной умеренности авторов в вопросе об условиях мира с Германией, подготовленные ими аналитические записки имели ярко выраженную антигерманскую направленность. Германия представляла как потенциальный соперник Великобритании после окончания войны, а недопущение ее доминирования в Европе рассматривалось как основная задача британской политики. Именно эта цель прослеживалась за декларациями о необходимости выработки основ для длительного мира и стабильного урегулирования.

Близость некоторых позиций Бальфура и сотрудников британского МИД не исключала существенных разногласий. Очевидно, Первый лорд Адмиралтейства был более консервативен в своих взглядах. Это проявилось как в трактовке «принципа национальности», так и в роли, которая отводилась малым государствам в гипотетической послевоенной системе международных отношений.

Бальфур реализацию «принципа национальности» рассматривал, прежде всего, как средство лишить Центральные державы части использованных ими материальных и людских ресурсов. Первый лорд Адмиралтейства считал чрезвычайно важным, чтобы «Эльзас-Лотарингия, австрийская Польша с (возможно) частями германской Польши, Трансильвания, итальянская Австрия (так в тексте. — *Е. Р.*), Босния и Герцеговина перестали быть территориями, на которых Германия или Австрия рекрутируют солдат». Напротив, мужское население этих земель должно было бы пополнить армии стран-противников Центрального блока. Таким образом, в меморандуме Бальфура отчетливо прослеживалась мысль, что послевоенная система международных отношений, как и ее предшественница, будет опираться на силу.

В рассуждениях аналитиков Форин офис реализм и прагматизм сочетались с либеральным идеализмом. Пейджет и Тиррелл также с удовлетворением отмечали, что в результате применения «принципа национальности» Пруссия лишится очень способного и процветающего населения, а также нефтяных промыслов Силезии. В то же время этот принцип воспринимался ими как гарантия устойчивости отдельных государств, а значит, и всей системы международных отношений. Сотрудники Форин офис полагали, что основой длительного мира может стать реализация национальных устремлений народов. Свой способ территориального урегулирования в Европе на базе «принципа национальности» они противопоставляли концепциям Венского конгресса 1814–1815 гг., пытавшегося создать «баланс сил» на основе «искусственно образованных королевств»¹⁸, не обеспечивших «удовлетворения и благополучия»¹⁹ вошедшим в их состав народам, что в конечном счете и обусловило их крах.

Довольно большую роль в конструируемой системе европейских отношений Пейджет и Тиррелл отводили Польше, а также государствам Балканского полуострова. Наиболее предпочтительным реше-

нием польского вопроса сотрудники Форин офис считали создание независимой и достаточно мощной Польши, включающей в свой состав, помимо Царства Польского, Познани, Галиции, часть Силезии, а также Богемии и имеющей выход к морю для развития торговли. Единственной уступкой России в польском вопросе, на которую они были готовы пойти, являлось согласие признать в качестве главы нового независимого государства одного из русских великих князей. Но в любом случае Польша, по их мнению, должна была играть роль противовеса как Германии, так и России. Более чем за столетие до составления меморандума, на Венском конгрессе, британская дипломатия противилась территориальному расширению России за счет польских земель, находившихся в составе Австрии и Пруссии, согласно условиям договоров последней трети XVIII в. о разделах Польши. Возможность того, что западная граница России пролегла бы в 125 милях от Берлина и 200 милях от Вены, еще тогда рассматривалась в Лондоне как потенциально «серьезная угроза балансу сил»²⁰.

Той же функции сдерживания Германии и России была призвана служить балканская федерация Сербии, Черногории и государства южных славян, образование которой связывалось с распадом Австро-Венгрии. Не исключалась, хотя бы и в отдаленной перспективе, возможность сербско-болгарского сближения. Как и относительно Польши, британские деятели рассчитывали на прозападную, а не прорусскую ориентацию этих государств. Таким образом, в Центральной и Юго-Восточной Европе аналитики Форин офис стремились создать оплот британского влияния, который, по их расчетам, должен был стать важным элементом системы «баланса сил», сдерживающим потенциальную экспансию Германии на Восток и возможный рост влияния России в Центральной Европе²¹.

Насколько вероятной считали реализацию этого сценария сами авторы меморандума? Для них ответ на этот вопрос зависел от хода военных действий. Безусловно, принятие предложенного варианта урегулирования исключалось в случае успехов русской армии. Однако на третьем году войны в Форин офис сомневались в способности России самостоятельно, без помощи Великобритании и Франции, освободить оккупированные Германией территории, не говоря уже о том, чтобы занять своими войсками польские земли Германии. Аналитики внеш-

неполитического ведомства Великобритании полагали, что эта помощь могла бы быть оказана Петрограду в обмен на его согласие с британским планом урегулирования на востоке Европы.

Большое значение Пейджет и Тиррелл придавали экономическому фактору. Условием существования новых государственных образований в ЦЮВЕ могла быть здоровая экономика, которая, с точки зрения сотрудников МИД, предполагала, в частности, наличие у этих стран выхода к морю и их участие в международной торговле. С учетом ведущего положения Великобритании в системе международных обменов, которое, правда, было несколько подорвано войной, это был путь вовлечения малых государств ЦЮВЕ в орбиту британского влияния и создания возможности для удовлетворения там британских интересов.

Очевидно, что Пейджет и Тиррелл осознавали риски для международной стабильности, связанные с образованием малых государств. Как в аналитических документах, подготовленных для кабинета министров, так и в публицистике в годы Первой мировой войны не раз выражалось сомнение в жизнеспособности таких стран, в их экономической состоятельности и способности обеспечить свою безопасность собственными силами²². Решение этой проблемы, как следует из рассматриваемого документа, высокопоставленные чиновники Форин офис видели в укрупнении государств, создании конфедераций или блоков. Однако, критикуя дипломатию эпохи Венского конгресса за формирование искусственных королевств, Пейджет и Тиррелл в то же время, как представляется, сами порой выдвигали не слишком основательные доводы в пользу создания государственных образований. Так, предложенный вариант присоединения Богемии к Польше обосновывался ими экономическими выгодами для Польши и преимуществами, которые могли в этом случае получить чехи от якобы «более высокой культуры и цивилизации поляков»²³.

Следует отметить, что британские дипломаты и политики не питали иллюзий относительно возможности последовательного соблюдения «принципа национальности». Как для Бальфура, так и для Пейджета с Тирреллом было очевидно, что в случае победы Антанты в войне Италия присоединит не только земли с итальянским населением. В меморандуме Форин офис с сожалением констатировалось, что выполнение некоторых условий Лондонского договора 1915 г., предпо-

лагающих передачу Италии территорий, населенных преимущественно славянами, будет явным нарушением «принципа национальности». В качестве возможных последствий назывались ирредентизм, нестабильность и угроза миру. Однако в силу обязывающего характера договора Пейджет и Тиррелл воздерживались от каких-либо предложений по этим вопросам, возлагая надежду на достижение договоренности по ним между непосредственно заинтересованными сторонами. О готовности британских государственных деятелей к тому, чтобы «принцип национальности» применялся избирательно, свидетельствовало, например, отношение Бальфура к определению будущих границ Болгарии. Он признавал, что жесткое следование «принципу национальности» требовало передачи Болгарии значительной части Македонии, вошедшей по итогам Балканских войн в состав Сербии. Однако это утверждение сопровождалось показательной оговоркой: «Другой вопрос, заслуживает ли она (Болгария. — *Е. Р.*) этого и сможем ли мы, зная чувства сербов, передать ей эту провинцию (Македонию. — *Е. Р.*)»²⁴.

Следуя более консервативной традиции британской внешнеполитической мысли, Первый лорд Адмиралтейства вообще уделял гораздо меньше внимания малым странам. В отличие от Пейджета и Тиррелла, видевших потенциальную угрозу «балансу сил» со стороны как Германии, так и России, Бальфур не опасался роста влияния Петрограда. Он указывал на внутреннюю слабость Российской империи, высокую вероятность революции, а также проявившееся в ходе войны отсутствие сплоченности славянских государств. По мнению Бальфура, интересам Англии в гораздо большей степени отвечала Россия как европейская, а не азиатская держава. По сути, его предложения во многом соответствовали курсу британской политики накануне Первой мировой войны — соперничество с Россией в Азии и в то же время поддержка, хотя и косвенная, франко-русского союза против германо-австрийского блока.

Британский государственный деятель не видел смысла в восставлении независимой Польши, полагая, что она станет постоянным источником конфликтов и полем интриг между Берлином и Петроградом и, соответственно, не послужит делу европейского мира. Бальфур сомневался не столько в ее способности стать эффективным буфером между Россией и Германией, сколько в целесообразности создания такого буфера, ведь «если Германия перестанет опасаться давления со

стороны России и будет вольна обратить всю свою мощь против Запада, то пострадают Франция и Англия»²⁵. Россия же, отрезанная Польшей от своих западных соседей, могла бы обратить взоры на Дальний Восток, что также не отвечало британским интересам. Поэтому в качестве наиболее благоприятного для Великобритании варианта решения польского вопроса Бальфур предлагал оставить Польшу в составе России на правах широкой автономии. В то же время его привлекала идея создания независимой Богемии, несмотря на сомнения в том, что это государство могло бы стать достаточно сильным в военном и экономическом отношении, чтобы противостоять «тевтонским державам». В данном случае Первый лорд Адмиралтейства руководствовался скорее мыслью об ослаблении потенциала Центральных держав, чем идеей о создании им противовеса в лице Богемии.

Вопрос о положении Германии в будущей европейской системе, очевидно, был ключевым для обеспечения международной стабильности. Как следует из вышесказанного, отношение к нему в британских правящих кругах отличалось определенной двойственностью. С одной стороны, чувствовалось желание обеспечить интеграцию Германии в международную систему как важного элемента «баланса сил», с другой — никуда не делись опасения относительно ее военной мощи — угрозы повторения с ее стороны агрессии в будущем. Выражались сомнения в том, что в случае победоносного исхода войны условия мира с Германией можно будет определить без учета настроений британского общества.

Противоречивостью отличались взгляды британских официальных лиц на будущее экономических взаимоотношений с Германией. Ее промышленное могущество, на которое опиралась ее военная мощь, внушало им большие опасения. Отчасти поэтому на проходившей в июне 1916 г. Парижской межсоюзнической конференции британская делегация проявила солидарность с Францией по вопросу о создании после войны антигерманского экономического блока. Но целесообразность такого курса почти сразу же была поставлена под сомнение. Крах или изоляция германской экономики грозили потерей позиций британскому финансовому капиталу и ущербом британской торговле²⁶.

Выступая за отторжение от Германии части богатых ресурсами территорий и принуждение ее к выплате репараций²⁷, ни Первый лорд

Адмиралтейства, ни аналитики внешнеполитического ведомства не были склонны к полному сокрушению противника в случае победы в войне. Пейджет и Тиррелл считали нецелесообразным раздражать Берлин ненужными и неоправданными действиями, например аннексией Гельгоlanda. Они также не были готовы безоговорочно принять позицию Франции по вопросу о западной границе Германии. Сотрудники МИД, очевидно, возражали против возможных притязаний Парижа на левобережье Рейна, считая необходимым «противодействовать любым попыткам со стороны Франции присоединить значительные германские территории под предлогом стратегической необходимости»²⁸.

Желание ослабить германскую мощь не вылилось ни у Бальфура, ни у Пейджета с Тирреллом в стремление к расчленению Второго рейха. Бальфур предостерегал против вмешательства во внутренние дела Германии и попыток вернуть ее к состоянию до 1871 г. «Германия для немцев, но только Германия» — таким должен быть, по его словам, девиз Великобритании. В данном случае британские деятели были достаточно последовательны в своих представлениях о том, что национальное государство является основой стабильности международной системы. Так, считая целесообразным «отрезать» Германию от Малой Азии, Месопотамии, Персии и Индии, Бальфур отвергал как нереалистичные предложения об искусственном уменьшении территории Германского государства. Скептически он относился и к призывам лишить Германию влияния в Центральной Европе или не допустить ее союза, а возможно, и объединения с Австрией. Причем вероятность такого «тевтонского объединения» могла существенно возрасти, по мнению Бальфура, если бы «результат войны убедил немецкоязычные страны, что единственный путь к национальному величию лежит через их согласие забыть все прежние обиды и сплотиться в единое мощное государство»²⁹. Вероятно, руководствуясь мыслью о невозможности возвести преграды на пути закономерного исторического развития германской государственности и стремясь минимизировать риски возникновения реваншистских настроений, Первый лорд Адмиралтейства предостерегал против призывов сокрушить германскую армию или навязать Берлину невыгодный торговый договор. Такие меры, по его мнению, могли бы вызвать реакцию противоположную намерениям их сторонников.

Бальфур осознавал, что предложенный им курс политики, сочетавший давление на Берлин с попытками его «умиротворения», не гарантировал, что германская агрессия не повторится. Богатые, густонаселенные германские государства могли представлять угрозу британским интересам и после окончания войны, независимо от ее исхода.

Альтернативой такому пессимистическому и одновременно реалистичному взгляду на послевоенное будущее являлось представление о том, что внутренняя трансформация Германии способна изменить и ее поведение на международной арене. Судя по меморандуму, подготовленному в Форин офис, его авторы не исключали такого сценария развития событий. По их представлениям, поражение могло дискредитировать правящую элиту Германии, привести к смене политического режима и снизить политическую роль военных кругов. Допускалось, что новые германские лидеры будут в меньшей степени склонны использовать военные методы для решения внешнеполитических проблем.

В качестве одного из средств «изменения поведения» Берлина рассматривался подрыв прусской гегемонии в Германии. Именно с прусским доминированием часть представителей как правящих кругов, так и общественного мнения Англии связывали агрессивную и воинственную политику империи Гогенцоллернов. Возможным решением этой проблемы Пейджет и Тиррелл называли присоединение к Германии немецких земель Австрии, что усилило бы южнонемецкий и католический элемент и покончило бы с преобладанием Пруссии. Авторы меморандума предпочитали этот вариант сохранению неспособной к обороне Австрии, утратившей бы прежние владения и былую мощь вследствие ожидавшегося развала Габсбургской империи. Важным доводом в пользу такого решения было его соответствие «принципу национальности». Поэтому неудивительно его обсуждение в британской политической элите. Британские государственные деятели и эксперты высказывали разные предпочтения в этом вопросе — так, например, Бальфур хотел бы сохранить Австро-Венгрию, хотя и лишенную ее славянских, итальянских и румынских земель, — однако многие были согласны с тем, что в долгосрочной перспективе предотвратить аншлюс не удастся. Наиболее ярко эти взгляды выразил Л. Намиер — один из членов Департамента политической разведки — органа, созданного при британском МИД в марте 1918 г. для выработки британских пожеланий

относительно условий мира: «Мы не можем истребить австрийских немцев; мы не можем заставить их перестать чувствовать себя немцами. Они должны где-то находиться. Мы ничего не приобретем, заставляя их вести существование отдельно от Германии. Такое навязанное силой разделение будет только возбуждать германский национализм, но не сможет предотвратить ни сотрудничество между его двумя ветвями, ни их окончательное объединение»³⁰.

В рассматриваемых документах поднимался и важный вопрос о гарантиях послевоенного мирного урегулирования. Первая мировая война продемонстрировала шаткость международных обязательств по поддержанию бельгийского нейтралитета. И это побудило Пейджета и Тиррелла, наряду с мерами по укреплению обороны Бельгии, предложить такое «практическое решение», как присоединение к Бельгии Люксембурга и, главное, создание оборонительного союза Франции, Бельгии и Великобритании. Аналитики МИД осознавали, что заключение такого договора шло вразрез с британской традицией отказа от союзов в мирное время, однако считали эту меру наиболее действенной гарантией бельгийской независимости перед лицом возможного повторения германского вторжения.

Уже на том этапе войны в странах Антанты заговорили о создании международной организации в целях поддержания мира³¹. В меморандуме Форин офис упомянута Лига Наций, однако его авторы выражали определенный скептицизм в отношении ее эффективности. Тем не менее аналитики внешнеполитического ведомства предполагали, что участие США может существенно повысить авторитет такой организации. Таким образом, стабильности будущей европейской системы, по мнению сотрудников внешнеполитического ведомства, наряду с заключением военно-политического союза с Францией и Бельгией, могло способствовать привлечение США в качестве гаранта послевоенного урегулирования.

Рассмотренные проекты не предлагали точных рецептов построения стабильного мира. Скорее в них были намечены проблемы и альтернативы, обсуждение которых британской политической элитой продолжалось как в оставшиеся два года войны, так и после ее завершения. Во взглядах на многие вопросы отсутствовало согласие. Если Р. Пейджет и У. Тиррелл стремились вовлечь США в систему европей-

ских гарантий, то Э. Монтагю предостерегал против обращения за помощью к заокеанской державе. Американские политики, с его точки зрения, были поглощены сиюминутными интересами своих партий. Поэтому он не ждал от них решений, в которых проявилась бы забота о «цивилизации, достоинстве и будущей безопасности мира»³². Лондон всячески уклонялся от обсуждения целей войны Франции в отношении Германии и воздерживался от каких-либо обещаний по вопросу о будущей границе между государствами. Крайне высокой степенью неопределенности и изменчивости отличалась ситуация в Центральной и Юго-Восточной Европе. События 1917 г. — ослабление, а затем и фактический выход России из войны в результате революции, поражение Италии при Капоретто, успешное, как казалось, использование Германией в своих интересах «принципа национальностей» на территории бывшей Российской империи — все это вызвало новый виток дискуссий о будущем Австро-Венгрии и на время подкрепило позиции тех политиков и интеллектуалов, которые, как и авторы журнала *Economist*, указывали на «абсурдность сокрушения больших государств»³³. Вплоть до конца войны предметом дискуссии в британских правящих кругах оставались вопросы о том, повлияет ли смена режима на политику Германии и, соответственно, является ли сокрушение прусского милитаризма оправданной и достижимой целью.

Даже Пейджет и Тиррелл, которые рассматривали в качестве идеала мир, основанный на правовых принципах, не питали иллюзий относительно того, что в ближайшем будущем Европе удастся отказаться от силовой политики. Бальфур рисовал картину вооруженного мира, в котором оборонительный союз всех, кто стремится к сохранению своих владений, будет противостоять тем, кто захочет преумножить собственные.

Таким образом, принцип «баланса сил» сохранял свою актуальность. Однако у разных авторов он наполнялся разным содержанием. У. Робертсон делал акцент на изменчивости союзов, рассматривал каждую державу одновременно и как потенциального партнера, и как возможного противника Великобритании. Послевоенная система в восприятии А. Бальфура — продолжение предвоенного и военного противостояния Антанты и Центральных держав. Р. Пейджет и У. Тиррелл рассчитывали укрепить баланс сил новыми игроками на мировой

арене — молодыми национальными государствами Европы и США, несопоставимыми по своей мощи. Вопрос о том, в какой степени они способны заменить собой традиционных столпов европейского равновесия, был одним из главных в спорах о гарантиях стабильности послевоенного миропорядка. Но и надежды, возлагавшиеся на заокеанскую державу, и не слишком убедительные проекты реорганизации ЦЮВЕ свидетельствовали о молчаливом признании факта капитальной важности: ослабления не только европейских центров силы, но и позиций Великобритании как арбитра и гаранта европейской системы.

¹ *Egerton G.* Great Britain and the Creation of the League of Nations: Strategy, Politics, and International Organization, 1914–1919. Chapel Hill, 1978.

² Цит. по: *Goldstein E.* Winning the Peace. British Diplomatic Strategy, Peace Planning, and the Paris Peace Conference, 1916–1920. Oxford, 1991. P. 125.

³ В числе их авторов были начальник Генерального штаба У. Робертсон, Первый лорд Адмиралтейства А. Бальфур, высокопоставленные сотрудники Форин офис Р. Пейджет и У. Тиррелл, министр вооружений Э. Монтаго, один из лидеров Консервативной партии лорд Лэнсдаун.

⁴ Литература на русском языке о целях Великобритании в войне не столь обширна. Из последних работ см. статьи: *Портнягин Д. И.* Великобритания и проблемы послевоенного урегулирования на Парижской мирной конференции 1919 г. // Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. Вып. 1. М., 2011. С. 108–115; *Фомин А. М.* Военно-политические цели Великобритании на завершающем этапе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 72–91. Из многочисленных зарубежных работ отметим: *Rothwell V. H.* British War Aims and Peace Diplomacy, 1914–1918. Oxford, 1971; *Goldstein E.* Op. cit.; *Martin L. W.* Peace without victory. W. Wilson and the British Liberals. N.Y.; L., 1973.

⁵ Эти вопросы в ноябре 1916 г. сформулировал в пространной записке для кабинета министров один из лидеров Консервативной партии лорд Лэнсдаун. The National Archives (UK) (далее — TNA). Cabinet Papers (далее — Cab.) 37/159/32.

⁶ TNA. Cab. 24/2/46. The General Review of War, memorandum by Hankey. October 31, 1916.

⁷ *Lowe C. J., Dockrill M. L.* The Mirage of Power. Vol. 2. British Foreign Policy, 1914–1922. L.; Boston, 1972. P. 242.

⁸ См., например: TNA. Foreign Office 800/177. P. 159. Bertie to Grey. March 10, 1915; Cab. 24/1/12. Alexandretta and Mesopotamia, memorandum by Lord Kitchener. March 16, 1915.

⁹ О стратегии Китченера см. подробнее: *French D.* British Strategy and War Aims, 1914–1916. L., 1986.

¹⁰ *Goldstein E.* Op. cit. P. 12.

¹¹ Цит. по: Ibid.

¹² TNA. Cab. 24/2/30. The Problems of Peace, by Montagu, 29 August 1916.

¹³ Ibid.

¹⁴ Бальфур предлагал «перекроить карту Европы в тесном соответствии с тем, что мы достаточно неопределенно называем принципом “национальности”». TNA. Cab. 37/157/7. The Peace Settlement in Europe, by Balfour. October 4, 1916. Меморандум Пейджета и Тиррелла также предполагал проведение плебисцитов по вопросу о государственной принадлежности в ряде районов, что позволило Д. Ллойд Джорджу назвать его первым официальным документом, в котором «то, что стало известно как самоопределение», рассматривалось в качестве «принципа исправления национальных границ». *Lloyd George D. The Truth about the Peace Treaties. Vol. 1. L., 1938. P. 31.* В этой книге Д. Ллойд Джордж приводит обширные выдержки из меморандума Пейджета и Тиррелла.

¹⁵ В речи 9 ноября 1914 г. премьер-министр Г. Асквит в числе британских целей войны назвал необходимость поставить «права малых народов» (the rights of small nationalities) на «неприступное основание». Историки спорят, подразумевал ли британский премьер-министр «малые страны» или «этнические группы», однако, несомненно, провозглашенный лозунг давал простор для широкой интерпретации, что и было использовано пропагандой Антанты. У. Черчилль 31 августа 1914 г. говорил о переустройстве Европы в соответствии с «принципом национальности и желаниями народов, которые живут в различных спорных областях». Цит. по: *Calder K. J. Britain and the Origins of the New Europe, 1914–1918. Cambridge, 1976. P. 15, 16.*

¹⁶ TNA. Cab. 24/2/32. Suggested basis for a Territorial Settlement in Europe, by R. Paget, W. Tyrrell, 7 August 1916.

¹⁷ О германской концепции Срединной Европы см. подробнее: *Туполев Б. М. «Срединная Европа» в экспансионистских планах германского империализма накануне и во время Первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 106–122; Mommsen W. Die Mitteleuropaidee und die Mitteleuropapläne im Deutschen Reich // Mommsen W. Der Erste Weltkrieg. Anfang vom Ende des bürgerlichen Zeitalters. Frankfurt am Main, 2004. S. 94–117.*

¹⁸ Речь, очевидно, шла в первую очередь о Нидерландском королевстве, призванном служить барьером на пути возможной французской экспансии. Созданное по решению Венского конгресса, оно не смогло надолго сохранить территориальную целостность. В результате революции 1830 г. Бельгия, входившая в состав этого королевства, обрела независимость.

¹⁹ TNA. Cab. 24/2/32.

²⁰ Ibid.

²¹ В какой-то степени проект опоры на малые страны можно назвать продолжением традиции либеральной внешнеполитической мысли, заложенной У. Гладстоном. В 1870-х годах лидер либералов выступил за то, чтобы в политике в Восточном вопросе отказаться от курса на сохранение целостности Османской империи и сделать ставку на поддержку национально-освободительных движений народов Балканского полуострова. Однако при росте внимания британской дипломатии

к Балканским странам в конце XIX — начале XX в. она все же преимущественно опиралась на великие державы: до конца XIX в. — на Австро-Венгрию в соперничестве с Россией, а после создания Антанты 1907 г. — на Россию в противодействии германо-австрийскому блоку. О британской политике на Балканах накануне Первой мировой войны см. подробнее: *Агансон О. И.* Политика Великобритании в Юго-Восточной Европе в условиях кризиса Балканской подсистемы международных отношений (1903–1914 гг.) Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

²² См., например: *Marriot J. A. R.* Big States and Small Nations // *Fortnightly Review*. March 1915. P. 382–393; *Idem.* The Supreme Issue // *Nineteenth Century*. April 1917. P. 724; *Brailsford H. N.* The New Spirit in Austria // *Contemporary Review*. August 1917. P. 130–138; *Idem.* The Supreme Issue // *Nineteenth Century*. April 1917. P. 724.

²³ TNA. Cab. 24/2/32.

²⁴ В качестве оснований для предложений о передаче частей Македонии Болгарии британские государственные деятели и публицисты ссылались на сербо-болгарский договор, заключенный в 1912 г., в преддверии Первой Балканской войны. TNA. Cab. 24/2/32. Appendix 1.

²⁵ TNA. Cab. 37/157/7.

²⁶ См. подробнее: *Романова Е. В.* Дискуссия о будущем мироустройстве на страницах британских общественно-политических журналов в годы Первой мировой войны // *Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны*. Вып. 1. М., 2011. С. 67–68. О Парижской экономической конференции см.: *Soutou G.-H.* L'or et le sang. Les but de guerre économiques de la Première Guerre mondiale. Paris, 1989. P. 233–305.

²⁷ Так, Бальфур считал необходимым, чтобы Германия возместила ущерб Бельгии, Северной Франции и Сербии, передала союзникам торговый флот, эквивалентный тому, что был потоплен ее подводными лодками.

²⁸ TNA. Cab. 24/2/32.

²⁹ Ibid. Cab. 37/157/7.

³⁰ Цит. по: *Goldstein E.* Op. cit. P. 129. С невозможностью предотвратить аншлюс был согласен постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Ч. Гардинг, хотя он и не приветствовал идею присоединения Австрии к Германии. Ibid.

³¹ См. подробнее: *Egerton G.* Op. cit.

³² TNA. Cab. 24/2/30.

³³ *Economist*. 1916. February 20. P. 334. См. подробнее: *Романова Е. В.* Проблема будущего переустройства Австро-Венгрии: британский взгляд в годы Первой мировой войны // *Первая мировая война, Версальская система и современность*: Сб. ст. СПб., 2012. С. 182–190.

ФРАНЦУЗСКИЕ ПЛАНЫ ПЕРЕУСТРОЙСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

В предвоенные годы взаимоотношения Франции и Австро-Венгрии не были ни особенно дружественными, ни враждебными. Французским инвестициям в Дунайскую монархию не мешало, что она являлась ближайшим союзником Германии. Между государствами не имелось серьезных территориальных или иных споров, которые нельзя было бы решить дипломатическим путем. Французов, конечно, тревожили постоянные трения Австро-Венгрии с Россией. Но прямого отношения к Франции эти трения не имели. По условиям русско-французской военной конвенции 1893 г. Франция не была обязана воевать на стороне России, если бы на нее напала одна Австро-Венгрия. Вот если бы одновременно на Россию напала и Германия, тогда, действительно, Франция должна была бы вступить в войну, но и то лишь против своего непосредственного врага, т.е. немцев.

Примечательный факт: когда на западе и востоке Европы уже всю полыхала война, французский посол как ни в чем не бывало оставался в Вене, австрийский — в Париже. Президент Французской Республики Р. Пуанкаре даже выражал по этому поводу беспокойство. Он записал в дневнике: если мы немедленно не отошлем австрийского посла, то «наши союзники будут считать нас самыми настоящими предателями»¹. Только 12 августа Франция по согласованию с Великобританией объявила о состоянии войны с Австро-Венгрией. Но никаких боевых действий не последовало. Слухи о выдвижении австро-венгерских войск на запад, против Франции, не подтвердились. Лишь в Адриатическом море военные корабли обеих стран обменялись залпами, да и то без особого вреда друг для друга².

Обе страны долгое время находились в состоянии своего рода «странной» войны. На первых порах французов это вполне устраивало. Перед ними открывался широкий простор для политического маневра в отношениях с Австро-Венгрией. В зависимости от обстоя-

тельств Франция по своему усмотрению могла: 1) и впредь воздерживаться от резких движений, переложив всю ответственность за военные действия с ней на Россию; 2) в решающий момент делом проявить себя, отправив куда-нибудь на Балканы, например в Сербию, свои войска; 3) использовать Австро-Венгрию в дипломатической игре, направленной на международную изоляцию или на раскол Германского блока. В такой игре Франция как страна, прямо не заинтересованная в судьбе Австро-Венгрии, находилась в выигрышной позиции. Ничем особенно не рискуя и не жертвуя, она могла воздействовать на австро-венгров как пряником, так и кнутом — прельщать их выгодами перемирия, а то и сепаратного мира с Антантой или же натравливать на них соседей.

Как известно, война прогнозировалась скоротечной. Она должна была закончиться еще в 1914 г. до наступления зимних холодов. Французское командование предполагало, что решающие сражения произойдут на западной и восточной границах Германии. Поэтому французы не проявляли особого интереса к положению на русско-австрийском и сербо-австрийском фронтах, которые считались вспомогательными, способными самое большее сковать силы австро-венгерской армии. Если осенью 1914 г. Австро-Венгрия привлекала внимание французских политиков и государственных деятелей, то главным образом из-за опасения, что Россия может переусердствовать в борьбе с ней и забыть, что главный противник Антанты — Германия, против которой и нужно направить основные силы.

Австро-Венгрия снова оказалась в центре внимания в конце 1914 г., когда не осталось сомнений в провале стратегического плана Антанты и война приобрела затяжной характер. С одной стороны, французские резиденты за рубежом докладывали, что правительство Франца Иосифа якобы разочаровано результатами осенне-зимней кампании и намерено разорвать союз с Германией. 19 декабря 1914 г. полномочный министр Франции П. Делярош-Верне сообщал из Цетинье, что, по сведениям черногорского правительства, полученным из конфиденциального источника, «Австро-Венгрия будто бы желает заключить сепаратный мир и теперь ищет способ вступить в переговоры с союзными державами»³. С другой стороны, командование русской армии, воодушевленное победами в Галиции, пыталось убедить французов, что Авс-

тро-Венгрия — слабое звено вражеской коалиции, которому и нужно уделить основное внимание при планировании военных операций⁴.

На рубеже 1914—1915 гг. в военных, политических и дипломатических кругах Франции возникла дискуссия о том, какой из вариантов развития событий больше соответствовал бы ее интересам. За переговоры о сепаратном мире высказывались некоторые дипломаты, в частности французский посол в России М. Палеолог. В беседе с русским министром иностранных дел С. Д. Сазоновым он предлагал «отделить Австро-Венгрию от тевтонской коалиции всеми возможными способами, используя силу или убеждение» и прямо спрашивал: «Если бы венский кабинет согласился уступить вам Галицию, а Сербии уступить Боснию и Герцеговину, то стали бы вы считать это приемлемой сделкой для заключения сепаратного мира с Австро-Венгрией?» Обещании Сазонова «тщательно обдумать» это предложение Палеолог немедленно сообщил своему министру Т. Делькассе⁵. Однако политическое руководство Франции в лице президента республики Пуанкаре и главы кабинета министров А. Бриана тогда решительно отвергло идею сепаратного мира с Австро-Венгрией. Свою позицию Пуанкаре аргументировал так: «Представьте, что Россия аннексирует Галицию, а Сербия — Боснию и Герцеговину: тогда Витте и его друзья-германофилы сделают все, чтобы отговорить царя от продолжения войны против нашего главного противника». Палеолога обязали разъяснить в Петрограде, что в беседе с Сазоновым он высказал личное мнение, не имея на то никаких указаний из Парижа⁶.

Наоборот, «проект [военной] диверсии на Балканах», разработанный собственными военными экспертами, поначалу понравился политическому руководству Франции. Он предусматривал отправку на Балканы союзного экспедиционного корпуса, который совместно с сербскими войсками и во взаимодействии с русским фронтом развернул бы наступление по направлению Белград—Вена—Берлин. Но в конечном счете и этот план не был принят. Энтузиазм штатских лиц охладила главнокомандующий французской армией генерал Ж. Жоффр. Он заявил о категорическом несогласии с планом отправки французских солдат на другие театры военных действий. По его словам, войска «целиком были нужны» ему на Западном фронте, где, по его расчетам, и должны произойти «решающие события» войны⁷.

Таким образом, в начале 1915 г. руководители Франции решили воздержаться от прямого участия в военных действиях против Австро-Венгрии. Несвоевременной они нашли и попытку заключить с ней сепаратный мир. Что могла означать такая позиция? Только одно — Франция фактически не желала военного или дипломатического поражения самому близкому союзнику Германии. Для нее было важно, чтобы Австро-Венгрия продолжала участвовать в войне. Таким способом французы рассчитывали удержать подле себя Россию, которая, как они предполагали, не особенно была заинтересована в продолжении войны с одной лишь Германией. Французы также надеялись использовать Австро-Венгрию как своего рода приманку, чтобы привлечь новых союзников.

Можно спорить, было ли оправданно это «двойное решение» в военном отношении. Во всяком случае, не очевидно, что крупномасштабная военная операция на Балканах в 1915 г. обеспечила бы Антанте победу. Но в политическом отношении оно оказалось плодотворным: союзная коалиция в предвидении продолжительной войны не только сплотила, но и расширила свои ряды. Что касается России, то чем хуже шли у нее дела на фронтах с Германией, тем большую ценность приобретали ее успехи на австрийском направлении. Чтобы стимулировать Россию, Франция официально поддержала ее притязания на австрийские земли. По известному Петроградскому соглашению 26 февраля (11 марта) 1917 г. она признала «полную свободу России в деле определения своих западных границ». Разумеется, имелась в виду главным образом граница с Австро-Венгрией. Принятые французским руководством решения обеспечили также присоединение к Антанте сначала Италии, а потом и Румынии. Общим странам союзники обещали значительные территориальные приобретения за счет Австро-Венгрии. Италия по соглашению с союзниками 13 (26) апреля 1915 г. могла рассчитывать на Трентино, Южный Тироль, Триест, Горицию, Истрию и Далмацию вместе с островами Адриатического моря. Румыния по договору 4 (17) августа 1916 г. получила «право аннексировать» Трансильванию.

Обещая удовлетворить территориальные претензии к Австро-Венгрии со стороны ее соседей, французское правительство не особенно задумывалось об отдаленных последствиях своих действий. И в 1915, и в 1916 гг. главным для него было — победить. Французы рассуждали

Французские планы переустройства Центральной Европы

приблизительно так: события покажут, придется ли вообще и в какой мере выполнять принятые на себя обязательства. Между тем более чем вероятный распад Австро-Венгрии в случае победы Антанты их тревожил. Ведь наибольшие выгоды от этого получили бы другие страны, не исключая и Германии. Мало кто сомневался, что в территориально-государственном устройстве Центральной Европы произойдут большие перемены. Важно было решить, какой вариант развития событий предпочтителен — тот, который предполагал сохранение многонациональной монархии Габсбургов (назовем его консервативным), или другой, предусматривающий ее разрушение и образование на ее обломках системы национальных государств (соответственно радикальный вариант).

Сомнения и тревоги усилились, когда война по многим признакам — истощение ресурсов, усталость населения, мирные инициативы воюющих и нейтральных государств — вступила в завершающую фазу. В октябре 1916 г. президент республики, председатели обеих палат парламента, члены правительства провели неформальную встречу, на которой обсудили условия желательного для Франции мира. Среди прочих поднимался и вопрос о «сохранении или разделении» Дунайской монархии, а также о «мерах предосторожности, которые следовало бы принять, чтобы Германия не увеличила свою территорию путем присоединения собственно австрийских и венгерских земель»⁸. Свой план решения этой дилеммы предложило военное командование. Жоффр определял грядущий распад Австро-Венгрии как «неизбежное зло». Неизбежное — потому что этого хотят Россия и Италия, с мнением которых Франция не могла тогда не считаться. Зло — потому что, по словам Жоффра, «Австрия не только перестала бы играть роль противовеса Пруссии, но даже неминуемо оказалась бы в поле притяжения Германии». Выход из положения генерал видел в том, чтобы образовать «на руинах империи» несколько крупных государств, которые играли бы роль коллективного противовеса Германии. Речь шла о «славянском государстве в составе Богемии, Моравии и Словакии». Предлагалось также создать «мощную державу» на Балканах за счет присоединения к Сербии словенцев и хорватов. Наконец, независимым государством становилась Венгрия, но только в пределах Среднедунайской низменности⁹. Неумолимые обстоятельства, таким образом, вынуждали по-

литическое и военное руководство Франции поддержать радикальный вариант переустройства Центральной Европы.

Весной 1917 г. наметился новый поворот в политике Франции по отношению к Австро-Венгрии. Этому косвенно способствовали два события: революция в России и провал Апрельского наступления франко-британских войск на Западном фронте. При всем несходстве этих событий их объединяет то, что они послужили причиной военного ослабления Антанты. Революция привела к потере боеспособности русской армии. Рассчитывать на полноценное участие России в войне западные союзники больше не могли. Что касается Апрельского наступления, то чудовищные потери, которые за короткий срок понесли союзные войска (при практически полном исчерпании мобилизационного ресурса), заставили французское и британское командование отказаться от наступательных операций. Весной 1917 г. обнаружилось, что для победы над Германией, уже казавшейся близкой и неминуемой, союзным державам не хватает военной силы. Хотя в апреле 1917 г. США объявили Германии войну, полноценное участие американских войск в боевых действиях ожидалось не раньше чем через год.

Но судьба, казалось, благоволила союзникам. 5 марта 1917 г. президента республики посетил принц Сикст Бурбон-Пармский. Офицер бельгийской армии, брат австрийской императрицы Зиты, следовательно, шурина молодого императора Карла¹⁰, он только что вернулся из Швейцарии, куда ездил по просьбе матери и где встречался с графом Т. Эрдеди, доверенным лицом императора Карла. Принц передал Пуанкаре письмо графа О. Чернина, австрийского министра иностранных дел, и сопроводительную записку самого Карла, которые он получил от упомянутого «конфидента» и в которых выражалось стремление Австро-Венгрии к миру.

Этот визит не стал неожиданностью для высших должностных лиц Французского государства. Еще 24 января 1917 г. 5-е бюро (информация и пропаганда, 1915–1917 гг.) Генерального штаба французской армии подготовило справку под красноречивым названием «О стремлении к миру в Австро-Венгрии». В ней не только содержалось признание, что «в течение некоторого времени поступают многочисленные разведанные, указывающие на то, что Австро-Венгрия охватило желание мира». Сообщалось также, что, по сведениям «очень хороше-

го» информатора из Швейцарии, «в Берн из Австрии прибыло важное лицо, чтобы “поговорить” с кем-либо из французских политических деятелей»¹¹. Да и сам Сикст посоветовался с «кем нужно» в Париже (в своих воспоминаниях он упомянул об этом крайне неопределенно), прежде чем решился на встречу с «конфидентом» австрийского императора. 31 марта он еще раз посетил президента республики, чтобы вручить личное послание Карла с перечнем приемлемых для Австро-Венгрии условий мира. Среди прочего, император обещал территориальные и экономические уступки Сербии, включая доступ к Адриатическому морю. Но о каких-либо уступках Италии, России и Румынии в предложениях императора не было сказано ни слова¹².

Тем не менее французы заинтересовались этими предложениями. В первой половине апреля 1917 г. глава кабинета министров Рибо посетил Лондон, где передал британскому премьер-министру копию письма императора Карла. «Это предложение сразу же захватило Ллойд Джорджа», — поделился он своими впечатлениями с президентом республики. Но, соглашаясь на мир с Австро-Венгрией, союзники должны были пересмотреть свои представления о будущем всей Центральной Европы. А эта работа, учитывая обстоятельства, требовала осмотрительности. Судя по дневниковым записям самого Пуанкаре, посвящать Россию в свои планы западные державы не торопились, отговариваясь тем, что она сама «все больше забывает о войне и думает только о своей революции». Еще менее важными союзниками, которые могли бы только помешать заключению сепаратного мира, представлялись им Румыния и Сербия. Оставались итальянцы, мнением которых ни в Париже, ни в Лондоне пренебрегать пока не рисковали. Для начала французы и британцы решили «просто прозондировать» позицию итальянского руководства, якобы «на всякий случай». Но 19 апреля 1917 г. на конференции трех держав в Сен-Жан-де-Морьен итальянцев вывело из себя одно только упоминание о возможности переговоров с Австро-Венгрией. Они категорически потребовали от союзников выполнения обязательств, взятых на себя по соглашению 1915 г.¹³

Миссия Сикста провалилась, однако спасительная мысль о сепаратном мире с Австро-Венгрией ценой ущемления интересов своих союзников в Южной и Восточной Европе прочно засела в головах руководителей Франции и Великобритании. «Не подлежит сомнению, —

утверждал в своих воспоминаниях Рибо, — что в 1917 г. союзные правительства в целом склонялись к идее сохранения Австро-Венгерской империи»¹⁴.

За эту мысль ухватилось и военное командование западных держав. 8 июня 1917 г. генералы У. Робертсон и Ф. Фош, начальники Генеральных штабов соответственно британской и французской армий, встретились в городке Абвиле, чтобы обсудить новую стратегию ведения войны, которая соответствовала бы ограниченным ресурсам Антанты. Они признали «неуместными в настоящее время любые крупные операции» и призвали союзные правительства наряду с военной силой активнее использовать «дипломатические методы» борьбы с противником. Суть дела пояснил Робертсон: нужно «отделить от Германии ее колеблющихся союзников». Фош в этой связи указал на Австро-Венгрию, которая, по его словам, «созрела для заключения мира». Но чтобы решиться на этот шаг, заметил он, австрийский император нуждается в веском поводе, который позволил бы ему «сохранить лицо». Оба генерала пришли к выводу: «Нужно принудить Австрию к миру военной силой»¹⁵.

Решающую роль в принуждении Австро-Венгрии к миру французы и британцы отводили России и Италии. Временное правительство России, по всей видимости, не подозревало о тайных замыслах западных союзников. Руководствуясь собственными побуждениями, 18 июня (1 июля) 1917 г. оно бросило войска Юго-Западного фронта в прорыв. Лишь за считанные дни до начала наступления, 14 (27) июня 1917 г., Фош попросил представителя ставки при французской главной квартире генерала М. И. Занкевича доложить своему командованию следующее: «По вполне достоверным сведениям... австрийское правительство ввиду крайнего истомления страны готово заключить мир с союзниками теперь же, но для этого ему необходим предлог, который оправдал бы его в глазах Германии. Таким предлогом могли бы быть — новые неудачи на боевых фронтах. С этой точки зрения Фош считает наиболее желательным наше наступление на Юго-Западном фронте»¹⁶. Чуда, как известно, не произошло, наступление русских войск захлебнулось. Что касается итальянцев, то они, по всей видимости, своевременно почувствовали подвох и сразу предупредили Францию и Великобританию, что до осени не в состоянии подготовить наступательную операцию на Австрийском фронте.

В итоге план Робертсона—Фоша также не сработал. 26 июля 1917 г. на союзной конференции в Лондоне Фош не скрывал своего разочарования: «Мощные встречные удары русско-румынских и итальянских войск по Двуетной монархии могли бы заставить ее просить мира. Но последние события изменили обстановку. Русские войска разбиты и покидают Галицию. Даже если итальянская армия перейдет в наступление, то вряд ли она добьется решающего успеха, поскольку фронт ее атаки слишком узок, а местность неблагоприятна. К тому же генерал Кадорна¹⁷ считает, что до ноября подготовить крупное наступление итальянских войск невозможно». Фош выражал сожаление, что не удалось осуществить план «изоляции Германии» посредством принуждения Австро-Венгрии к миру¹⁸.

На встречах со своими коллегами из союзных армий французские военные деятели не обсуждали деталей послевоенного урегулирования в Центральной Европе. Мир с Австро-Венгрией им был нужен прежде всего по чисто военным соображениям. Они предвидели, что по причине внутренних неурядиц Россия скоро окажется неспособной выполнять свои обязательства перед союзниками. Не исключали они даже возможности ее полного выхода из войны. Что бы ни случилось, не подлежало сомнению одно: соотношение в силах противостоящих коалиций менялось в неблагоприятную для союзников сторону. Примирение с Австро-Венгрией и представлялось французским военным единственной возможностью нивелировать потерю России, т.е. причинить противнику сопоставимый вред.

Еще 7 июля 1917 г. 3-е бюро Генштаба (планирование и осуществление военных операций) подготовило справку «О том, что делать в случае измены России». Ее авторы со сдержанным оптимизмом оценивали такие признаки «выздоровления» русской армии, как Июньское наступление: «Пока не может быть и речи об угрозе сепаратного мира» России с державами Четверного союза. Вопрос об этом, по их мнению, «может встать только в том случае, если наступление провалится. И тогда, ближе к осени, боевой дух русских войск снова упадет, и упадет сильнее прежнего». Тем не менее из «предосторожности» они сочли за благо поискать ответ на вопрос: «Если Россия подпишет сепаратный мир, то как изменится состав воюющих лагерей?» Авторы справки выдвинули две гипотезы. Одна из них, «самая вероятная»,

заклучалась в том, что выходом России из войны воспользуется Австро-Венгрия, тоже стремящаяся к миру. Она в свою очередь постарается достигнуть соглашения с Италией, если та не будет предъявлять ей «чрезмерных требований». Таким образом, обе враждебные коалиции продолжат войну в сокращенном составе. Согласно другой гипотезе, выход России из войны не повлечет за собой заключения сепаратного мира между Австро-Венгрией и Италией. Четверной союз сохранится, тогда как Запад потеряет в лице России важного союзника.

Авторы справки утверждали: какая бы из этих гипотез ни подтвердилась, Германия все равно приобрела бы благодаря сепаратному миру с Россией значительные выгоды. Прежде всего, в связи с ликвидацией Восточного фронта она получила бы значительный перевес в силах: «Со скоростью 15 дивизий в месяц она перебросила бы на французский фронт все свои войска. Если предположить, что Россия изменит своим обязательствам 1 октября, то к 1 марта 1918 г. Германия смогла бы сосредоточить на французском фронте 234 дивизии»¹⁹. Но будет еще хуже, если противник сможет направить на запад не только немецкие, но и австрийские войска, находящиеся теперь на Восточном фронте. В таком случае «коалиция еще могла бы, наверное, сдержать натиск противника, но уже была бы не способна его победить, пока Америка в полной мере не развернет свои силы». Предпочтительным авторы справки считали тот вариант развития событий, при котором «по примеру России из войны вышла бы также Австрия, даже ценой сепаратного мира с Италией»²⁰.

Трудно не согласиться с этим выводом. Неясны были только способы решения этой жизненно важной для Франции задачи. Но fortuna снова улыбнулась союзникам. Не далее как 12 июля 1917 г. на связь с информатором 2-го бюро французского Генштаба (разведка и контрразведка) в Швейцарии вышел граф Н. Ревертера. Он представился доверенным лицом императора Карла, который, по его словам, желал бы ознакомиться с французскими условиями мира. 24 июля генерал Фош лично разрешил тайные контакты по линии упомянутого информатора. 30 июля о деле Ревертера доложили военному министру П. Пенлеве. Спустя еще несколько дней Рибо и Ллойд Джордж санкционировали встречу офицера французской разведки с австрийским эмиссаром.

К этому времени 2-е бюро подготовило многостраничный документ²¹, посвященный обоснованию желательных для Франции условий мирного урегулирования с Австро-Венгрией. Он представлял собой развернутый план территориально-государственного переустройства Центральной Европы в его консервативном (точнее, умеренно консервативном) варианте. В документе подчеркивалось, что «союзники не требуют разрушения Австрии и низложения Габсбургов». Но вместе с тем выражалось стремление к «обновлению Австрии в соответствии с политическими и социальными принципами современной Европы», включая и «права народов на самоопределение». Фактически в документе ставилась задача федерализации Дунайской монархии: «Венгрия будет ограничена территорией расселения собственно мадьяр, а Словакия соединится с Богемией». Возникнет самостоятельная Сербо-Хорватия, состоящая из «австрийских провинций, населенных сербами, хорватами и словенцами, включая Далмацию». Что касается «территорий, населенных румынами, то они могут быть присоединены к Румынии либо преобразованы в автономное Трансильванское государство во главе с [австрийским] императором».

В документе признавалась необходимость для Габсбургов «пойти на некоторые территориальные уступки соседним странам». Буковину предлагалось разделить между румынами и украинцами (малороссиянами), Галицию — между поляками и украинцами. Справедливыми признавались притязания итальянцев на Горицию. Но целесообразность передачи им Триеста вызывала у авторов документа сомнения. Не видели они достаточных оснований и для присоединения к Италии Далматинского побережья. Устройство Дунайской монархии французские военные представляли себе так: 1) коронные владения императора, включая собственно Австрию, немецкий Тироль и Форарльберг, большую часть Штирии и Каринтии; 2) королевства Богемия, Венгрия, Сербо-Хорватия и Трансильвания, где император станет править как король.

Разработчики этой программы допускали, что императору Карлу будет нелегко согласиться на мир, предполагающий территориальные утраты и ограничение властных полномочий. Поэтому, считали они, следует предложить ему достойную компенсацию: «Вряд ли он устоит перед таким доводом в пользу мира, как Польша». Но этот подарок им-

ператор получит лишь при условии, что примет на себя дополнительные обязательства: «Если союзники согласятся с возведением на польский трон кого-либо из дома Габсбургов (например, принца Сикста Бурбон-Пармского, брата императрицы Зиты, француза или бельгийца по культуре и образованию), то исключительно в обмен на надежные гарантии, что по отношению к Германской империи Габсбурги будут стоять на антагонистических позициях».

Авторы документа предвидели, что с реализацией этого плана могут возникнуть некоторые «второстепенные трудности», прежде всего со стороны России. Вряд ли она легко согласится с передачей Польши Габсбургам. Тем не менее они рассчитывали на здравомыслие всех сторон, заинтересованных в судьбе польских земель. Они исходили из того, что Россия в любом случае утратила Польшу, оккупированную немецкими и австрийскими войсками, и что пусть лучше эта страна достанется Габсбургам, чем Гогенцоллернам. «Будущая Польша, — подчеркивалось в документе, — должна сыграть роль связующего звена между Россией и Австрией и способствовать их сближению на почве антипрусской политики». Французские военные рассчитывали, что в результате осуществления предложенного ими мирного плана возникнет «великий альянс, который объединит Петроград, Варшаву, Вену, Прагу, Будапешт, Аграм, Бухарест, Рим, Париж, Брюссель, Лондон, Вашингтон и т.д.». Он ляжет в основу нового *«европейского порядка, который позволит держать в узде пруссачество и предоставит каждому народу возможность свободного развития*. Краеугольным камнем этого порядка, естественно, должна быть Франция».

Кроме того, нельзя было исключать, что о своем праве на самоопределение «не преминут напомнить» неславянские народы Богемии и Моравии. Им нужно будет заявить, что чехи и так «готовы гарантировать административную автономию районам с чисто немецким населением». Что касается других национальностей, то «мелкие фракции народов неизбежно должны пострадать от нового порядка, основанного на воле большинства». Единственное, что Франция может сделать для этих меньшинств, — это *«гарантировать им свободу языка и школ, а также административную автономию в местах их большой концентрации»*.

Не должны стать препятствием для мира и притязания Сербии. Во-первых, «союзники не брали на себя обязательство соединить в од-

ном государстве Сербское королевство и всех югославы, населяющих Австро-Венгрию». Во-вторых, «присоединение к Сербии путем аннексии таких провинций, как Хорватия, Словения, Далмация, которые значительно обогнали ее в цивилизационном развитии, не только противоречило бы интересам самих сербов, но и встретило бы резкий протест значительной части хорватов и словенцев». На данный момент «достаточно предоставить югославам право на создание автономного государства, которое в дальнейшем само распорядилось бы своей судьбой».

Без удовлетворения следует оставить и большую часть притязаний Румынии. На то имеется веское основание: «Союзники вряд ли могут предоставить ей такие же выгоды, какие она могла получить, если бы ее вступление в войну привело к победе союзников». Следовательно, Румыния может рассчитывать лишь на «мир по соглашению», т.е. она получит то, что «император Карл сочтет нужным ей уступить». Трансильвания, где большинство населения составляют румыны, превратится в автономное княжество или королевство во главе с австрийским императором. Это, считают они, вполне отвечает национальным чаяниям румын Трансильвании, которые, освободившись от «венгерского ига», получают собственную администрацию и свободу развития национальной культуры. Не исключается и возможность воссоединения Трансильвании и Румынии в будущем.

Авторы документа не скрывали мотивов, которыми руководствовались при его подготовке: «Пришло время, когда нужно в первую очередь позаботиться о себе... Нельзя допустить, чтобы из-за второстепенных обстоятельств, вроде упрямства сербов или румын, откладывалось заключение славного мира, вполне заслуженного Францией». Они не усматривали ничего предосудительного в том, что исходили в своих предложениях и прогнозах преимущественно из государственных интересов Франции. И не считали, что поступают несправедливо по отношению к другим народам. «Благодаря победе над немцами, — заявляли они, — восторжествует право народов на самоопределение». Апеллируя к этому праву, все народы, испытывающие притеснения, получают возможность после войны, в «обновленной Европе», добиваться удовлетворения своих законных требований: «Никто не мешает этим народам позже изменить свой политический статус, если такова будет их воля. Мы предоставим им такую возможность, и с нас довольно!»

Оценить значение указанного документа непросто. Нельзя забывать, что его готовили офицеры военной разведки, которые решали прежде всего свои профессиональные задачи в связи с предстоящей «спецоперацией». Но поскольку в данном случае 2-е бюро действовало по прямому указанию командования и правительства, можно не сомневаться: документ дает ясное представление о внешнеполитических приоритетах Франции на текущем этапе войны. Что же касается конкретных деталей плана мирного урегулирования с Австро-Венгрией (многие из которых по необходимости здесь были опущены), то подтвердить или опровергнуть их достоверность могли бы только переговоры в Швейцарии.

7 и 8 августа 1917 г. в швейцарском Фрибурге встретились майор 2-го бюро граф А. Арман и граф Ревертера. Предложения, которые французский офицер передал своему собеседнику, в основном соответствовали разработке 2-го бюро, но шли гораздо дальше того, что могли себе позволить обычные офицеры военной разведки. Невероятную щедрость этих предложений нельзя объяснить иначе, чем твердым намерением политического руководства Франции достигнуть соглашения с Австро-Венгрией. Императору предлагалось выйти из войны и объявить о нейтралитете, а также отказаться в пользу Италии от Трентино и Триеста. В обмен на эти «жертвы» под его власть переходили Польша, причем в границах 1772 г. (т.е. еще до пресловутых разделов Польского государства в последней трети XVIII в.), Бавария и Силезия. С той лишь разницей, что Силезия должна была войти в состав коронных владений императора, тогда как Польша и Бавария — стать членами федерации государств во главе с домом Габсбургов²².

Но, подобно миссии принца Сикста Бурбон-Пармского, «спецоперация» 2-го бюро не принесла искомого результата. Выяснилось, что австрийский император желает не сепаратного, а всеобщего мира. Когда же он ознакомился с условиями, которые Франция намеревалась предъявить Германии, он и сам охладел к своей инициативе.

Осенью 1917 г. Франция пережила глубокий правительственный кризис. Полностью обновился кабинет министров, из которого ушли лица, ранее причастные к тайным переговорам о мире с Австро-Венгрией. Новый глава кабинета Ж. Клемансо управлял страной под лозунгом: «Я веду войну». Поначалу он не видел необходимости преры-

вать тайные контакты, установленные 2-м бюро с доверенным лицом австрийского императора. Арман и Ревертера продолжали время от времени встречаться в Швейцарии, хотя по-прежнему безрезультатно. Две последние их встречи состоялись в феврале 1918 г. Тем не менее в политике Франции по отношению к Австро-Венгрии усилились враждебные нотки. С конца 1917 г. правительство и военное командование сделали то, чего раньше себе не позволяли, — начали активно сотрудничать с национальными движениями народов Австро-Венгрии, выступавших за самоопределение. Клемансо интересовался даже возможностью привлечения их активистов к диверсионным операциям. Не исключалось участие подданных Двуетидной монархии в военных действиях на стороне Антанты. С этой целью в феврале 1918 г. французское правительство определило статус чехословацких вооруженных формирований на территории Франции.

Перспективы соглашения с Австро-Венгрией заметно ухудшились под влиянием драматических событий весны 1918 г. Заключив 27 января (9 февраля) мир с украинской Центральной радой, 3 марта — с правительством Советской России, а 7 мая — с Румынией, державы Четверного союза развязали себе руки для продолжения борьбы на других театрах военных действий. 21 марта германские войска обрушились на позиции французской и британской армий на Западном фронте. Вопреки опасениям союзников, немцы и на этот раз решили обойтись собственными силами, без австро-венгерских войск. Но правительство Дунайской монархии не замедлило другим способом продемонстрировать свою солидарность с Германией. 2 апреля 1918 г. Чернин, выступая перед делегацией муниципального совета Вены, опрометчиво разгласил один из главных секретов австро-французских отношений периода Мировой войны: «Незадолго до начала наступления на Западном фронте Клемансо через посредников поинтересовался, готов ли я к переговорам и на каких условиях. Снесшись с Берлином, я немедленно ответил ему, что готов к таким переговорам и что я не вижу другой помехи для мира с Францией, кроме французских притязаний на Эльзас и Лотарингию. Но из Парижа мне сообщили, что на иных условиях переговоры невозможны».

В своих воспоминаниях, опубликованных вскоре после окончания войны, Чернин умолчал о мотивах этого поступка: мол, еще «рано» го-

ворить о событиях, «которые вызвали столько шуму весной 1918 г.»²³ Хотел ли австрийский министр поднять моральный дух своих соотечественников, выставляя Францию виновницей затягивания войны, или посеять раздоры среди стран Антанты, разоблачая интриги французской дипломатии? Какую бы цель Чернин ни преследовал, он болезненно задел самолюбие Клемансо, бросив тень на его репутацию. Тот о высказываниях австрийского министра узнал во время поездки на фронт. И отреагировал на них весьма резко. В условиях, когда французские войска вели тяжелые оборонительные бои, мог ли он допустить, чтобы у кого-то возникла хотя бы тень сомнения в его решимости вести войну? 4 апреля агентство *Havas* опубликовало лаконичную отповедь главы французского кабинета: «Граф Чернин солгал».

Между столицами вспыхнула полемика, которую лучше было бы назвать «войной компроматов». Уже 5 апреля Вена выдала новую порцию разоблачений, касавшихся тайных консульских в Швейцарии, в которых участвовали Ревертера и Арман. Последний, как сообщалось, якобы и заявил от имени Клемансо, что Франция никогда не откажется от «аннексии» Эльзаса и Лотарингии. Со своей стороны, 6 апреля Париж обвинил австрийское правительство в передергивании фактов. Стороной, предлагавшей мир, утверждали во французской столице, была на самом деле Австро-Венгрия, по инициативе которой и происходили тайные встречи в Швейцарии. К тому же эти встречи начались задолго до того, как Клемансо возглавил кабинет министров. С тех пор его участие ограничивалось тем, что он просто не мешал их проведению.

9 апреля власти Австро-Венгрии попытались пункт за пунктом опровергнуть французскую версию событий. Этого-то и ждал Клемансо, чтобы выложить на стол главный козырь. В тот же день парижские газеты сообщили, что правительство располагает конфиденциальными письмами императора Карла, в которых притязания Франции на Эльзас и Лотарингию признаются «справедливыми». 12 апреля в печати появился текст собственноручного письма Карла, которое год назад принц Сикст вручил Пуанкаре. Эта публикация произвела эффект разорвавшейся бомбы. Неважно, что она не имела прямого отношения к переговорам Армана и Ревертеры, из-за которых и разгорелись страсти. Но она наглядно свидетельствовала о непоследовательности и не-

дальновидности австрийской дипломатии. Тщетно Вена пыталась отрицать подлинность этого письма. В итоге дипломатического скандала Чернин лишился должности министра, а император Карл был вынужден оправдываться в Берлине²⁴.

Этот инцидент не обошелся без последствий и для Франции. Можно сказать, Клемансо сжег свои корабли — отбросил колебания, которые раньше еще мог испытывать относительно будущего Австро-Венгрии. В апреле 1918 г. он заявил о поддержке Съезда угнетенных национальностей Австро-Венгрии, состоявшегося в Риме, а затем принял в Париже его делегатов. Приблизительно тогда же французское правительство признало Чехословацкий национальный комитет в качестве законного представителя обоих славянских народов, а 29 июня — их право на образование Чехословацкого государства. Выбор окончательно был сделан в пользу радикального варианта переустройства Центральной Европы. Успешное контрнаступление союзных войски на Западном фронте летом 1918 г. фактически предрешило исход Мировой войны, а вместе с тем и распад многонациональной державы Габсбургов.

¹ *Poincaré R.* Au service de la France. Paris, 1928. Т. V. P. 63–64.

² История первой мировой войны. М., 1975. Т. I. С. 421–422.

³ Ministère des Affaires Étrangères (далее — МАЕ). Guerre 1914–1918. Vol. 149. P. 98.

⁴ *Емец В. А.* Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны: Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977. С. 110 и след.

⁵ *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://istmat.info/node/25187>. Запись 1 января 1915 г.

⁶ *Poincaré R.* Au service de la France. Paris, 1930. Т. VI. P. 6. Запись 1 января 1915 г.

⁷ *Joffre J.* Mémoires. Paris, 1932. Т. I. P. 484–486. В своих воспоминаниях Жоффр сетовал на то, что ему не удалось тогда помешать осуществлению «злополучной Дарданельской операции» франко-британских сил, предпринятой в 1915 г.

⁸ *Poincaré R.* Au service de la France. Paris, 1932. Т. IX. P. 4. Запись 7 октября 1916 г.

⁹ *Joffre J.* Op. cit. Т. II. P. 378–380.

¹⁰ Унаследовал корону после смерти Франца Иосифа в ноябре 1916 г.

¹¹ МАЕ. Guerre 1914–1918. Vol. 150. P. 220RV.

¹² Sixte de Bourbon, prince. L'offre de paix séparée de l'Autriche (5 décembre 1916 — 12 octobre 1917). Paris, 1920. P. 38–45.

¹³ *Poincaré R.* Au service de la France. Paris, 1932. Т. IX. P. 115–116. Записи 18 и 20 апреля 1917 г.

¹⁴ *Ribot A.* Lettres à un ami. Paris, 1924. P. 265–266.

¹⁵ Échange de vues fait à Abbeville, le 8 juin 1917, entre le Gén. Robertson, Chef d'E.-M. Impérial, et le Gén. Foch, Chef d'E.-M.G. Français // Service Historique de la Défense, Département de l'Armée de Terre (далее: SHD, DAT), 6N68.

¹⁶ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3429. Л. 125.

¹⁷ Начальник Генерального штаба итальянской армии в 1914–1917 гг.

¹⁸ Séance particulière: France, Angleterre, Italie, le 26 juillet 1917 // SHD, DAT, 6N68.

¹⁹ Фактически германское командование к весне 1918 г. собрало на Западном фронте чуть менее 200 пехотных дивизий, но обеспечить превосходство в живой силе над противником ему не удалось. Немецкие войска насчитывали около 4 млн, тогда как союзные — около 5 млн. История Первой мировой войны... Т. 2. С. 440–442.

²⁰ Paris, le 7 juillet 1917. Note au sujet de la conduite à tenir au cas où la Russie ferait défection // SHD, DAT 16N3059.

²¹ Paris, le 23 juillet 1917. La situation politique en Autriche-Hongrie et ses conséquences // MAE. Guerre 1914–1918. Vol. 151. P. 133–176.

²² Подробнее об этом см.: *Bourlet M.* Le deuxième bureau et la diplomatie secrète: les négociations Armand-Revertera de 1917 // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2006. № 221. P. 33–49; *Soutou G.-H.* Paul Painlevé et la possibilité d'une paix négociée en 1917 // *Cahiers du Centre d'études d'histoire de la défense*. 2004. № 22. P. 32–34; *Ревякин А. В.* Франция и Россия: проблема сепаратного мира в 1917 г., или гонки на выживание // *Россия и Франция: XVIII–XX века*. Вып. 2 / Отв. ред. П. Черкасов. М., 1998. С. 206–209.

²³ *Чернин О.* В дни мировой войны. М.; Пг., 1923. С. 183.

²⁴ Подборку основных документов, относящихся к полемике Чернина и Клемансо, см.: *Clemenceau G.* Discours de guerre. Paris, 1968. P. 178–186.

«ЖАРКОЕ ЛЕТО» 1917 г. В ИСПАНИИ (в восприятии российских дипломатов)

Летом—осенью 1917 г. нейтральная Испания оказалась в положении близком к революции. Недовольство режимом проявляли военные, вступавшие в «хунты защиты»; парламентарии, самовольно собравшиеся в Барселоне; рабочие, бастовавшие в августе по всей Испании¹. Эпицентром кризиса стали Каталония и ее столица Барселона. Кризис в отношениях военных и правительства начался 26 мая 1917 г. с ареста офицеров барселонской «хунты защиты». 19 июля в Барселоне собралась Парламентская ассамблея. Дольше всего там продолжалась всеобщая революционная забастовка, начавшаяся 13 августа. Репрессии в Барселоне также были жестче.

В преддверии кризиса российский посол в Мадриде И. А. Кудашев в своем донесении от 10 (23) марта 1917 г., информируя Петроград о беспокойстве Альфонса XIII за судьбу отрекшегося от престола Николая II и членов императорской семьи, упомянул, что испанский «король опасается того, что русские события отзовутся в Испании. В рабочих районах уже замечается революционное брожение. В Барселоне произошли беспорядки с человеческими жертвами, которые стараются скрыть»².

Конечно, главными причинами кризиса были экономические проблемы: растущая инфляция, снижение реальных заработных плат, нехватка продуктов первой необходимости, вызволившихся в воюющие страны, становившийся все заметнее раскол на богатых и бедных. Но в выступлениях, требованиях и манифестах испанской оппозиции чувствовалось влияние Февральской революции в России. «Ветер перемен», пришедший из далекой страны, способствовал росту антимонархических настроений в испанском обществе и воодушевлял рабочие социалистические и анархистские организации на продолжение борьбы.

Кризис 1917 г. в Испании — явление многогранное и до сих пор малоизученное. В связи с этим особую ценность приобретают ранее

неизвестные исторические источники. В данной статье речь пойдет о сохранившихся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) донесениях и телеграммах российских дипломатов, находящихся в Испании (Мадриде и Барселоне) во время кризиса. Но сначала — несколько слов об авторах этих материалов.

Советник **Юрий Яковлевич Соловьев** был ключевой фигурой российского посольства в Испании в 1917 г., так как при смене послов неоднократно возглавлял представительство в качестве временного поверенного в делах. Он родился в 1872 г. Окончив Александровский (Царскосельский) лицей в 1893 г., начал свою службу в Азиатском департаменте МИД. В мае 1895 г. был назначен вторым секретарем российской миссии в Пекине. В 1898–1904 гг. служил в качестве первого секретаря миссии в Греции, затем в Черногории, до 1908 г. был в Румынии, с 1909 по 1911 г. — в Штутгарте. В 1912 г. Соловьев был переведен в Испанию в качестве первого секретаря, а в следующем году получил повышение — стал советником посольства в Испании³.

В годы Первой мировой войны Соловьев находился в Испании, иногда возвращаясь на родину. В Российской империи, спустя два с половиной года после ее вступления в войну, разразилась Февральская революция, а через восемь месяцев к власти пришли большевики. События в России изменили обстановку в Европе. Провозглашение Декрета о мире 26 октября (8 ноября) 1917 г., односторонний выход России из войны, начало мирных переговоров в Брест-Литовске в декабре 1917 г. вычеркнули Россию из Антанты. Правительство большевиков не было признано бывшими союзниками России. Разумеется, это негативно сказалось на деятельности всех дипломатических представителей Временного правительства. Каждый из них встал перед выбором, и Соловьев выбрал «новую Россию».

Нейтральная Испания вслед за Антантой не признала власть большевиков. Российско-испанские дипломатические отношения надолго прекратились. 1 февраля 1918 г. Соловьев вместе с дочерью выехал из Испании и с большими сложностями в течение четырех лет добирался до Москвы по разоренной войной Европе. Вернувшись в Советскую Россию в 1922 г., Соловьев стал консультантом по Дальнему Востоку Политического отдела Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД), впоследствии занял должность референта по китайским

делам. Через пять лет он перешел на работу в исполнительный комитет Общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, где занимался международными вопросами.

В 1928 г. Соловьев опубликовал воспоминания «25 лет моей дипломатической службы (1893–1918)»⁴. Уже после его смерти вышло второе, дополненное издание мемуаров⁵. Воспоминания Соловьева стали очень ценным источником (и по сути единственным мемуарным свидетельством) по истории российско-испанских дипломатических отношений того времени⁶.

Соловьеву принадлежит одно из первых донесений о кризисе. Дело в том, что Временное правительство сместило бывшего императорского посла И. А. Кудашева в марте 1917 г. Соловьев остался временным поверенным в делах в Мадриде и должен был информировать российский МИД о ситуации в Испании. В телеграмме от 17 (30) мая 1917 г. Соловьев сообщил об арестах среди офицеров Барселонского гарнизона⁷. В дальнейшем Соловьев докладывал о развитии движения «хунт защиты», передавал новости, поступавшие из Барселоны, и рассказывал о тех уступках политической власти военным, благодаря которым кризис был улажен.

Стоит признать, Соловьев неплохо разбирался в испанских реалиях: он пять лет прожил в этой стране. Докладывая о развитии движения «хунт защиты» 12 (25) июня 1917 г., он писал: «Вообще, положение здесь крайне напряженное. По всем признакам, надвигается революционный кризис»⁸. Советник российского посольства оказался прав.

В разгар кризиса в Мадрид приехал новый российский посол **Анатолий Васильевич Неклюдов**. После отставки И. А. Кудашева в Петрограде решили назначить российским послом в Испании А. А. Половцева, но тот так и не приехал в Мадрид. Соловьев поместил в испанских газетах сообщение о том, что Половцев заболел и потому не выезжает к месту своего нового назначения. 24 апреля (7 мая) 1917 г. Соловьев запросил испанский МИД о назначении послом нового представителя Временного правительства — А. В. Неклюдова и через неделю, 1 (14) мая получил положительный ответ⁹. 15 (28) июня 1917 г. Неклюдов прибыл в Мадрид, а 19 июня (2 июля) он вручил испанскому королю Альфонсу XIII верительные грамоты Временного правительства¹⁰. На следующий день Неклюдов телеграфировал в Петроград: «Обращаю внима-

ние Ваше и русской прессы на то, что вчера впервые, и при таком дворе, как мадридский, представитель Русского Народа был принят со всеми выдающимися почестями, оказываемыми послам Великих Держав. Особенно замечено было большое стечение на церемонии грандов»¹¹.

Через некоторое время, получив известие о смерти сына, Неклюдов, по выражению секретаря посольства барона К. Г. Мейендорфа, «сошел с ума». После подавления Корниловского мятежа он отправил А.Ф. Керенскому незашифрованную телеграмму, в которой упрекал последнего в том, что тот губит Россию, разослал ее копии союзным послам и подал в отставку. Альфонс XIII убеждал его остаться, но Неклюдов вскоре все-таки покинул Испанию¹². 15 (28) сентября 1917 г. Соловьев направил в Петроград две телеграммы, извещая об отъезде Неклюдова из Мадрида и о согласии испанского правительства на назначение новым российским послом генерал-губернатора Финляндии М. А. Стаховича¹³. После отъезда Неклюдова Соловьев вновь занял пост временного поверенного в делах и информировал Петроград о результатах кризиса, процессах над осужденными и т.д.

Первое донесение Неклюдова, отправленное в день вручения верительных грамот, было посвящено развитию внутривосточного кризиса в Испании. Вот его первое впечатление: «Иностранной руки в событиях не видно, кроме [как] в Барселоне, где 40 000 анархистов, французских дезертиров и всякого другого сброда прямо таки живут на деньги, раздаваемые германскими агентами. Потому из Барселоны и грозит наибольшая опасность в связи со всегда возможным желанием германцев путями анархических покушений и террора дать хотя бы временную победу аристократической реакции, все время на Берлин озирающейся»¹⁴.

Спустя четыре дня, 23 июня (6 июля), Неклюдов снова упомянул Барселону: он писал о том, что волнение в армии, вероятно, скоро уляжется, но «единственным очень тревожным пунктом представляется Барселона, где ежедневно могут вспыхнуть беспорядки и среди населения, и среди гарнизона»¹⁵.

В своих оценках событий Неклюдов во многом был прав, хотя вряд ли он хорошо разбирался в обстановке, учитывая тот факт, что приехал в страну совсем недавно. Скорее всего, в этом ему помогли Соловьев и своими донесениями генеральный консул в Барселоне А. А. Гагарин.

Князь Александр Александрович Гагарин был назначен генеральным консулом Российской империи в Барселоне 10 марта 1914 г.¹⁶ По долгу службы он направлял свои донесения в российское посольство в Мадриде. После прекращения российско-испанских дипломатических отношений бумаги, хранившиеся в посольском архиве, затерялись, и их местонахождение неизвестно до сих пор. Лишь несколько донесений Гагарина все-таки попали в АВПРИ. В августе 1917 г. сам Гагарин направил в Петроград, в Правовой департамент МИД копии своих донесений послу в Мадриде, «касающиеся революционной вспышки в Барселоне»¹⁷. Копию еще одного донесения Гагарина о Парламентской ассамблее в Барселоне отправил в Петроград посол Неклюдов на имя товарища министра иностранных дел А. А. Нератова, благодаря чему это донесение сохранилось в АВПРИ¹⁸.

А. А. Гагарин анализировал кризис 1917 г. более подробно, упоминая многочисленные детали, а главное — он писал с искренним желанием разобраться, что и почему произошло в Барселоне. Кроме того, его описание событий говорит о литературном таланте и, в отличие от кратких телеграмм, поступавших в Россию из посольства, как бы вовлекает читателя в атмосферу того времени и делает его очевидцем происходящего. Например, о начале всеобщей забастовки в Барселоне Гагарин писал так: «Вчера утром еще нормальная жизнь, казалось, не должна была быть нарушена ничем, и жители Барселоны обратились к обычным своим занятиям, когда около полудня стало известно, что со стороны порта, в той части города, где проходят пути северной железной дороги, было столкновение рабочих с полицией и что жертвами этого столкновения были двое полицейских, которые были убиты. О жертвах среди рабочих не говорили, и мне не удалось узнать, были ли они, или нет»¹⁹.

Также донесения Гагарина не лишены лирических отступлений и размышлений: «Но отличительная черта эпохи, которую мы переживаем, именно состоит в том, что рациональные факторы, которые должны были бы руководить поведением масс и отдельных личностей, совершенно остаются в стороне, и безрассудные или ложно направленные политические страсти и социальные вожеления составляют исключительно те причины, в которых следует искать объяснение настоящих событий»²⁰.

Причины и характер испанского кризиса хотели понять и в Петрограде. 16 июня 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко отправил Соловьеву следующую телеграмму: «В настоящее время в Испании назревают и отчасти уже совершаются события первостепенной политической важности. Между тем осведомление наше о них весьма скудно. В Ваших телеграммах отмечаются лишь фактические данные, известные также из газет, и краткие соображения об оных, лишенные внутренней связи и не дающие понять общую картину и причины движения. Нам совершенно не известна, например, связь, существующая между волнением в войсках и общим движением в стране, насколько их стремления совпадают или расходятся, какова ориентация военных в вопросах внешней политики. Сравнительная сила сторонников и противников движения. Существует ли полная солидарность между офицерскими и солдатскими союзами. Ожидаем от Вас обстоятельных данных и всестороннего освещения всех причин нынешнего кризиса, его значения и целей»²¹. Именно после этой инструкции российские дипломаты стали регулярно посылать в Петроград более подробные телеграммы о развитии кризиса 1917 г. До этого они в основном писали о внешней политике Испании, ее взаимоотношениях со странами Антанты и с Германией, смене правительств и т.д.

Российские дипломаты видели среди причин кризиса ухудшение материального положения значительной части населения, рост цен на продукты, «сепаратистские» стремления Каталонии, влияние немецких агентов и т.д. По поводу забастовки А. А. Гагарин даже высказал предположение, что само правительство ее спровоцировало, чтобы задушить еще слабое и неорганизованное революционное движение в зародыше.

Несмотря на то что движение «хунт защиты» было умиротворено уступками правительства, барселонская Парламентская ассамблея была распущена, а августовская всеобщая революционная забастовка подавлена силой, Соловьев смотрел на последствия кризиса достаточно пессимистично. Сообщая об отмене осадного положения в стране в донесении от 23 сентября (6 октября), он писал: «Испания находится накануне новых тяжелых испытаний»²². Его телеграмма от 10 (23) октября начиналась со слов: «Внутреннее положение в Испании продолжает быть весьма тревожным», а заканчивалась неутешительным

прогнозом: «Королю и кабинету Дато — а он вероятно останется еще некоторое время у власти — придется с большим трудом лавировать между Сциллой — военной диктатурой хунт и Харибдой — выступлением революционного пролетариата»²³.

Действительно, Испания столкнулась с острейшими трудностями нового этапа своего развития. Взрыв социального недовольства в 1917 г. отражал социально-экономические изменения, вызревавшие в недрах испанского общества. Крепнущее рабочее движение еще проявит себя в послевоенные годы. Среди военных распространилось убеждение, что единственным средством прекратить царящий в общественной жизни Испании хаос была военная диктатура. Внесистемные силы продолжали стремиться к политической власти, а режим в очередной раз проявил жесткость и неспособность к эволюции в сторону демократизации.

* * *

В АВПРИ мне удалось обнаружить несколько десятков российских документов, в которых освещаются события испанского кризиса 1917 г. В основном это телеграммы на русском языке (уже расшифрованные и напечатанные на машинке в Петрограде). Помимо телеграмм — ранее упомянутые копии машинописных донесений А. А. Гагарина из Барселоны.

Эти документы находятся в трех фондах АВПРИ:

1) Фонд 133. Канцелярия Министерства иностранных дел. Опись 470. 1917 г. Дело 32:

— телеграммы Соловьева и Неклюдова из Мадрида, освещающие все этапы кризиса 1917 г. Значительная часть этих телеграмм была опубликована в том же году правительством большевиков.

Публикация секретных дипломатических документов была поручена легендарному матросу-большевику Н. Г. Маркину, который был назначен секретарем наркома иностранных дел Л. Д. Троцкого 25 октября 1917 г. Маркин сразу же арестовал директора Канцелярии МИД Б. А. Татищева и, получив от него ключи от всех помещений здания на Певческом мосту, незамедлительно приступил к изданию дипло-

матических документов, «разоблачавших» деятельность МИД царской России и Временного правительства. С ноября 1917 г. по февраль 1918 г. он опубликовал семь сборников секретных документов. В первом выпуске издатели заявили: «Каждый документ есть предательство Народа. Каждый документ есть позорное клеймо угнетателям. Все на свет Божий! Все наружу!.. Каждый открытый документ есть острейшее оружие против буржуазии»²⁴. Многие опубликованные НКВД материалы действительно демонстрировали, насколько сильно судьбы целых народов зависели от закулисных решений узких «дворянско-буржуазно-бюрократических» кругов, зачастую действовавших исключительно ради собственной выгоды. Что касается телеграмм из Испании, то они были изданы по другим, но тоже политическим причинам. Часть этих документов (34 телеграммы) была опубликована под многообещающим заголовком «Испанская революция» в четвертом выпуске «Сборника секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел»²⁵. Хотя телеграммы из Мадрида публиковались без купюр и не подверглись редакции, НКВД не включил в сборник одну подходящую по содержанию телеграмму, в которой упоминалось о том, что в Испании, как и в России, Германия воздействует на крайних социалистов и анархистов путем доставления им денежных средств на пропаганду²⁶. Как бы то ни было, опубликованные в 1917 г. телеграммы российских послов об испанском кризисе до недавнего времени ни разу не использовались исследователями-историками.

2) Фонд 158. Экономический департамент. Опись 451. 1917 г. Дело 91:

— шесть донесений князя А. А. Гагарина о всеобщей забастовке (от 30 июля, 1, 3, 5, 8 и 10 августа).

3) Фонд 134. Архив «Война». Опись 473. 1917 г. Дело 208:

— донесение князя Гагарина о Парламентской ассамблее в Барселоне.

Стоит отметить, что телеграммы Соловьева и Неклюдова — это обычно небольшие документы, на полстраницы или страницу машинописного текста. В основном в них очень кратко излагаются основные происшествия и даются личные оценки событиям. Донесения Гагари-

на более объемные и подробные (от трех до пяти страниц, про Парламентскую ассамблею — 18 страниц текста).

Излагая основные события испанского кризиса 1917 г., российские дипломаты опирались на собственный опыт и наблюдения. В качестве источника информации они использовали также мнения других людей, передавали в Петроград смысл своих разговоров с испанскими политиками, обсуждения с коллегами: послами и консулами других стран. Так, Гагарин упоминает многочисленные беседы и обмен мнениями со своими коллегами в Барселоне, например с французским генеральным консулом²⁷. Иногда собеседники российских дипломатов оставались анонимными. Например, Неклюдов в одной из телеграмм ссылается на мнение неких «опытных людей»: «Мнение опытных людей, что если военный кризис благополучно разрешится, то и не будет политического кризиса»²⁸.

Кроме того, дипломаты часто использовали в качестве источника информации прессу, как испанскую, так и европейскую. В своих телеграммах они ссылаются на газеты, но практически не цитируют их.

В итоге российским дипломатам было свойственно несколько одностороннее видение событий, так как они описывали кризис, как бы наблюдая его со стороны, «из окон посольства». Разумеется, они не общались ни с «хунтистами», ни с депутатами Парламентской ассамблеи, ни уж тем более — с руководителями августовской революционной забастовки и бастовавшими рабочими. Тем не менее в их донесениях, вопреки их собственному социальному положению, чувствуются симпатии и сочувствие (особенно после разгрома забастовки) к испанскому народу и недовольство политикой центральной власти.

Использование только перечисленных источников информации привело к неточностям и ошибкам, встречающимся в телеграммах российских дипломатов. Эти неточности также возникали под влиянием многочисленных слухов. Например, Неклюдов телеграфировал из испанской столицы о том, что арестованный стачечный комитет возглавляла какая-то женщина по фамилии Альферец²⁹. Но таинственная сеньора Альферец не могла возглавлять Мадридский стачечный комитет, в действительности в него входили представители Испанской социалистической рабочей партии Хулиан Бестейро и Андрес Саборит, а также представители от Всеобщего союза трудящихся — Франсиско

Ларго Кабальеро и Даниэль Ангиано. Именно они были арестованы ночью 15 августа. Также была арестована левая социалистка Вирхиния Гонсалес, добровольно присоединившаяся к комитету и помогавшая в организационной работе³⁰. Забавно, но ошибочные сведения Неклюдова про сеньору Альферец перепечатала газета «Народное слово»³¹, имевшая связи в российском МИД.

Этот пример доказывает, что не следует переоценивать достоверность данной подборки документов как источника по истории испанского кризиса. Тем не менее обилие уникальной информации, а также оригинальное восприятие событий, свойственное иностранцу (обращать внимание на то, что может остаться незамеченным или показаться неинтересным для местного жителя), делает эти документы (особенно донесения князя А. А. Гагарина) интересным и заслуживающим внимания дополнительным свидетельством по истории кризиса 1917 г. в Испании, его своеобразной «летописью», написанной российскими дипломатами.

¹ Подробнее о кризисе 1917 г. в Испании см.: *Lacomba J. A. Ensayos sobre el siglo XX español*. Madrid, 1972; *Медников И. Ю.* Кризис 1917 года в Испании // *Испанский альманах*. Вып. 1: Власть, общество и личность в истории. М., 2008. С. 245–269; *Ларго Кабальеро Ф.* Революционная забастовка 1917 года // *Испанский альманах*. Вып. 2: История и современность. М., 2010. С. 312–327.

² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1917. Д. 32. Л. 25.

³ Там же. Ф. 159. Департамент личного состава и хозяйственных дел (далее — ДЛС и ХД). Оп. 713. 1914–1917. Д. 223. Л. 176.

⁴ *Соловьев Ю. Я.* 25 лет моей дипломатической службы (1893–1918). М., 1928.

⁵ *Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата, 1893–1922. М., 1959.

⁶ Подробнее о Ю. Я. Соловьеве и его мемуарах см.: *Медников И. Ю.* Воспоминания Ю. Я. Соловьева о дипломатической службе в Испании (1912–1918 гг.) // *Источниковедческие исследования*. Вып. 2. М., 2004. С. 89–116.

⁷ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1917. Д. 32. Л. 61.

⁸ Там же. Л. 84.

⁹ Там же. Л. 49, 53.

¹⁰ Там же. Л. 86, 88.

¹¹ Там же. Л. 90.

¹² *Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата... С. 293–294.

¹³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1917. Д. 32. Л. 136, 137.

¹⁴ Там же. Л. 89.

¹⁵ Там же. Л. 97.

¹⁶ Там же. Ф. 159. ДЛС и ХД. Оп. 713. 1914–1917. Д. 223. Л. 50 об.

«Жаркое лето» 1917 г. в Испании

¹⁷ Там же. Ф. 158. Экономический департамент (далее — ЭД). Оп. 451. 1917. Д. 91. Л. 1–34.

¹⁸ Там же. Ф. 134. Архив «Война». Оп. 473. 1917. Д. 208. Л. 50–68.

¹⁹ Там же. Ф. 158. ЭД. Оп. 451. 1917. Д. 91. Л. 6.

²⁰ Там же. Л. 5.

²¹ Там же. Ф. 134. Архив «Война». Оп. 473. 1917. Д. 208. Л. 38.

²² Там же. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1917. Д. 32. Л. 146.

²³ Там же. Л. 151, 152.

²⁴ Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. 2-е изд. Пг., 1917. № 1. С. 1.

²⁵ Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. Пг., 1917. № 4. С. 129–155.

²⁵ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1917. Д. 32. Л. 96.

²⁷ Там же. Ф. 158. ЭД. Оп. 451. 1917. Д. 91. Л. 3, 6.

²⁸ Там же. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1917. Д. 32. Л. 89.

²⁹ Там же. Л. 116.

³⁰ *Largo Caballero F.* Mis recuerdos: Cartas a un amigo. 2-a ed. México, 1976. P. 52–53.

³¹ Народное слово. 1917. 10 августа.

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

На рубеже XIX и XX столетий мировым сообществом были сделаны первые серьезные шаги на пути создания универсальной системы защиты как комбатантов, так и гражданского населения от бедствий и страданий, которые приносит любой вооруженный конфликт. В это время усилиями политиков, дипломатов и юристов из Европы и США мощный импульс к дальнейшему развитию получили две совсем молодые тогда отрасли международного права — гуманитарное право и право войны, восходящие к I Женевской конвенции 1864 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. В частности, постановления Гаагских конференций мира 1899 и 1907 гг. внесли существенный вклад в определение прав и обязанностей воюющих сторон в период боевых действий, а также ограничение их в выборе средств и методов нанесения ущерба противнику. Однако Первая мировая война, ставшая самым кровопролитным и разрушительным конфликтом за всю предшествующую историю, спровоцировала появление новых гуманитарных проблем, решить которые посредством сложившейся к 1914 г. наднациональной системы защиты прав человека оказалось невозможно.

Наибольшие сложности, по свидетельству многих современников и участников тех трагических событий, вызвало решение так называемого беженского вопроса, приобретшего невиданные доселе масштабы. Вооруженная борьба между государствами Антанты и Четверного союза, а также происходившие на их фоне революционные события и изменение государственных границ создали предпосылки для появления в ходе мирового конфликта и в первые послевоенные годы нескольких миллионов беженцев, многих из которых в дальнейшем ждала печальная судьба. Так, например, уже в 1914 г. места своего постоянного жительства пришлось покинуть десяткам тысяч бельгийцев

и французов, спасавшихся от немецких войск. Правда, многие из них сознавали, что это временно, и не стремились навсегда обосноваться за границей. Но было много и других беженцев, вырванных из своей привычной среды и не имевших возможности в обозримом будущем вернуться на родину — они остро нуждались в политико-дипломатической и финансовой поддержке международного сообщества. К числу последних относились, в первую очередь, сотни тысяч армян из Малой Азии, подвергшихся жестким репрессиям со стороны турецких властей, а также 1,5–2 млн бывших российских подданных, бежавших в конце 1910-х — начале 1920-х годов на чужбину от революции и Гражданской войны. Как отмечает известный отечественный исследователь И. В. Сабенникова, «их трудности и страдания не компенсировались достижениями в области международного права»¹. Вот почему в первые послевоенные годы помощь армянским и русским беженцам стала одним из важнейших направлений в деятельности созданной державами-победительницами Лиги Наций. При этом международное сообщество, занимаясь судьбой уцелевших в массовой резне и депортации уроженцев Западной Армении (армян из бывшей Османской империи), а также лиц, которые после 1917 г. по политическим причинам покинули Россию, должно было учитывать национальную специфику и особенности каждой из вышеназванных категорий беженцев, что нередко снижало эффективность его усилий.

Так, решение «армянского вопроса», который в 1920 г. министр иностранных дел Великобритании лорд Дж. Керзон назвал «одним из величайших скандалов мира», с самого начала затруднялось несколькими обстоятельствами. Прежде всего, Лига Наций и другие международные организации не могли игнорировать того факта, что в результате преследований турецких властей в военный период погибло, по некоторым оценкам, около $\frac{2}{3}$ всех проживавших в Османской империи армян. Мировые державы оказались не в состоянии предотвратить эту трагедию, охарактеризованную впоследствии многими отечественными и зарубежными исследователями как первый случай геноцида в современной истории. Как известно, еще в конце XIX — в самом начале XX в., в период правления султана Абдул Хамида, а позднее при режиме младотурок по различным частям данной державы прокатилась волна погромов, вынудивших тогда около миллиона армян искать прибежища

в других странах². Однако именно война 1914–1918 гг. стала для Порты наиболее подходящим моментом, «чтобы окончательно расправиться с внутренними врагами (местными христианами), не будучи отвлекаемой при этом дипломатическим вмешательством из-за границы»³. По словам видного немецкого исследователя этих трагических событий Т. Хофманн, подготовленный министерством внутренних дел Турции проект масштабных карательных операций против населения Западной Армении предусматривал, «что ни один армянин не должен остаться в живых после депортации. Иными словами, те, кого не убивали на месте, должны были погибнуть во время или в конце депортационных маршей от голода, жажды или эпидемий»⁴. В связи с этим не вызывает удивления тот факт, что в ходе Мировой войны, по самым скромным оценкам, которые впервые озвучил в 1919 г. в своей книге германский гуманист и общественный деятель И. Лепсиус, из 1 845 450 армян, населявших Османскую империю, по приказу турецких властей было убито и депортировано в общей сложности 1 396 350 человек. Численность армянских беженцев составляла 244 400 человек⁵.

Разумеется, приведенные И. Лепсиусом оценки масштабов армянской трагедии весьма приблизительны, ибо определить точное количество погибших и изгнанных из родных мест армян в условиях военного времени не представлялось возможным. Как замечал советский армянский историк Дж. С. Киракосян, подсчет жертв турецких карателей с самого начала осложнялся не только отсутствием статистического учета как такового, но еще и тем обстоятельством, что, «говоря о злодеяниях, совершенных в том или ином городе, районе, исследователи не имели возможности выяснить численность самого населения, количество высланных и убитых»⁶. И все же, несмотря на трудности получения достоверной информации, факт массового уничтожения и депортации армян в годы Первой мировой войны, подтверждаемый многочисленными источниками, является неоспоримым.

Естественно, что бесчеловечное обращение турецких властей с армянами не могло не вызвать возмущения как в Старом, так и в Новом Свете. В защиту жертв насилия выступили известные французские писатели А. Франс и Р. Роллан, выдающийся норвежский полярный исследователь Ф. Нансен, видный английский историк и юрист, инициатор создания Англо-армянского общества Дж. Брайс, американский

ученый и публицист Г. Дж. Гиббонс и многие другие авторитетные представители мировой науки и культуры. А такие общественные деятели, как уже упоминавшийся выше пастор И. Лепсиус, основавший в 1914 г. Немецко-армянское общество, и его соотечественник — писатель А. Т. Вегнер, работавший во время войны в германской санитарной миссии в Турции, будучи непосредственными свидетелями массового избиения армян в Османской империи, прямо указывали на необходимость немедленного вмешательства великих держав в судьбу этого народа. Помимо публикации книг и организации фотовыставок, обличавших злодеяния турецких властей, А. Т. Вегнер направил несколько посланий президенту США В. Вильсону и правительствам ведущих европейских государств, в которых критиковалось их фактическое бездействие в «армянском вопросе» и в то же время содержался призыв к давлению на Порту для скорейшего прекращения антиармянского террора.

Впрочем, этому человеку так и не удалось побудить «сильных мира сего» из Европы и Америки к каким-либо действенным мерам, направленным на защиту армян Османской империи. Правительства Центральных держав фактически поддержали карательные операции турецких властей в отношении жителей Западной Армении, объясняя их «военными соображениями» и заявляя о том, что они якобы «отвечают цели укрепления внутреннего положения в Турции и защиты ее от предпринимаемых восстаний»⁷. В германских и австрийских официальных документах бесчинства в отношении беззащитного армянского населения в 1915—1918 гг. уклончиво именовались «дислокацией» (перемещением)⁸. Между тем представители дипломатического корпуса государств Четверного союза в Османской империи, а также отдельные немецкие и австрийские журналисты, работавшие в годы войны на Ближнем Востоке, обращали внимание на антигуманный и крайне жестокий характер политики Порты по отношению к местным армянам. «Армянское население, которое изгоняется со своих земель, не только подвергается величайшим страданиям, но также и полному уничтожению»⁹, — докладывал, например, в Вену в конце июня 1915 г. австро-венгерский посол в Константинополе маркиз И. Паллавичини. Однако изменить официальную позицию собственного правительства в «армянском вопросе» ни ему, ни его германскому коллеге Г. Вангенгейму все же не удалось.

В свою очередь, державы Антанты и вступившие в войну в апреле 1917 г. США с самого начала демонстрировали большую обеспокоенность судьбой армянского народа на территории Турции. Русские, британские, французские и американские дипломаты, служившие в тот период в Северной Африке и на Ближнем Востоке, воочию наблюдали мучения местных армян. Они стремились подробно информировать свое руководство о всех случаях бесчеловечного обращения с последними, не скрывая собственного возмущения. «Жестокости, совершаемые над армянами Сирии и соседних с нею провинций, достигают невероятных размеров, — сообщал, например, в июне 1915 г. главе МИД России С. Д. Сазонову русский посланник в Каире А. А. Смирнов. — Грабежи, насилия, резня и нередко поголовное избиение населения целых армянских деревень повторяются постоянно; семейства разделяются безжалостно; жен отрывают от мужей, детей от родителей, и всех отправляют в ссылку в различные стороны. Особенно жестоко преследуется армянское духовенство: священников мучают, пытают, вырывают их ногти...»¹⁰ В то же время американский посол в Османской империи Г. Моргентау в своих посланиях госсекретарю Р. Лансингу неоднократно отмечал, что произвольные аресты, страшные пытки, массовые выселения армян приобрели в годы войны «беспрецедентные масштабы». «Эти действия, — писал он, — не являются ответом на требование ответственности либо фанатиков, они чисто произвольны и направляются из Константинополя во имя военной необходимости, часто в округах, где никакие военные действия, вероятно, и не будут иметь место»¹¹.

Кроме того, «армянский вопрос» был предметом постоянного обсуждения на заседаниях парламентов и правительств держав Антанты и США, которые единодушно осуждали антигуманную политику Порты в отношении христианского населения Западной Армении. Так, 24 мая 1915 г. Россия, Великобритания и Франция обнародовали совместную декларацию, объявлявшую карательные действия османских властей в отношении армян «преступлениями против человечества и цивилизации» и возлагавшую «личную ответственность за эти преступления на всех членов турецкого правительства, а также на тех его местных представителей, которые окажутся причастными к подобной резне»¹². Вместе с тем союзники неоднократно заявляли о своем твердом намерении содействовать созданию в недалеком будущем армян-

ского «национального очага». Однако эти обещания остались невыполненными. За исключением России, войска которой в 1915 — начале 1918 г. занимали значительную часть Западной Армении (что обеспечило населению безопасность), никто из союзных держав в период боевых действий реальной помощи жертвам антиармянского террора не оказал. Фактическое бездействие западных держав продолжалось даже после формального завершения Первой мировой войны. В частности, союзники не предприняли решительных действий для предотвращения новой волны армянских погромов, устроенных иттихадистами («младотурками») в сирийском г. Алеппо в конце февраля 1919 г. (через несколько месяцев после заключения Мудросского перемирия) в присутствии оккупационных властей. А год спустя расквартированные тогда в Киликии французские войска фактически позволили кемалистам учинить расправу над 30 тыс. армян, формально находившихся под их защитой.

Более того, державы-победительницы практически сразу же отказались от собственных планов по претворению в жизнь положений Севрского мирного договора, заключенного ими с турецким правительством в августе 1920 г. и признававшего Армению как свободное, независимое и суверенное государство. Земли, отводившиеся по этому документу под создание армянского национального государства, в итоге так и остались под контролем турок. По словам Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев Ф. Нансена, союзники тогда «не сделали ни единого шага по выполнению принятых новых решений, который бы обеспечил армянам возврат территории, отданной на бумаге»¹³. Их «странное равнодушие» в данном вопросе побудило турок во главе с М. Кемалем к открытой вооруженной агрессии против созданной на территории бывшего русского Закавказья Армянской Республики.

Неудивительно, что в межвоенный период у многих представителей мировой общественности сформировался своеобразный комплекс вины перед армянским народом, который, не являясь официальной воюющей стороной в конфликте 1914–1918 гг., понес колоссальные потери и был частично изгнан из родных мест. То, что когда-то обещали армянам, но не выполнили великие державы, начиная с 1920-х годов пыталась реализовать на практике Лига Наций, возложившая на себя основные заботы о сотнях тысяч беженцев из Западной Армении.

В первые послевоенные годы представители всемирной организации безопасности изучали возможность создания армянами собственного государственного образования на территории Малой Азии, которое получило бы признание других государств, включая кемалистскую Турцию. Так, в частности, в резолюции, принятой III Ассамблеей Лиги Наций в сентябре 1922 г., содержалась рекомендация о том, чтобы на проходивших тогда мирных переговорах с Турецкой Республикой «необходимость предоставления армянам Национального очага не была упущена»¹⁴. Однако, к сожалению, это положение так и осталось невыполненным. В процессе переговоров с державами Антанты кемалисты категорически отвергли все их требования о предоставлении армянскому народу возможности создать на части территории Турции свой «национальный очаг» даже под строгим контролем самих турок. Вследствие этого в тексте заключенного в июле 1923 г. нового, Лозаннского, мирного договора между союзниками и Турецким государством вопрос о дальнейшей судьбе армян вообще не затрагивался.

Не имея возможности повлиять на позицию кемалистского правительства относительно будущего Западной Армении и принимая во внимание стремление ведущих европейских держав к сохранению мира с Турцией, после 1923 г. Лиге Наций пришлось сосредоточиться прежде всего на правовой и материальной поддержке армянских беженцев в различных регионах земного шара, а также на организации совместно с Международным бюро труда переселения части из них в страны, которые были тогда согласны их принять. Впрочем, вопрос об обретении армянами собственной государственности формально не был исключен из повестки дня этой организации. В частности, 25 сентября 1924 г. очередная Ассамблея Лиги Наций приняла резолюцию, подчеркивавшую, что, «пока не будет создан Армянский национальный очаг, беженцам должны быть предоставлены любые возможности, чтобы помочь им заняться полезным трудом в других странах с тем, чтобы сохранить и обеспечить свое национальное существование»¹⁵.

* * *

Другое важное направление в деятельности Лиги Наций в 1920-х годах было связано с оказанием различных форм помощи большому количеству русских беженцев, поток которых хлынул в Европу на завер-

шающем этапе мирового конфликта. Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война в России спровоцировали возникновение такого своеобразного в истории XX в. явления, как русская постреволюционная эмиграция. Впоследствии историки назвали его «самым большим переселением людей по политическим причинам в новое время»¹⁶. Его возникновение не было связано с межнациональными конфликтами (как в случае с армянскими беженцами). На рубеже 1910–1920-х годов международное сообщество причисляло к русским эмигрантам всех выходцев с территории бывшей Российской империи, не принявших советскую власть, но и не ставших гражданами образованных на ее месте новых государств. Причем следует отметить, что к «беженцам» из России причисляли не только оказавшихся на чужбине идейных противников советского режима и участников так называемого Белого движения, но и представителей других категорий наших соотечественников, включая, например, значительное число бывших русских военнопленных, которые либо не имели возможности, либо не пожелали вернуться на родину после войны¹⁷.

С учетом этих обстоятельств оценить истинные масштабы эмиграции из России в указанный период фактически не представляется возможным. По словам современного отечественного исследователя В. В. Костикова, ни большевики, ни их политические оппоненты не могли назвать точное количество покинувших страну людей, «ибо сразу по окончании Гражданской войны весьма сложно было определить, кто погиб в Белой армии, кто ушел в эмиграцию, кто остался в России, переменяв имя и фамилию, что в то время было сделать несложно»¹⁸. Так, например, согласно различным советским источникам, масштабы русской эмиграции колебались в пределах 1,5–2 млн человек¹⁹. В свою очередь, руководители Белого движения, желая убедить европейских политиков в значимости эмигрантов, «оценивали их численность в три и даже три с половиной миллиона»²⁰. Между тем, по данным Лиги Наций, указанным в отчете данной организации за 1926 г., во всем мире насчитывалось 1–1,5 млн русских беженцев²¹.

Кроме того, серьезной проблемой для представителей русской эмиграции в первые послевоенные годы стало практически полное отсутствие у них каких-либо социальных и экономических прав в странах, где их согласились приютить. Удостоверения личности, с которы-

ми беженцы покидали Россию, включая паспорта подданных бывшей Российской империи и различные идентификационные документы времен Гражданской войны, власти иностранных государств чаще всего считали недействительными. Вследствие этого правовой статус людей оставался неопределенным. Более того, многие русские эмигранты, не имея возможности легально устроиться на работу, были вынуждены владеть нищенское существование, при этом правительства держав Антанты фактически самоустранились от участия в их судьбе. Как отмечал известный отечественный историк-турколог Ю. А. Петросян, изучавший условия жизни солдат и офицеров врангелевской армии на территории Турции в начале 1920-х годов, «были даже случаи, когда французские оккупационные власти конфисковывали русское имущество на прибывших (в Стамбул. — *Н. В.*) судах, оставляя русских военных без обуви и теплой одежды»²².

На рубеже второго и третьего десятилетий прошлого века основную помощь беженцы из России получали прежде всего по линии Международного комитета Красного Креста (МККК) и национальных обществ Красного Креста²³. Однако эти организации не могли удовлетворить все чаяния многочисленной русской эмиграции, нуждавшейся не только в материальной поддержке, но и в правовой защите со стороны международного сообщества. В 1921 г. руководство МККК предложило Лиге Наций назначить своего Комиссара для координации общих усилий различных гуманитарных учреждений по решению наиболее острых проблем беженцев из России и их «собратьев по несчастью» из других стран. В июне того же года Совет первой в истории международной организации безопасности принял соответствующее постановление. При этом было оговорено, что сами представители беженской диаспоры не имеют права занимать какие-либо посты в аппарате Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев, участие которого в решении их проблем должно носить беспристрастный характер.

После некоторых колебаний Совет Лиги Наций назначил на эту должность первого представителя Норвегии в организации Ф. Нансена, обладавшего большим личным авторитетом в мире и имевшего богатый опыт возвращения военнопленных на родину²⁴, а также оказания эффективной помощи жертвам массового голода²⁵. Это собы-

тие создало первые формальные условия для определения правового статуса отдельных категорий беженцев. В июле 1922 г. по инициативе Ф. Нансена в Женеве была созвана межправительственная конференция, участники которой приняли решение о выдаче русским беженцам специальных удостоверений личности — так называемых нансеновских паспортов. Они выполняли функцию как идентификационных, так и проездных документов для русских эмигрантов, предоставляя им право относительно свободного перемещения по территории различных государств, кроме Советской России²⁶. При этом обладатели нансеновских паспортов могли пользоваться консульской защитой со стороны Лиги Наций.

Вместе с тем эти удостоверения личности, признанные в межвоенный период 52 государствами, давали русским беженцам право постоянного проживания в приютивших их странах и возможность легального трудоустройства. Благодаря этому правовое и материальное положение большинства эмигрантов постепенно улучшалось. Но они по-прежнему не могли пользоваться всеми политическими, социальными и экономическими правами, которые отдельные государства гарантировали своим гражданам²⁷.

В 1924 г. по предложению Ф. Нансена Лига Наций начала выдачу таких же удостоверений личности беженцам из Западной Армении, составлявшим тогда, наряду с русскими эмигрантами, самую многочисленную категорию апатридов в Европе. А несколько позднее правом на получение нансеновских паспортов были наделены также и другие представители беженской диаспоры в мире, включая турецких и ассирийских беженцев.

Кроме того, во второй половине 1920-х годов в рамках международно-правовых актов, регламентировавших статус лиц без гражданства, впервые было определено само понятие «беженец». По решению межправительственной конференции, организованной в Женеве по инициативе Лиги Наций и лично Ф. Нансена в 1926 г., круг выходцев из России, имевших право на получение нансеновского паспорта, значительно расширился. Отныне подобное удостоверение личности могло быть выдано всякому «лицу русского происхождения, которое не пользовалось защитой правительства Советского Союза и не имело какого-либо иного гражданства»²⁸.

Наконец, в 1933 г., через три года после смерти Ф. Нансена, была принята Конвенция о международном статусе беженцев — первый документ универсального характера, в котором содержался запрет на принудительное возвращение беженцев в страну их происхождения. Эта конвенция объединила предыдущие соглашения и закрепила права беженцев в таких областях, как занятость, жилище, образование, социальное обеспечение, свобода передвижения и т.д.

Конвенцию 1933 г. ратифицировали всего лишь восемь государств, что существенно ослабляло ее действенность. Однако это обстоятельство не помешало документу стать моделью для большинства будущих международных соглашений подобного рода, включая Конвенцию о статусе беженцев, принятую ООН в 1951 г.

* * *

Наконец, говоря о влиянии конфликта 1914–1918 гг. на развитие международной системы прав человека, нельзя не отметить важные достижения, которых мировое сообщество добилось в сфере общей гуманизации способов ведения войны. Памятуя о страшных последствиях применения воюющими державами различных отравляющих веществ, межвоенное поколение политиков и юристов пришло к пониманию необходимости полного запрета на применение комбатантами любых форм химического оружия²⁹. Также была признана важность защиты военнопленных, права которых, как показал опыт Первой мировой войны, часто нарушались. Несмотря на существование в начале XX в. нескольких правовых актов универсального характера, затрагивавших отдельные аспекты обращения с пленными солдатами и офицерами³⁰, статус этой категории людей не был еще достаточно четко определен. Ни в одной из действовавших тогда международных конвенций не закреплялось юридическое понятие «военнопленный». При этом отсутствовал общепризнанный перечень прав и обязанностей лиц, находящихся в плену, вследствие чего последние не были защищены от жестокого обращения.

Первыми о существовании серьезных недостатков в области соблюдения прав военнопленных в ходе Первой мировой войны заговорили представители МККК, на который в 1914–1918 гг. легла основная забота об улучшении условий содержания миллионов пленных. Уже

в августе 1914 г. эта организация создала в Женеве Центральное агентство по розыску (ЦАР), занимавшееся сбором информации о попавших в плен военнослужащих государств Антанты и Четверного союза и обеспечивавшее их регулярной почтовой связью с родными и близкими (доставка писем и посылок). За четыре года боевых действий это агентство поставило на учет порядка 7 млн военнопленных, что составляло более 80% их численности³¹. К тому же благодаря ЦАР в военный период удалось выяснить судьбу нескольких сотен тысяч без вести пропавших солдат и офицеров.

Сотрудники МККК и национальных обществ Красного Креста имели возможность регулярно посещать лагеря военнопленных и наблюдать за условиями содержания узников и оказания им необходимой медицинской помощи. В 1914–1918 гг. деятельностью неправительственных гуманитарных организаций было охвачено большинство таких лагерей, существовавших на территории Германии, Франции, Марокко, Ближнего Востока и России. Вследствие этого быт и общее положение содержащихся в них людей значительно улучшились. Причем личное заступничество отдельных представителей Красного Креста за военнопленных нередко было для тех единственной возможностью сохранить жизнь. «Отношение часовых и администрации лагеря к пленным в начале было очень жестокое (привязывание к столбу, битье палками, частые штыковые ранения, подвешивания), — вспоминал, например, в этой связи русский военный врач А. Н. Бузников, проведенный почти полтора года в германском плену. — После объезда лагерей русскими сестрами [милосердия] отношение к пленным улучшилось, подвешивания и привязывания прекратились, случаи побоев стали реже, а на наши письменные заявления, подаваемые каждый раз по осмотре побитых и раненых, стали обращать внимание и даже было два случая, когда по разборе наших заявлений немецкие часовые были посажены под арест»³².

Масштабная деятельность МККК по оказанию помощи жертвам боевых действий, в том числе и военнопленным, удостоилась высокой оценки международного сообщества еще задолго до окончания войны. В 1917 г. этой неправительственной организации была присуждена Нобелевская премия мира — единственная за всю войну. Столь значительное событие, без сомнения, отражало огромные заслуги МККК

в решении гуманитарных проблем военного времени. Однако следует все же признать, что ее возможности в деле оказания помощи военнопленным были серьезно ограничены. В частности, далеко не все из 8 млн военнопленных могли регулярно пользоваться помощью, предоставлявшейся тогда по линии МККК и национальных обществ Красного Креста в различных странах, поскольку военная администрация отдельных лагерей нередко не пускала их делегатов на свою территорию. Это касалось прежде всего солдат и офицеров русской армии, составлявших наиболее многочисленную группу в общей массе военнопленных. Они содержались в более суровых условиях, чем пленные других стран. Как следует из многих документальных источников, сотрудников МККК и Российского общества Красного Креста к этим людям допускали реже, чем к их «собратьям по несчастью» из Франции и Великобритании. Отношение к ним со стороны администрации многих германских и австрийских лагерей для военнопленных отличалось высокомерием, грубостью и неоправданной жестокостью. «Вообще труд пленных используется немцами удивительным способом — отмечал в своих воспоминаниях русский военный врач и бывший военнопленный К. Кардо-Сысоев. — Но другое дело, если бы это делалось сколько-нибудь закономерным образом, а не с преступным нарушением основных законов в этой области, с насильственным отправлением на работы по обороне и с бесконечным калечением в шахтах и других подобных работах при зверском обращении и голодовке. Туберкулез среди пленных распространяется ужасно и уносит, при невозможных условиях существования пленных, колоссальное число жертв. А немецкие врачи еще имеют наглость заявлять, что все русские удивительно анемичны и чахлы от сплошных голодовок на родине и набрасываются с волчьей жадностью на немецкую хорошую, питательную пищу. Лечение больных, в сущности говоря, нет никакого, — лекарств не дают и морят голодом. Страшно отягчает всю жизнь в плену незнание нашими пленными немецкого языка. Немцы же не желают с этим считаться. Сколько было убито несчастных, не понимающих приказаний»³³.

Кроме того, вопреки всем существовавшим тогда нормам и традициям гуманного обращения с попавшими в плен, германское командование считало возможным использовать труд русских военнопленных непосредственно в зоне боев своей армии с англо-французскими

войсками на Западном фронте. Так, в частности, их принуждали рыть окопы для немецких солдат под массированными бомбардировками и обстрелами со стороны западных союзников России. Это было грубейшим нарушением обычаев войны и вызывало справедливое возмущение властей Антанты, поскольку, по свидетельству очевидцев, многие русские узники лагерей для военнопленных погибали под обстрелом. По словам К. Кардо-Сысоева, в середине 1916 г. администрация Вормского лагеря, где он содержался, под «угрозой французов» вернула часть русских пленных с трудовых работ, организованных при ее участии непосредственно в зоне боевых действий³⁴.

Следует особо отметить многочисленные страдания, выпавшие на долю попавших в плен армейских врачей из России. Женевская конвенция 1864 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях предусматривала нейтральный статус представителей санитарной службы, находившихся в районе боевых действий, и запрещала участникам вооруженного конфликта захватывать их в плен. Тем не менее в 1914–1918 гг. данное положение нередко нарушалось. Пленных врачей и младший медицинский персонал использовали для оказания профессиональной помощи своим же собственным соотечественникам на чужбине. И поскольку быт и условия труда этих людей в неволе, как правило, соответствовали общему режиму содержания военнопленных-соотечественников, в годы войны именно русские военные медики подвергались наибольшему лишению и страданиям в неволе.

Более того, германское и австрийское командование упорно отказывалось идти навстречу требованиям российской стороны о выполнении Женевской конвенции 1864 г., предусматривавшей немедленное возвращение на родину всех плененных военных врачей. Между тем аналогичные требования французских и британских властей в отношении их собственных военных медиков были практически полностью выполнены немцами еще на начальном этапе Первой мировой войны³⁵.

Усилия, предпринятые в межвоенный период по совершенствованию системы защиты прав военнопленных, представляются вполне оправданными. Их наиболее важным результатом стало заключение 27 июня 1929 г. в Женеве двух международных конвенций — «Об обращении с военнопленными» и «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях», участниками которых в то время стали

47 государств. В первой содержалось юридическое понятие «военнопленный», уточнялись санитарно-гигиенические нормы содержания в плену, подтверждались старые, а также закреплялись новые права военнопленных, включая их право на необходимую медицинскую помощь, на работу и отдых с учетом трудового законодательства, право на сохранение бывшего воинского статуса и на информацию. Кроме того, конвенция запрещала применение репрессивных мер против военнопленных. И, что самое важное, в соответствии с ее положениями учреждалась специальная система контроля над выполнением этих условий со стороны так называемых держав-покровительниц из числа нейтральных государств, бравших на себя функции представителей одного из участников конфликта в стане другого. Такими же полномочиями наделялись и делегаты МККК.

Одновременно конвенция комплексно решала вопросы, связанные с окончанием пленения, досрочным освобождением и возвращением военнопленных на родину. В ней содержалось положение о создании в одном из нейтральных государств постоянно действовавшего Центрального агентства осведомления военнопленных, в обязанность которому вменялся сбор полной и достоверной информации о их судьбе.

Главным достоинством второго международного документа, принятого летом 1929 г. в Женеве, являлось упразднение абсурдного положения о вступлении в силу конвенции «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» только при условии ее ратификации обеими воюющими сторонами. В нем также говорилось о недопустимости захвата в плен представителей военно-медицинской службы и указывалось на необходимость их немедленного возвращения, правда, «если только специальным соглашением не оговорено иначе».

Разработанные вскоре после окончания Первой мировой войны международно-правовые акты «Об обращении с военнопленными» и «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» имели огромное значение в ходе трагических событий 1939–1945 гг. Благодаря им в период Второй мировой войны обращение с миллионами пленных было гораздо более гуманным, чем в 1914–1918 гг. Уровень смертности во многих лагерях, где соблюдалась Женевская конвенция, не превышал естественных показателей.

Разумеется, не стоит забывать о том, что далеко не все жертвы войны в 1939–1945 гг. могли воспользоваться правами и международной защитой, о которых говорилось в этих документах. В частности, граждане стран, не присоединившихся к Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными»³⁶, особенно советские военнослужащие, содержались в плену в крайне тяжелых условиях и не получали поддержки со стороны МККК. Гражданское население и отдельные категории участников боевых действий (например, партизаны) также не попадали под ее действие. Однако, несмотря ни на что, следует признать, что после окончания Первой мировой войны международное сообщество смогло все же найти ответы на некоторые жизненно важные вопросы в гуманитарной сфере, которые поставили перед ним трагические события 1914–1918 гг.

¹ *Сабенникова И. В.* Российская эмиграция (1917–1939): Сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002. С. 26.

² Так, по данным, упоминающимся в исследовании И. В. Сабенниковой, к 1914 г. 750 тыс. выходцев из Западной Армении эмигрировали на Кавказ и в Россию, 120 тыс. — в Египет, Европу и Индию, 130 тыс. — в Америку.

³ Эти слова тогдашнего министра внутренних дел Турции М. Талаат-паши германский посол в Константинополе Г. Вангенгейм в июне 1915 г. процитировал в одном из своих донесений рейхсканцлеру Т. Бетману-Гольвегу. См.: Геноцид армян в Османской империи: Сб. документов и материалов. Ереван, 1983. С. 290.

⁴ Судебный процесс Талаат-паши. Стенографический отчет / Пер. с нем. М., 1992. С. 5.

⁵ См. подробнее: *Lepsius J.* Deutschland und Armenien 1914–1918. Sammlung diplomatischer Aktenstücke. Potsdam, 1919.

⁶ *Киракосян Дж. С.* Западная Армения в годы Первой мировой войны. Ереван, 1971. С. 365.

⁷ Из меморандума германского правительства турецким властям от 4 июля 1915 г. // Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества: Документы и комментарий: В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 243.

⁸ При этом пресса обеих держав, с учетом изложенной выше позиции правящих кругов в Берлине и Вене, замалчивала правду о трагических событиях в Османской империи, представляя положение армян на Ближнем Востоке в крайне искаженном свете.

⁹ Из донесения посла Австро-Венгрии Паллавичини в Османской империи от 27 июня 1915 г. // Там же. С. 241.

¹⁰ Из депеши русского посланника в Каире Смирнова министру иностранных дел С. Д. Сазонову от 25 июня 1915 г. // Там же. С. 240–241.

¹¹ Из телеграммы посла США в Османской империи Г. Моргентау государственному секретарю Р. Лансингу от 10 июля 1915 г. // Там же. С. 244–245.

¹² Из Декларации правительств России, Великобритании и Франции о квалификации действий турецкого правительства в отношении армян как «преступления против человечества» и уголовной ответственности его организаторов и исполнителей от 24 мая 1915 г. // Там же. С. 239.

¹³ *Нансен Ф.* Армения и Ближний Восток / Пер. с фр. М., 1994. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sarinfo.org/lib/pdf/0002.pdf> (дата обращения: 08.06.2014).

¹⁴ The Records of the Third Assembly Plenary meetings. Vol. II. Annexes: Reports of the Work of the Council and Reports Adopted by the Assembly. Geneva, 1922. P. 148.

¹⁵ Из резолюции Ассамблеи Лиги Наций от 25 сентября 1924 г. // Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества: Документы и комментарий. Т. 1. С. 665.

¹⁶ *Сабенникова И. В.* Указ. соч. С. 43.

¹⁷ По словам Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев Ф. Нансена, в момент заключения Версальского мирного договора в Европе оставалось 200–300 тыс. русских военнопленных, о судьбе которых представители держав-победительниц «забыли или сделали вид, что забыли позаботиться». Цит. по: *Нансен Ф.* Россия и мир. М.; Пг., 1923. С. 21.

¹⁸ *Костиков В. В.* Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М., 1990. 36.

¹⁹ Такие данные были приведены в докладе В. И. Ленина, сделанном на III Конгрессе Коминтерна 5 июля 1921 г.

²⁰ *Суомелла Ю.* Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах европейской прессы в 1918–1940 гг. / Пер. с финск. СПб., 2004. С. 38.

²¹ Там же.

²² *Петросян Ю. А.* Русские на берегах Босфора: Исторические очерки. СПб., 1998. С. 169.

²³ Заметную роль в поддержке наших соотечественников на чужбине сыграли тогда шведское и датское отделения Красного Креста, оказавшие в 1919 г. помощь сотням тысяч русских беженцев и бывших военнопленных.

²⁴ В 1920 г. Ф. Нансен по поручению Лиги Наций занимался решением вопроса о репатриации большого количества германских и австрийских военнопленных из Советской России. Благодаря его личным усилиям почти полмиллиона пленных в короткие сроки смогли вернуться на родину.

²⁵ В 1921–1923 гг. Ф. Нансен, помимо исполнения обязанностей Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев, возглавлял также международную программу по оказанию материальной помощи голодающему населению Советской России. Средства, собранные при его непосредственном участии правительствами различных государств и многочисленными благотворительными организациями, позволили спасти жизнь порядка 10 млн человек.

Влияние Первой мировой войны на развитие международной системы...

²⁶ Принятые в 1922 г. в Женеве решения предусматривали немедленное прекращение действия нансеновского паспорта, если его обладатель «вступит, в какой бы то ни было момент, на территорию России».

²⁷ В частности, нансеновские паспорта не давали их владельцам права на получение в странах постоянного проживания пособий по безработице, инвалидности и болезни.

²⁸ *Simpson J. H. The Refugee Problem. Report of a Survey. L.; N.Y., 1939. P. 3.*

²⁹ В июне 1925 г. на очередной конференции Лиги Обществ Красного Креста (образована в 1919 г.), проходившей в Женеве, был принят международный протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, который впоследствии редко нарушался комбатантами, по крайней мере в крупных масштабах.

³⁰ Об этом упоминалось в решениях Гаагской конференции мира 1907 г.

³¹ Подобный вывод позволяют сделать, в частности, данные, представленные в коллективном научном исследовании «Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь». М., 2010. Так, согласно им, в период Первой мировой войны во вражеском плену побывало в общей сложности более 8 млн 300 тыс. военнослужащих из стран Антанты и Четверного союза. См. подробнее: табл. 56 в рамках указанной публикации.

³² Военнопленные врачи. Статьи: *Кардо-Сысоев К.* Воспоминания о плене; *Бузников А. Н.* Из германского плена. М., б.г. С. 30.

³³ Там же. С. 16–17.

³⁴ Там же. С. 19.

³⁵ Так, например, в конце марта 1916 г. объединенные президиумы различных медицинских обществ Москвы обратились к главам внешнеполитического и военного ведомств Российской империи с ходатайством о принятии мер к скорейшему освобождению из плена лиц армейской санитарной службы, «подобно тому, как это уже сделано Германией по отношению к французским и английским врачам». А год спустя аналогичное требование было направлено Временному правительству участниками чрезвычайного Пироговского съезда врачей.

³⁶ К числу таких стран относился, например, СССР, руководство которого заявило о том, что не может выполнить некоторые содержащиеся в указанной конвенции нормативы. При этом отношение советских властей к Женевской конвенции «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» с самого начала было положительное. 25 августа 1931 г. нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов от имени своего государства подписал этот документ.

БЕЗОПАСНОСТЬ ПРОТИВ ИЛИ БЕЗОПАСНОСТЬ ВМЕСТЕ? УРОКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В 1920-х годах

При анализе движущих факторов внешней политики Франции межвоенного периода традиционно сталкиваются две основные точки зрения. Согласно первой, ключевыми были факторы наращивания мощи, поддержания «баланса сил», преследования государственных интересов¹. В духе классического «политического реализма» (Г. Моргентау и др.) они рассматриваются как неизменные и характерные в той или иной степени для внешнеполитического курса большинства «великих держав». Согласно другой, «ревизионистской» точке зрения, данные факторы недостаточны для объяснения внешней политики Франции в условиях, сложившихся после Первой мировой войны². Они не учитывают в необходимой мере «субъективную» сторону дела — концепции внешнеполитического руководства, попытки извлечь уроки из опыта 1914—1918 гг., не допустить повторения столь колоссального конфликта, стремление построить межгосударственные отношения на новых принципах, отличающихся от «силовой политики» прошлого.

Как опыт, приобретенный в 1914—1918 гг., повлиял на внешнеполитический курс Парижа в отношении Германии в 1920-х годах, — таков центральный вопрос данной статьи. Ответ на него будет дан на основе анализа архивных и недавно опубликованных французских дипломатических и иных документов. Материалы из британских и российских архивов позволят взглянуть на германскую политику Франции «со стороны».

Можно выделить три ключевых изменения, три ключевых урока, извлеченные французскими политиками из событий Мировой войны и повлиявшие на германскую политику Франции в указанный период. Содержание первого из них можно суммировать так: повторения новой войны с сильной Германией необходимо избежать. Э. Эррио, неод-

нократно занимавший пост председателя Совета министров Франции в межвоенный период, был отнюдь не единственным, кто подчеркивал: «...если произойдет новая война, Франция будет стерта с карты мира»³. П. Пенлеве, также бывший председателем Совета министров и, что еще примечательнее, военным министром, убеждал французских депутатов в том, что без «примирения в Европе... наша цивилизация рискует умереть». Основой подобного примирения должно было стать, с его точки зрения, франко-германское сближение. В речи 25 сентября 1925 г. в Страсбурге, символическом месте, Пенлеве подчеркивал, что стабильного мира в Европе не добиться до тех пор, пока «у нас будет ощущение, что под какими-то предложениями два великих народа, разделенные Рейном, готовы наброситься друг на друга»⁴.

Безусловно, не все из подобных заявлений стоит принимать за чистую монету — нередко они использовались в частных интересах не только внутри Франции, но и вовне — с целью получения от партнеров (прежде всего, от британцев) дополнительных гарантий в отношении французской безопасности. Тем не менее масштаб ущерба, который, как показал опыт 1914–1918 гг., могла причинить современная война, заставлял опасаться ее повторения не только с пацифистских, но и вполне прагматичных позиций. Людские потери Франции (погибшие и пропавшие без вести) составили около 1,4 млн человек, общие военные издержки — 143 млрд франков (для сравнения национальный доход за 1913 г. — 42 млрд⁵). В этом смысле показательно, что в 1925 г. в Великобритании человек, весьма далекий от пацифизма, У. Черчилль, подчеркивал: «Мы хотим спасти себя от вовлечения в новый Армагеддон, при победе в котором ущерб будет почти таким же, как при поражении»⁶. Эта мысль была вполне актуальна и для Франции.

Установка на недопущение войны с сильной Германией влияла на внешнюю политику Франции различными способами. Во-первых, она стала важным внутренним убеждением целого ряда политиков (главным образом, левоцентристского спектра), нередко лично прошедших войну. В 1920-х годах они были хорошо представлены во власти и занимали ключевые посты. Помимо вышеназванных Эррио и Пенлеве, к их числу можно отнести министра иностранных дел А. Бриана, министра колоний и военного министра Э. Даладьё и др. Во-вторых, пацифистские идеи затронули не только политическую элиту, но

и глубоко распространились во французском обществе, «пропитав» (*irriguer*), по выражению французского историка Ж.-Ф. Сиринелли, большую его часть⁷. С этими фактами политическое руководство было вынуждено считаться. Дополнительным к тому стимулом была весомая роль, которую играла палата депутатов, «барометр» общественных настроений в политической системе Третьей республики. Представляя на ее рассмотрение в январе 1926 г. новый закон об организации армии и сокращении срока службы, Пенлеве использовал отнюдь не «милитаристскую» риторику: «Сократить срок военной службы до одного года, означает еще раз подтвердить наше доверие к инструментам безопасности, содержащимся в недавно заключенных международных договорах (прежде всего, Рейнском гарантийном пакте. — *И. М.*), даже несколько опередив их развитие. Это означает подтвердить практическими делами нашу твердую решимость не прибегать к оружию первыми»⁸. В-третьих, французским политикам необходимо было принимать во внимание и общую международную обстановку 1920-х годов, характеризующую обычно как «эра пацифизма». Отстаивание в это время позиций, которые давали повод к обвинениям в «силовой» и агрессивной политике, могло не лучшим образом сказаться на международном имидже Франции и ее отношениях прежде всего с Великобританией и США. В Лондоне, к примеру, идея о «милитаризме» Франции вызвала серьезную озабоченность в правящих кругах⁹.

Вывод о необходимости избежать в будущем войны с сильной Германией отнюдь не означал, что Франция проводила в 1920-х годах пассивную и «беззубую» политику. Подобный императив вполне можно было расценить как стремление не допустить усиления Германии и более того — как намерение ее ослабить. Ярким тому подтверждением стали события Рурского кризиса 1923 г., во время которого Франция (совместно с Бельгией) оккупировала «индустриальное сердце» Германии, Рурский угольный бассейн, официально добиваясь взыскания репараций, но на деле преследуя далекоидущие цели, вплоть до изменения статуса Рейнской области в направлении автономизации и даже полного ее отделения¹⁰.

Во французском МИД многими оккупация Рура рассматривалась как возможность для Франции лишить Германию тех ресурсов, без которых последняя не сможет начать войну. Из событий, предшествовав-

ших 1914 г., на Кэ д'Орсэ сделали выводы, имевшие, как ни странно, определенный «классовый» оттенок: «...с окончания войны и особенно со времени конференции в Спа [1920 г.] партия крупных промышленников Германии решила сделать все, дабы избежать выплаты репараций... именно эта партия решила вопрос о войне: в 1905, 1908 и 1911 гг. они еще колебались; в 1914 г. Баллины, Виганы, Круппы и Тиссенсы, пережив последствия кризиса, вызванного чрезмерными кредитами, выданными германской промышленностью, поддержали военную партию и ее планы начать всеобщий конфликт. Именно эта партия [промышленников] после войны мешала выполнению [Версальского] договора, правительство Симонса было ей полностью подчинено, правительство Вирта трепещет перед ней»¹¹. Оккупация Рура должна была серьезнейшим образом ослабить крупных германских промышленников, которые, как считали в МИД, и являются подлинными хозяевами Германии. «Необходимо решительно признать, что Германия склоняется лишь перед силой. Представляется, что сопротивление исходит, прежде всего, от Стиннеса и его сторонников... Именно по этой группе должны ударить санкции, именно она является уязвимой в Руре», — писал из Берлина посол Ш. Лоран еще в апреле 1921 г.¹²

Крах французских замыслов начала 1920-х гг. по резкому ослаблению Германии, привел в конечном счете к событиям, которые стали символом франко-германского сближения в первое послевоенное десятилетие, к Локарнским соглашениям 1925 г. Как говорил на самой конференции Бриан, «Франция поймет всю важность этого пакта и пожелает сделать все, что в ее силах, для того, чтобы он привел к возникновению чувства умиротворения и ослабления напряженности между нами»¹³.

Локарнские соглашения были не результатом какой-то изначальной концепции по выстраиванию исключительно мирных отношений с Германией, а, скорее, следствием международных изменений после Рурского кризиса. Также сыграли роль дискуссии внутри французского руководства о характере трансформаций межгосударственных отношений в результате войны.

Стоявший в центре внутриведомственных дискуссий проект Ж. Лароша, директора департамента политических и торговых дел МИД, под названием «Исследование гарантий безопасности» (февраль 1924 г.), был весьма любопытен как пример осмысления на Кэ д'Орсэ после-

военных реалий. В основу международной системы безопасности (необходимость инициатив на данном направлении была очевидна после Рурского кризиса) Ларош хотел положить соглашение Великобритании, Франции и Бельгии о совместных действиях в случае германской агрессии. Оно было бы своего рода «ядром», вокруг которого, однако, имелся бы более широкий «контур» в виде пакта о ненападении между Германией и всеми соседними государствами с участием Великобритании. Отличительной особенностью проекта Лароша был поиск новых механизмов обеспечения безопасности Франции в изменившихся условиях. Их характеризовал, с одной стороны, тот факт, что Париж не смог заключить двусторонний или трехсторонний (с участием Бельгии) союз с Великобританией (переговоры 1921–1922 гг.), а с другой — сама система традиционных союзов довоенного образца воспринималась многими государствами—членами Лиги Наций негативно, как один из факторов развязывания самой войны.

Французские военные (начальник Генштаба генерал М.-Э. Дебени, маршал Ф. Фош и др.), напротив, как раз хотели воссоздать в новых условиях военный блок с ясно выраженной антигерманской направленностью на основе присоединения Великобритании к уже имевшимся франко-бельгийскому (1920 г.) и франко-польскому (1921 г.) договорам. Если проекты МИД имплицитно исходили из предположения о возможности снизить в средне- и долгосрочной перспективе градус франко-германской напряженности, то высшие военные чины были настроены намного более скептически, полагая, что немцы мало изменились по сравнению с 1914 г. В январе 1922 г. маршал Ю. Лиотэ убеждал президента А. Мильерана в том, что Франция должна производить впечатление сильного государства и твердо отстаивать свои позиции. «Безусловно, — продолжал маршал, — это необходимо делать перед лицом Англии, с одной стороны, и прусской Германии — с другой, чья враждебность сегодня и завтра должна рассматриваться как бесспорный и доказанный факт...»¹⁴.

В целом французский МИД и Генштаб занимали различные позиции по вопросу о том, в какой мере опыт 1914–1918 гг. изменил международные реалии, в которых должна действовать Франция. Если МИД полагал, что безопасность Франции (во внешнеполитическом плане) может быть наилучшим образом обеспечена за счет трансфор-

мации дипломатических механизмов (многосторонние пакты с возможностью участия в ряде из них Германии), то Генштаб оценивал подобные средства как недостаточные. В условиях постоянной напряженности военных в отношении намерений Берлина считалось, что лишь максимально «тесный» союз, включающий конкретные военные обязательства и предварительное планирование против потенциально-го противника (что имело место до 1914 г.), может служить гарантией безопасности. Не случайно Женевский протокол от 2 октября 1924 г., содержащий многие из идей Кэ д'Орсэ, критиковался военным экспертом Генштаба подполковником Э. Рекеном. Протокол, с его точки зрения, мог «увеличить *чувство безопасности*, но он не является *гарантией*, на которой может быть основана оборона государства»¹⁵.

Вся германская политика Франции второй половины 1920-х годов проходила под знаком Локарно и поисков дальнейшего сближения с «соседом по Рейну». Яркими примерами тому стали встреча в Туари 1926 г., во время которой Бриан и его германский коллега Г. Штреземан обсуждали возможности раннего вывода оккупационных войск с левого берега Рейна в обмен на экономические уступки со стороны Германии; Гагская конференция 1929–1930 гг., реализовавшая идею увязывания эвакуации войск с репарациями, но в иной форме — левый берег был покинут раньше сроков, указанных в Версальском договоре, а Германия согласилась на новый репарационный «план Янга» («план Юнга»).

В чем заключались сходство и различия подобных процессов франко-германского сближения в сравнении с теми, что имели место до 1914 г. и ассоциировались, прежде всего, с именем премьер-министра Ж. Кайо (франко-германский договор от 4 ноября 1911 г. по Марокко и Конго и др.)? Обратим внимание на три пункта. Первый — и в том и в другом случае одним из главных резонансов Парижа по снижению напряженности в отношениях с Берлином было ощущение собственной уязвимости. Однако основания для этого были разные. В 1911 г. речь шла о непосредственной военной слабости в случае столкновения с Германией. В начале августа 1911 г., в разгар Агадирского кризиса, Кайо обратился к начальнику Генштаба генералу Ж. Жоффру со следующим вопросом: «“Генерал, говорят, что Наполеон начинал сражение, лишь полагая, что имеет как минимум 70% шансов на победу. Имеем

ли мы 70% шансов на победу, если нынешняя ситуация приведет к войне?”... “Нет, я полагаю, что мы их не имеем,” — “Хорошо, — ответил Кайо, — тогда мы ведем переговоры”»¹⁶. Франко-германское сближение второй половины 1920-х годов также стало результатом слабости Парижа, но она проявлялась в невозможности реализовать свои амбициозные замыслы по ослаблению Германии самостоятельно (прежде всего, без поддержки Великобритании).

Сходство заключалось и в ином. Преемственность между двумя попытками франко-германского сближения подчеркивали как фигура самого Кайо, так и его тесные связи с Брианом — именно в правительстве последнего в 1926 г. Кайо занял пост вице-председателя Совета министров и министра финансов, осуществив громкое возвращение в политику после помилования 1925 г. (в 1920 г. он был обвинен в переписке с немцами в годы войны, осужден на три года тюрьмы и лишен политических прав). Влияние Кайо на германскую политику расценивалось как весьма высокое. Советский полпред Л.Б. Красин писал в Москву в апреле 1925 г.: «Пенлеве лично, вероятно, по-прежнему остается сторонником соглашения с нами, но, как я уже писал в одной из шифровок, самостоятельно он ничего не сможет сделать, настоящими же приказчиками будут, конечно, Бриан (читай: Бертело) и Кайо»¹⁷.

Более того, как и в 1911 г., в 1926 г. Кайо делал особый акцент на планах сотрудничества с Германией в колониях и в «азиатских делах»¹⁸. Здесь же, однако, важно отметить и отличие. Если до 1914 г. урегулирование противоречий в колониях должно было стимулировать франко-германскую «разрядку» в Европе, то в 1920-х годах последовательность была обратной: именно Локарнские соглашения в Европе открывали перспективы для сотрудничества двух государств на периферии.

Наконец, важно отметить серьезное различие и в том, как процессы франко-германского политического сближения влияли на военное планирование Франции. Компромисс 1911 г. и связанное с ним ощущение неподготовленности Франции к войне были использованы Жоффром для усиления наступательной направленности военного планирования (закон о трехлетней военной службе 1913 г. и «план XVII» 1914 г.), укрепления военного союза с Российской империей¹⁹. Напротив, Локарнские соглашения и де-факто связанная с ними эвакуация Кельнской оккупационной зоны (январь 1926 г.) стали важным

фактором оборонительной трансформации военных планов Франции. Если до этого они носили ярко выраженный наступательный характер, то с июня 1926 г. в действие вступил намного более осторожный план *A-bis*. Вместо перехода в наступление на территорию Германии вскоре после начала военных действий, как предполагалось ранее, он предусматривал занятие оборонительной позиции с опорой на оккупационные войска на Рейне, чтобы дождаться окончания мобилизационных мероприятий во Франции. И только после этого должно было начаться постепенное и неторопливое выдвижение войск в Германию. Осторожность плана *A-bis* была связана с сокращением французских вооруженных сил в Европе (часть из них была направлена на подавление восстаний в Марокко и Сирии) и эвакуацией стратегически важной Кельнской зоны²⁰.

Давал о себе знать и опыт «Великой войны»: французское военное командование намного меньше, чем в 1914 г., стремилось к наступлению «во что бы то ни стало». Апломб и вера в собственное превосходство, характерные для работ ряда военных теоретиков предвоенной эпохи, стали встречаться намного реже. В 1926 г. анонимный французский офицер, проанализировавший широкий круг германской военной литературы, само количество которой было «анормально для профессиональной армии, чей штат сокращен», не скрывал своих впечатлений: «...общее ощущение силы». Далее он констатировал, что «немецкая армия сохранила свой довоенный идеал и, несмотря на поражение 1918 г., свою веру в будущее Германии, которая превыше всего (*Deutschland über alles*). Эта армия считает, что она должна, в первую очередь, смыть “позор” Версальского договора... Несомненно, опасность наличествует не в настоящий момент, однако необходимо быть готовым встретиться с угрозой, которая вырисовывается на востоке»²¹.

Оборонительный характер военного планирования Франции окончательно (с 1929 г.) возобладал в условиях сокращения срока военной службы до года, согласования проекта и начала строительства укрепленной линии Мажино, наконец, предчувствия скорой эвакуации всего левого берега Рейна.

Несмотря на все изменения, привнесенные во франко-германские отношения Локарнскими соглашениями, над ними витала «тьень прошлого». Опасения по поводу Германии сохранялись отнюдь не только

у военных, будущее представлялось далеко не безоблачным и на Кэ д'Орсэ. Позиция, озвученная в 1927 г. Ф. Бертело, генеральным секретарем МИД и одним из «архитекторов» франко-германской «разрядки», была показательной. На вопрос председателя Совета министров Р. Пуанкаре, всегда сохранявшего настороженность по отношению к Германии, искренни ли немцы в своей политике сближения с Францией, Бертело ответил уклончиво. В течение ближайших 15 лет, утверждал он, подобная политика Берлина обеспечит Франции серьезные преимущества. Затем Германия может предпринять попытку реванша, но сами 15 лет мира принесут несомненную выгоду, тем более что за это время могут возникнуть «другие возможности, которые не позволят германскому реваншу материализоваться»²².

В Париже надеялись, что политика сближения заставит Германию играть по сложившимся правилам Версальского порядка в Европе, делает любое нарушение их слишком болезненным и «дорогим» для Берлина, наконец, создаст жизнеспособный механизм для мирного урегулирования спорных вопросов²³. Окончательная «ликвидация войны», о которой Бриан говорил Штресеману в 1929 г., должна была одновременно открыть новый этап сближения Франции и Германии. Выступая в 1929–1930 гг. с идеей «федерального европейского союза», Бриан и директор его кабинета (в последующем генеральный секретарь МИД) А. Леже отмечали: «Никогда не было столь благоприятного момента для начала нового конструктивного проекта в Европе. Урегулирование ключевых проблем материального и морального порядка, поставленных последней войной, вскоре освободит новую Европу от того, что столь сильно отягощало ее как в психологическом, так и в экономическом отношении. Отныне она готова к началу позитивного усилия, отвечающего новому порядку. Настает решающий час, когда ожидавшая этого Европа может сама распоряжаться своей судьбой»²⁴.

У многих в 1930 г. присутствовало ощущение рубежности переживаемого этапа, после которого либо будут закрыты «скобки» войны, либо, напротив, довоенные реалии «силовой» политики вновь приобретут актуальность. Как писал в январе 1930 г. Ларош, переместившийся из Парижа в Варшаву в качестве посла, «Франция хочет одновременно побудить Германию принять участие во всеобщей политике мира и обеспечить себя против возможности нападения с ее стороны.

Этой второй гипотезой и обуславливаются военные кредиты, которые были отпущены на оборону французских границ и на оборонительные союзы, заключенные Францией. В первом случае, напротив, откроются перспективы создания европейской федерации, прежде всего в экономической области»²⁵.

Таким образом, императив о недопущении войны с сильной Германией, выстраданный опытом Первой мировой войны, по-разному истолковывался в 1920-х годах в зависимости от международной обстановки. В первой половине десятилетия акцент делался на ослаблении Германии, в то время как после 1925 г. ключевым стало стремление снизить напряженность во франко-германских отношениях в средне- и долгосрочной перспективе с возможностью выхода на новый уровень отношений в рамках европейской федерации.

Вторым ключевым изменением, привнесенным опытом войны, стало повышенное внимание к экономическим аспектам германской политики Франции. События 1914–1918 гг. наглядно продемонстрировали, что в условиях «тотализации» военных конфликтов для достижения победы необходимы усилия всего общества. В частности, «снарядный голод» 1915 г. ясно говорил: без прочного тыла и поставляемых им припасов современная армия может оказаться бессильной. Показательно и то, что экономический аспект послевоенных отношений между государствами стал обсуждаться достаточно рано. Так, на межсоюзнической конференции в июне 1916 г. в Париже активно дискутировался вопрос о том, как выстраивать отношения с Германией в сфере экономики после войны, с вытекающими отсюда политическими последствиями: применять ли к Берлину дискриминационные меры и продолжать тесное экономическое взаимодействие между союзниками по войне либо вернуться к довоенным принципам свободной торговли и позволить Германии восстановить хозяйственный потенциал?»²⁶

Министр торговли Франции в годы войны Э. Клемантель был одним из тех, кто ясно осознавал, насколько экономические, финансовые и торговые проблемы стали влиять на внешнюю политику. Уже в 1918 г. он предупреждал: «В экономической битве, в которую мы должны будем вступить после войны, победа над пангерманизмом возможна лишь при условии, что мы позаимствуем используемые Германией методы, и, прежде всего, организованность»²⁷. Понимание того, что

внешняя политика должна проводиться с учетом задач экономического развития, привело к созданию в рамках МИД нового структурного подразделения — управления торговых отношений (декрет от 1 мая 1919 г.).

Особые опасения вызывал тот факт, что германские производительные силы были слабо затронуты войной — Германия почти исчерпала имевшиеся запасы сырья, но при условии возобновления поставок могла быстро запустить свою уцелевшую промышленность на полную мощность. Перед лицом британцев, стремившихся смягчить репарационные требования к Германии, Пуанкаре в январе 1923 г. сформулировал позицию достаточно жестко. Если принять британские рекомендации, утверждал он, то Германия, «с ее природными ресурсами, углем, лесом, поташом, станет повелительницей Европы перед лицом Франции, чье население наполовину меньше, которая несет на себе растущую тяжесть восстановления своих разрушенных регионов. Германская гегемония в Европе, которую должна была разрушить война, будет тем самым восстановлена и укреплена самими союзниками»²⁸.

Поэтому не случайно, что не только попытки ослабления Германии начала 1920-х годов, но и последующее сближение с ней имели серьезную экономическую подоплеку. Ключевое значение приобрел вопрос о союзе французской железной руды и германского каменного угля, — идея, которая спустя столетия совсем при других обстоятельствах реализуется в Европейском объединении угля и стали. Надежды на то, что Германия после войны будет так же заинтересована в лотарингской руде, как и раньше, когда ей принадлежали месторождения этого сырья, и что Париж сможет этим воспользоваться для «стимулирования» выплаты репараций Берлином, развеялись достаточно быстро. Уже в мае 1920 г. представители французской металлургии заявляли, что Германия не нуждается во французской железной руде, которую заместил на германском рынке импорт из Швеции²⁹.

Тем не менее надежда на то, что, используя положения Версальского договора, удастся кардинальным образом решить давнюю проблему обеспечения французской металлургии рурским углем, не покидала умы французских политиков. Ж. Сэйду, глава управления торговых отношений МИД, подчеркивал в июне 1920 г.: «В том, что касается угля, единственным практическим способом решения данной проблемы

сейчас является получение концессий на ряд угольных шахт Рура, которые бы обеспечили нас необходимым количеством угля, на которое мы имеем право. Акции предприятий перешли бы в руки французов до тех пор, пока выплата репараций не была бы завершена. Франция использовала бы данный уголь на таких же условиях, как если бы это был уголь из французских шахт; он был бы собственностью владельцев шахт, разоренных во время войны»³⁰.

Попытка силовым путем добиться выгодного для французов решения «угольного вопроса» в ходе Рурского кризиса 1923 г. в конечном счете не удалась. Как и в том, что касалось «высокой политики», пришлось искать иные пути. Самым ярким выражением политики франко-германского сближения в торгово-экономической сфере стал торговый договор 1927 г., «экономическое Локарно», как его называли в то время. Он не только активизировал франко-германский товарооборот, но и послужил своего рода стержнем торговли на всем континенте. С 1929 по 1932 г. Германия была главным импортером французских товаров, а с 1930 по 1934 г. — и главным поставщиком. В этот период Франция импортировала из Германии 30% угля, 40% химических продуктов, 35% стали и 52% железнодорожного состава. Французский историк Р. Франк отмечает: «...[экономический] рост и модернизация Франции 1920-х годов зависели от поставок из Германии»³¹.

К 1928 г. военно-политическое и экономическое сотрудничество Франции и Германии представлялось многим современникам настолько тесным, что Иностраный отдел ОГПУ направил в Москву справку с названием «Проект франко-германского военного союза». В ней, в частности, говорилось: «Идея франко-германского военного союза является совершенно новой не только для германских политических, но также и военных кругов, считающих, что при нынешнем положении Германии франко-германский союз может иметь и дать Германии крупные выгоды... Если идея военного союза имеет много препятствий на своем пути, то идея экономического сближения более популярна (подчеркнуто И. В. Сталиным в тексте документа. — *И. М.*)»³².

В тесном экономическом сотрудничестве с Германией заключались для Франции как достоинства, так и недостатки. В отличие от британца Н. Энджелла, полагавшего в 1910 г., что экономическая взаимозависимость государств будет залогом недопущения войны, Даладь в 1925 г.

был настроен более пессимистично. Он видел в современных экономических отношениях скорее источник потенциальных конфликтов, чем фактор мира: «...экономические противоречия становятся ожесточеннее и опаснее по мере того, как жизнь людей усложняется. Мировая гегемония основывается сегодня не на владении более или менее крупной территорией, а на обладании продуктами, жизненно необходимыми для людей. Каждый хочет быть властелином рынка, отсюда войны за хлопок или нефть»³³. Интенсивность франко-германских экономических отношений не означала и того, что выгоды от них распределялись поровну. Как отмечали в британском Форин офис, «германский экспорт во Францию растет, а французский в Германию падает с 1927 г. пугающими темпами. Складывается впечатление, что Германия, “сверхрационализированная, сверхпроизводительная, сверхвыращивающая и сверхберущая в кредит”, перехитрила Францию при составлении [торгового] договора»³⁴.

К концу 1920-х годов Париж был обеспокоен экономическим ростом Германии. Он опасался, что ее дальнейшее сближение с соседними государствами может на деле обернуться реализацией плана, сформулированного германским экономистом Ф. Науманом еще в годы войны, — плана Средней Европы (*Mittleuropa*) во главе с Германией. Это отразилось и на зигзагах французской политики европейской интеграции в 1929–1930 гг. Если в речи А. Бриана 5 сентября 1929 г. в Женеве акцент был сделан на экономике — «это наиболее насущный вопрос», — то в меморандуме французского МИД менее года спустя акценты были уже смещены в сторону безопасности: «Всякая возможность прогресса на пути экономического союза строго определяется вопросом безопасности, а сам этот вопрос тесно связан с продвижением на пути к политическому союзу; именно на политическом направлении необходимо предпринять конструктивные шаги для придания Европе ее органической структуры»³⁵. В этих формулировках была заметна «рука» Леже — его проект меморандума был намного более «политизированным», нежели другой проект — сотрудника МИД Ж. Фук-Дюпарка), акцентировавший роль экономического и технического сотрудничества европейских государств³⁶.

Несмотря на достаточно большое внимание к экономическим аспектам политики в отношении Германии, французское руководство

отнюдь не самым лучшим образом координировало свой курс с действиями бизнес-элит. Показательно, что в период Рурского кризиса ни Пуанкаре, ни МИД вплоть до декабря 1923 г. не считали нужным согласовывать свои действия с запросами и целями крупнейших промышленных групп «Комите де Форж» (Комитет металлургической промышленности) и «Комите дез Уйер» (Комитет угольной промышленности)³⁷. Препятствием на пути четкой координации экономического и политического курса Франции были и доминировавшие концепции, призывавшие государство, несмотря на опыт войны, не слишком вмешиваться в экономические дела. Как отмечает канадский историк Р. Бойс, «руководя экономикой в течение войны, [французское] государство быстро отказалось от своей роли управленца, вернувшись к либеральным принципам и стремясь “жить по средствам”»³⁸. В этом смысле ряд уроков войны не был воплощен в германской политике Франции на практике — это требовало серьезной внутренней трансформации государства, на пути которой стояли, однако, многочисленные препятствия.

Третье изменение, привнесенное в германскую политику Франции войной, касалось стратегической ситуации в Европе, в рамках которой действовал Париж. Опыт войны подтвердил ценность для Франции «второго фронта», который мог бы оттянуть германские силы на восток. В январе–марте 1919 г. маршал Фош констатировал: «На протяжении значительной части войны... Россия со своими многочисленными армиями сковывала крупное количество германских войск... если [в 1914 г.] мы смогли удержаться на Марне, у Арраса и, наконец, на Изере, то именно благодаря России, которая, со своей стороны, оттянула крупные германские силы, вторгнувшись в Силезию и угрожая Берлину»³⁹. Аналогичные мысли о значительной роли России высказывались и со страниц авторитетных военных журналов⁴⁰.

В целом французское военное руководство в начале 1920-х годов продолжало делать акцент на стратегической роли России в Европе, пусть даже и в ее новом (и, как считалось, временном) «обличье» Советского государства. В бюллетене 2-го (разведывательного) бюро Генштаба от 1 марта 1920 г. отмечалось, что восстановление Российского государства в качестве «великой державы... необходимо для [поддержания] баланса сил в Европе. Невозможно спрогнозировать события,

но представляется, что России будущего вполне могут пойти на пользу усилия Ленина и Троцкого»⁴¹. Подчас военные стремились снизить градус алармистских настроений в отношении СССР. Так, в мае 1922 г. французский военный атташе в Лондоне генерал А. де ля Пануз скептически отозвался о предположении британцев, что увеличение численности Красной армии служит сигналом ее скорого нападения на Польшу и Румынию⁴².

По отношению к Советскому государству французский МИД занимал более идеологизированную позицию, чем военные. Даже установление дипломатических отношений в октябре 1924 г. рассматривается историками как «спонтанное» и обусловленное, скорее, внутривнутриполитическими факторами (победа «Картеля левых» на парламентских выборах весны 1924 г.), а также нежеланием отставать в этом вопросе от других европейских держав (прежде всего, Великобритании и Италии). Показательно, что и после 1924 г. не раз высказывались предположения о скором падении советской власти (как говорил Бриан Штреземану в 1926 г., большевики недолго удержат власть в своих руках⁴³), о некоей органической агрессивности СССР. Спекулируя на эту тему, французский посол Ж. Эрбетт писал из Москвы в 1930 г., в период напряженности в советско-румынских отношениях: «...коммунистический строй, который для того, чтобы продолжать существовать, принужден поддерживать в своих сторонниках энтузиазм, вряд ли устоит перед искушением — начать войну, раз он будет уверен в своих средствах»⁴⁴.

МИД считал невозможным в 1920-х годах рассматривать СССР в качестве потенциального «второго фронта» против Германии (скорее, французы опасались сближения и союза этих двух государств), тем не менее сама идея о необходимости сдерживания Германии с востока сохранялась. Даже те, кого считают одними из главных сторонников локарнской политики, как, к примеру, высокопоставленный сотрудник МИД Р. Массигли, не были готовы полностью доверять Германии, отказавшись от иных гарантий обеспечения безопасности. В сентябре 1925 г., за месяц до заключения Локарнских соглашений, Массигли писал о том, что построение безопасности в Западной Европе не должно предприниматься за счет снижения ее уровня на востоке континента. Он считал опасным подписывать Рейнский пакт, гарантировавший лишь западные, но не восточные границы Германии, до тех пор, пока

восточным соседям Германии, Польше и Чехословакии, не будут даны соответствующие гарантии безопасности⁴⁵. Однако на Локарнской конференции, по большому счету, этого не было сделано.

В условиях исчезновения Российской империи и недоверия к Советскому государству основной «восточного барьера» против Германии должна была стать Польша.

Германская политика Франции тесно коррелировала с ее курсом в отношении Варшавы. Начало 1920-х годов знаменовалось франко-польским сближением на антигерманской основе. В 1921 г. были подписаны политический договор и секретная военная конвенция. В преддверии ввода французских войск в Рур достаточно далеко продвинулось совместное военное планирование. По результатам встреч маршала Фоша и начальника польского Генштаба В. Сикорского в сентябре—октябре 1922 г. было обговорено, что в случае осложнений с Германией общей целью станет концентрическое наступление на Берлин, в котором, как предполагалось, помимо Франции и Польши будет участвовать Чехословакия⁴⁶.

Начало «периода Локарно» отмечено серьезным разворотом Франции в отношении Польши. Показательно, что еще 6 августа 1925 г. в беседе с германским послом Л. фон Гешем Бриан открыто признал возможность ревизии в будущем германо-польской границы, подчеркнув, что в Лондоне и Праге разделяют его взгляд на проблему. Он отметил, что «после того, как Германия получит свое место в Совете [Лиги Наций] и сможет говорить наравне с представителями [великих держав], под влиянием германского экономического превосходства и других преимуществ, [у нее] появятся возможности для достижения соглашения иными способами»⁴⁷. В немалой степени Бриан разделял германскую концепцию использования экономической мощи для постепенной ревизии политической карты Европы, хотя, безусловно, лишь в тех пределах, которые устраивали Париж.

О характере франко-польских отношений в это время говорит любопытный документ из архива Исторической службы министерства обороны Франции, датированный 18 августа 1925 г. Он представлял собой изложение позиции польских военных по вопросам системы безопасности в Европе (одновременное подписание Западного и Восточного пактов, включение в них положения о немедленных санкциях в случае

нарушения и др.). Эта позиция далеко не полностью совпадала с французской точкой зрения. Самое любопытное — способ, которым этот меморандум попал в руки военного атташе Франции в Лондоне, генерала Э. Деспре. Документ был передан ему британским военным министерством, не проинформировавшим об этом самих поляков. Иными словами, два союзника (Франция и Польша) общались друг с другом посредством государства, не связанного с ними военными обязательствами. Поэтому не случайно, что Деспре просил Париж рассматривать документ в качестве «строго конфиденциального»⁴⁸.

Приход к власти Ю. Пилсудского (1926 г.) — французский историк Ф. Дессберг расценивает это событие как «поражение французской политики в Варшаве» — наряду с продолжавшимся франко-германским сближением был для Парижа основанием сократить свои обязательства в отношении Польши. В ноябре 1927 г. генерал Л. Франшэ д'Эспрэ направился в Варшаву, чтобы адаптировать военную конвенцию 1921 г. к изменившимся условиям. Опасаясь вовлечения в советско-польский конфликт против своей воли, французы находили нежелательным упоминание в ней стран, против которых она изначально была направлена (Германии и Советского государства)⁴⁹. Это, однако, не помешало министру иностранных дел Польши заявить в 1928 г., что «союзы Польши с Францией и Румынией представляют собой неотъемлемое звено в цепи соглашений, имеющих целью обеспечение мира». Но в какой мере и при каких обстоятельствах Париж был готов выполнить свои обязательства перед Польшей, оставалось большим вопросом.

Таким образом, уроки Первой мировой войны и реалии, возникшие после нее на Европейском континенте, оказали серьезное влияние на французскую политику по отношению к Германии в 1920-х годах. Колоссально возросшая «цена» войны наряду с невозможностью реализовать сценарий резкого ослабления Германии силовыми методами подталкивали к проведению политики франко-германского сближения второй половины 1920-х годов. Признание, с учетом опыта 1914–1918 гг., огромного значения экономического фактора внешней политики дало толчок проработке проектов долгосрочного решения «угольного вопроса». Попытка политическими средствами добиться их реализации в ходе Рурского кризиса не принесла искомым результатов. Экономическое превосходство Германии, о чем много пишут публи-

цисты в наше время, давало о себе знать и в 1920-х годах. Наконец, несмотря на изменение стратегических реалий в Европе, необходимость в противовесе Германии на востоке (подтвержденная опытом Первой мировой войны), а также сложности в отношениях с Советским государством побудили Францию сделать основную ставку на Польшу. Однако к концу первого послевоенного десятилетия это государство серьезно потеряло в «цене».

В целом стремление Парижа выстроить систему безопасности не против Германии, а вместе с ней, наряду с безусловно положительными сторонами для стабильности в Европе, привело одновременно к появлению новых проблем. Франко-германское сближение на западе Европы не могло стать залогом мира без расширения механизма сотрудничества и на другие государства. Один из уроков Первой мировой войны, заключающийся в том, что безопасность Европы неделима, продолжает сохранять свою актуальность и поныне.

¹ Классические работы — *Wolfers A.* Britain and France between Two Wars: Conflicting Strategies of Peace Since Versailles. N.Y., 1940; *Duroselle J.-B.* Politique étrangère de la France: La décadence 1932–1939. Paris, 1979.

² *Cohrs P. O.* The Unfinished Peace After World War I: America, Britain and the Stabilisation of Europe, 1919–1932. Cambridge, 2006; *Jackson P.* Beyond the Balance of Power: France and the Politics of National Security in the Era of the First World War. Cambridge, 2013.

³ *Эррио Э.* Из прошлого. Между двумя войнами. 1914–1936. М., 1958. С. 196.

⁴ *Guieu J.-M.* Paul Painlevé et la paix // Paul Painlevé, un savant en politique / Sous la dir. de C. Fontanon, R. Frank. Rennes, 2005. P. 119–131.

⁵ La France de 1914 à nos jours / Sous la dir. de J.-F. Sirinelli. Paris, 1997. P. 46.

⁶ French and Belgian Security, Memorandum by the Chancellor of the Exchequer, February 24, 1925 // The National Archives of Great Britain (TNA), Cabinet Papers (CAB) 24/172.

⁷ *Sirinelli J.-F.* Génération intellectuelle. Khâgneux et normaliens dans l'entre-deux-guerres. Paris, 1988. P. 640.

⁸ Loi sur l'organisation générale de l'armée. Exposé des motifs, s.d. [janvier 1926] // Archives Nationales de la France (AN), Papiers Painlevé, 313 Archives privées (AP) 237.

⁹ *Магадеев И. Э.* Британские оценки французской угрозы в 1920-е гг. // Военно-исторический журнал. 2012. № 11. С. 25–30.

¹⁰ *Jeannesson S.* Poincaré, la France et la Ruhr, 1922–1924: histoire d'une occupation. Strasbourg, 1998.

¹¹ Documents diplomatiques français (DDF). 1921. T. II. Bruxelles, 2005. P. 512.

¹² DDF. T. I. Bruxelles, 2004. P. 518, note 2.

-
- ¹³ Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959. С. 283.
- ¹⁴ Note de Lyautey, 20 janvier 1922 // AN, Papiers Millerand, 470 AP 82.
- ¹⁵ Jackson P. France and the Problems of Security and International Disarmament after the First World War // Journal of Strategic Studies. 2006. Vol. 29. No 2. P. 247–280.
- ¹⁶ Mémoires du maréchal Joffre. Т. 1. Paris, 1932. P. 15–16.
- ¹⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 8. М., 1963. С. 264.
- ¹⁸ Barièty J. L'appareil de presse de Joseph Caillaux et l'argent allemande (1920–1932) // Revue historique. 1972. No 247. P. 392.
- ¹⁹ Williamson S. R. Joffre Reshapes French Strategy, 1911–1913 // The War Plans of the Great Powers, 1880–1914 / Ed. by P. Kennedy. L., 1979. P. 133–154.
- ²⁰ Doughty R. A. The Seeds of Disaster: The Development of French Army Doctrine, 1919–1939. Hamden, 1985. P. 33.
- ²¹ [Anon.] L'Instruction de l'infanterie allemande en vue du combat (d'après les manuels récents) (Fin) // La Revue d'infanterie. 1926. No 411. P. 702–703.
- ²² Бертелло пересказал свой разговор с Пуанкаре британскому поверенному в делах Э. Фиппсу. См.: Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Ser. Ia. Vol. III. L., 1970. P. 501.
- ²³ Barièty J. Le projet d'union européenne d'Aristide Briand // L'ordre européen du XVIe au XXIe siècle / Sous la dir. de G.-H. Soutou, J. Bérenger. Paris, 1998. P. 137–149.
- ²⁴ Memorandum sur l'organisation d'un régime d'Union Fédérale Européenne. Paris, 1930. P. 15.
- ²⁵ Телеграмма была добыта советской разведкой и передана в Москву. См.: Ларош–Мининдел, 10 января 1930 г. // Российский архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 184. Л. 65.
- ²⁶ См. подробнее: Soutou G.-H. L'Or et le sang: les buts de guerre économiques de la Première Guerre mondiale. Paris, 1989.
- ²⁷ Trachtenberg M. «A New Economic Order»: Etienne Clémentel and French Economic Diplomacy during the First World War // French Historical Studies. 1977. Vol. 10. No 2. P. 315–341.
- ²⁸ DDF. 1923. Т. I. Paris, 2010. P. 18.
- ²⁹ Ibid. 1920. Т. II. Paris, 1999. P. 6.
- ³⁰ Ibid. P. 103.
- ³¹ Frank R. L'Allemagne dans le commerce français, ou la tendance séculaire à l'entente franco-allemande (1910–1965) // France and Germany in an Age of Crisis 1900–1960 / Ed. by H. Shamir. Leiden, 1990. P. 30–42.
- ³² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 184. Л. 8, 10.
- ³³ Étude sur les lois militaires par Daladier, s.d. [novembre 1925] // AN, Papiers Painlévé, 313 AP 238.
- ³⁴ An Aspect of International Relations in 1931 by Vansittart, May 1931 // TNA, CAB 24/225.
- ³⁵ Memorandum sur l'organisation d'un régime d'Union Fédérale Européenne. P. 11.
- ³⁶ Marbeau M. Un acteur des nouvelles relations multilatérales: le Service Français de la Société des Nations (1919–1940) // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1994. Vol. 36. No 1. P. 18.

Безопасность против или безопасность вместе?..

³⁷ *Jeannesson S.* Pourquoi la France a-t-elle occupé la Ruhr? // Vingtième Siècle. 1996. Vol. 51. No 1. P. 56-67.

³⁸ *Boyce R.* The Great Interwar Crisis and the Collapse of Globalization. Basingstoke, 2009. P. 16.

³⁹ Ministère des Affaires Etrangères. Documents diplomatiques. Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne (10 janvier — 7 décembre 1923). Paris, 1924. P. 10, 37.

⁴⁰ Camon (Général). L'Étude des campagnes de Napoléon est-elle encore de quelque utilité? // Revue militaire française. 1924. No 35. P. 191.

⁴¹ *Carley M. J.* The Politics of Anti-Bolshevism: The French Government and the Russo-Polish War, December 1919 to May 1920 // The Historical Journal. 1976. Vol. 19. No 1. P. 173.

⁴² La Panouse à Maginot, 31 mai 1922 // Service historique de défense (SHD), 7 N 2794.

⁴³ *Суту Ж.-А.* Франция и Россия в эпоху Локарно, 1924–1929 гг. // Объединение Европы и Советский Союз, 1919–1932 / Отв. ред. М. М. Наринский. М., 1999. С. 99–100.

⁴⁴ Телеграмма была добыта советской разведкой и передана в Москву. См.: Эрбетт–Минидел, 19 января 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 184. Л. 57.

⁴⁵ *Ulrich R.* René Massigli and Germany, 1919–1939 // French Foreign and Defense Policy, 1918–1940 / Ed. by R. Boyce. L., 1998. P. 137.

⁴⁶ См. подробнее: *Dessberg F.* La pensée et les projets stratégiques du Maréchal Foch en Europe centrale et orientale (1919–1929) // Ferdinand Foch (1851–1929) Apprenez à penser / Sous la dir. de R. Porte, F. Cochet. Paris, 2008.

⁴⁷ *Cienciala A. M., Komarnicki T.* From Versailles to Locarno: Keys to Polish Foreign Policy, 1919–1925. Lawrence, 1984. P. 250.

⁴⁸ Desprès à Painlevé, 18 août 1925 // SHD, 7 N 2794.

⁴⁹ *Dessberg F.* Le triangle impossible: les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles, 2009. P. 36.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Изучение представлений молодежи о Первой мировой войне имеет важное научно-теоретическое и практическое политическое значение.

Во-первых, исследование этих представлений в контексте исторической памяти важно само по себе, поскольку позволяет выстроить когнитивную карту политического сознания молодежи, определить иерархию событий, обладающих наибольшей значимостью для молодых людей, выявить уровень когнитивной сложности их политических представлений.

Во-вторых, подобные исследования важны сегодня для практического поиска ценностей и смыслов как оснований для формирования общенациональной государственной идентичности россиян. Как известно, в ситуации социокультурного кризиса, сопровождающегося потерей идентификационных ориентиров, поиск новой идентичности осуществляется, как правило, в «героическом» прошлом отдельной личности, группы или общества в целом. В ситуации непонятого настоящего и неопределенного будущего ответ на вопрос «Откуда мы?» становится единственным основанием для ответа на вопрос «Кто мы?». Отношение к прошлому становится, таким образом, единственной доступной массовому сознанию формой самоидентификации.

Вводные теоретико-методологические замечания

В исторической науке Первая мировая война считается одним из важнейших исторических и политических событий для нашей страны, во многом определившим развитие России в XX в. В то же время в массовом политическом сознании всех поколений россиян в разные исторические периоды она занимала не столь значительное место. Как отмечают исследователи, уже во время войны она воспринималась ее участниками

и современниками как ненужная, непопулярная и непонятная. Впоследствии под влиянием революции и Гражданской войны, а также при целенаправленной идеологической работе советской власти на нее навесили ярлык «империалистической» и «захватнической»: «Было приложено максимум усилий, чтобы вытеснить все позитивные патриотические оценки войны, образцы проявленного на фронтах героизма, да и саму эту войну из народной памяти»¹. Отражением идеологического «вытеснения» этой войны из исторического сознания народа, по мнению исследователей, является тот факт, что в отечественной художественной литературе она занимает достаточно скромное место, в отличие, например, от западной литературы и культуры в целом. В произведениях крупных советских писателей тема Первой мировой войны идет фоном для главных событий Гражданской войны и революции, а «в основном она была отражена в полухудожественных-полумемуарных произведениях малоизвестных авторов, выходящих в годы самой войны и сразу после ее окончания, которые не оставили заметного следа в литературе, хотя в качестве исторического источника представляют немалую ценность»².

Исследования массового политического сознания постсоветского периода в целом подтверждают тенденцию советского времени — отсутствие в исторической памяти россиян устойчивых героических символов Первой мировой войны, ее объективных патриотических оценок и сколько-нибудь целостных представлений о ней.

По данным исследований «Левада-Центра», на протяжении последних двадцати лет Первую мировую войну считают значительным событием XX в. для нашей страны в среднем 15,2% респондентов: в 1989 г. так полагали 8%, в 1999 — 18%, в 2008 — 17%³. В последнее десятилетие Первая мировая война представляется все более несправедливой. В 2005 г. несправедливой эту войну считали 40% россиян, в 2010 г. — 42%, а в 2014 г. — 44%⁴.

Исследования политического сознания молодежи, проводимые последние пять лет на Кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, показывают, что Первая мировая война находится на периферии внимания. Изучая представления молодых людей о России, мы задавали множество вопросов о прошлом: об исторических периодах и событиях, чувствах, которые они вызывают, и причинах этих чувств, исторических личностях и символах. В массиве полученных данных упоминания о Первой

мировой войне встречаются в незначительном объеме только у старшеклассников и исключительно в одном аспекте: как событие, вызывающее двойные чувства — сожаление (10,5%) и гордость (4,4%)⁵. При этом школьники гордятся героизмом русских солдат и сожалеют о том, что «Первая мировая война отбросила нашу страну в развитии на много лет назад»⁶. В представлениях о России в историческом контексте у более старших категорий Первая мировая война вообще не фигурирует. Все это позволяет нам говорить, что это событие забыто молодежью, находится на периферии ее политического сознания и не выступает в качестве идентификационного образа прошлого.

Исходя из этого, мы предположили, что при общей низкой осведомленности молодежи о Первой мировой войне и слабой эмоциональной окрашенности данного события в ее сознании наиболее полные представления о нем должны быть у людей, по роду своей деятельности больше других сталкивающихся с исторической и политической информацией. Поэтому в качестве целевых групп для исследования мы выбрали старшеклассников и студентов гуманитарных факультетов. Учащиеся 10–11 классов только изучают историю, поэтому должны иметь «свежие» знания. Студенты-гуманитарии в силу профессиональной направленности должны быть в большей степени осведомлены о Первой мировой войне, чем обучающиеся по техническим специальностям. Мы целенаправленно выбрали студентов, занимающихся по максимально близким к исторической науке направлениям подготовки — политология, социология, организация работы с молодежью, но не включали в выборку собственно историков. Таким образом, в апреле 2014 г. методом формализованного интервью нами было опрошено 400 человек: старшеклассники восьми московских школ и студенты МГУ им. М. В. Ломоносова и МГГУ им. М. А. Шолохова. Гайд интервью включал преимущественно открытые вопросы, позволяющие определить представления о Первой мировой войне, источники их формирования и эмоциональную оценку этого события.

Наше исследование носило политико-психологический характер. Мы не ставили перед собой задачу сделать срез массового сознания всей молодежи и получить данные, репрезентативные для страны в целом. Общий принцип политико-психологических исследований — выявление базовых трендов политического сознания и их интерпретация. В год 100-летия начала Первой мировой войны мы пытались выяснить

Первая мировая война в сознании современной российской молодежи

не только и не столько, кто и что о ней знает и помнит. Нас в большей степени интересовал вопрос, имеет ли это событие хоть какой-то символический и инструментальный потенциал в процессе формирования национально-государственной идентичности молодежи, о которой так много говорит сегодня руководство страны и научное сообщество.

Результаты исследования

Результаты нашего исследования показывают, что Первая мировая война занимает лидирующее место в списке военно-политических событий, оказавших наибольшее влияние на развитие нашей страны в XX в. Казалось бы, хороший результат — так считают 73,2% наших респондентов. Однако не стоит обольщаться. В дальнейшем мы увидим, что молодые люди обладают довольно средним (а иногда и ниже) уровнем сформированности представлений об этой войне. Поэтому мне думается, что первое место в рейтинге обеспечено не столько значимостью этого события для страны и людей, сколько чисто хронологическими причинами — из всего списка Первая мировая война произошла во временном аспекте действительно первой.

Таблица 1

Военно-политические события XX в., которые оказали наибольшее влияние на развитие нашей страны

События	%
Первая мировая война	73,2
Вторая мировая война	56,3
Октябрьская революция 1917 г.	50,7
Распад СССР	39,4
Великая Отечественная война	36,6
Холодная война	28,9
Русско-японская война	27,5
Февральская революция 1917 г.	26,8
Война в Афганистане	26,0
Гражданская война	20,4
Карибский кризис	13,4
Войны в Чечне	11,3
Затруднились ответить	7,1

Ассоциации⁷, которые возникают у молодых людей со словами «Первая мировая война», носят разнонаправленный характер и складываются в достаточно шаблонные группы: участники войны (Антанта и Тройственный союз), события войны (Брусиловский прорыв, применение новых видов оружия) и послевоенного времени (мирные договоры, революции) и т.д. У трети респондентов Первая мировая война ассоциируется с многочисленными человеческими жертвами.

Интересно отметить, что в общем ряду достаточно понятных и предсказуемых ассоциаций встречаются и такие, которые не связаны непосредственно с событием, обозначенным вербальной конструкцией «Первая мировая война»: «дедушка», «победа», «школа», «ЕГЭ», «Великая Отечественная война». Получается, что в сознании молодых людей, которые выражали подобные ассоциации, либо нет вообще никаких представлений о Первой мировой войне (и поэтому возникает образ какой-то войны, которая изучается в школьном курсе истории), либо эти представления носят искаженный характер и связаны с другим военно-политическим событием (в нашем случае — Великой Отечественной войной, в которой могли принимать участие дедушки респондентов и наша страна одержала победу).

Таблица 2

**Ассоциации, которые возникают со словами
«Первая мировая война»**

Ассоциативные группы	%
Жертвы, потери, кровь	33,2
Революции (Февральская революция 1917 г., Октябрьская революция 1917 г.)	26,8
Антанта	26,8
Появление и применение нового оружия (танки, самолеты, винтовки, пулеметы, газ, химическое оружие)	22,5
Брусиловский прорыв	16,2
Хаос, разруха, развал, кризис, голод	15,5
Мирные договоры (Брестский мирный договор, Версальский мирный договор)	13,4
Тройственный союз	11,9
Военные неудачи и поражения	10,6
Крах Российской империи	10,6

Первая мировая война в сознании современной российской молодежи

Окончание табл. 2

Ассоциативные группы	%
Николай II (император, слабый император)	10,6
Русские солдаты (отважные, высокий боевой дух солдат)	6,3
Затруднились ответить	7,1

Выявленные группы ассоциаций позволили определить основные векторы более глубокого анализа представлений молодежи о Первой мировой: о противниках России, сражениях и военных операциях, военных деятелях и последствиях войны для нашей страны.

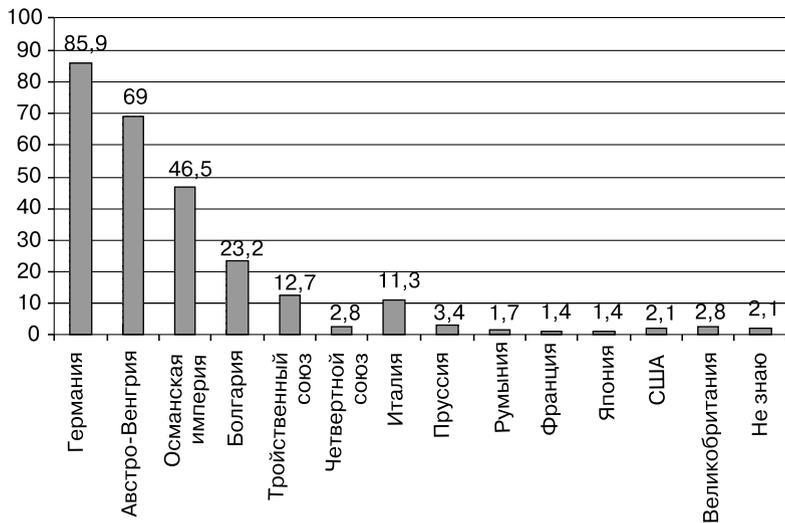

Рис. 1. Противники России в Первой мировой войне

Представления о противниках достаточно сформированы. На рис. 1 видно, что основных участников войны молодые люди знают. Однако эти представления носят несистемный характер. Во-первых, значительная часть респондентов использует современные или упрощенные наименования государств (например, Австрия, Турция), не задумываясь или не обладая знаниями о том, как они назывались в соответствующий исторический период. Во-вторых, в большинстве случаев

молодые люди указывают одного-двух, а не всех противников России. В-третьих, встречаются (хоть и немногочисленные) искаженные представления о том, что Россия воевала с США, Великобританией, «со странами Центральной державы», «может быть, со всеми, кроме Тройственного союза».

Знания о битвах и военных операциях Первой мировой войны отражены в табл. 3. Наиболее известна наступательная операция Юго-Западного фронта русской армии под командованием генерала А. А. Брусилова в 1916 г., которая вошла в историю как Брусиловский прорыв.

Таблица 3

Сражения и военные операции Первой мировой войны

Сражение	%
Брусиловский прорыв	42,3
Битва на Марне	16,9
Галицийская битва	12,7
«Верденская мясорубка»	11,9
Сражение у Ипра	4,2
Мазурское сражение	3,5
Ютландское морское сражение	2,8
Затрудняюсь ответить	37,3

В табл. 3 вошли варианты ответов респондентов, набравшие более 2%. Тем не менее среди ответов были другие сражения и военные операции: Дарданелльская и Лодзинская операции, блокада Босфора, сражение на Сомме и т.д. Кроме того, 2,8% наших респондентов считают яркими сражениями этой войны битвы при Ватерлоо и Бородино.

Важно отметить также, что именно по этому вопросу зафиксирован самый большой процент респондентов, затруднившихся ответить, — 37,3%.

Подавляющее большинство молодых людей в ответах на вопрос о выдающихся военных деятелях Первой мировой указывали российских полководцев. Среди них наиболее известен А. А. Брусилов, что неудивительно, поскольку осуществленное под его командованием наступление наших войск в 1916 г. символизирует в сознании молодежи Первую мировую войну.

Таблица 4

Выдающиеся военные деятели Первой мировой войны

Военные деятели Первой мировой войны	%
Брусилов А.А.	47,9
Корнилов Л.Г.	29,6
Николай II	17,6
Деникин А.И.	14,8
Керенский А.Ф.	13,4
Колчак А.В.	8,5
Самсонов А.В.	4,9
Гурко В.И.	2,8
Тухачевский М.Н.	2,8
Алексеев М.В.	4,2
Не знаю	28,8

Среди зарубежных военачальников нашим респондентам известны П. фон Гинденбург, Э. Людендорф, Г. фон Мольтке, А. Петен.

Представления молодежи о последствиях Первой мировой войны для нашей страны, перечисленные в табл. 6, в общем и целом соотносятся с вышеуказанными ассоциативными группами и отражают систему обобщенных исторических знаний наших респондентов.

Таблица 5

Последствия Первой мировой войны для России

Последствия войны	%
Революции	33,8
Экономический упадок	23,2
Крах Российской империи	23,2
Многочисленные человеческие жертвы	13,4
Гражданская война	14,1
Политическая нестабильность, кризис	7,7
Ослабление армии	4,9
Ослабление позиций на международной арене	9,2
Территориальные потери	6,3
Развитие науки и техники, разработка новых видов вооружения	2,1
Затрудняюсь ответить	19,7

Примечательно, что почти пятая часть опрошенных (19,7%) затруднилась назвать последствия войны:

«Я помню лишь причину войны: немецкие войска вошли в Австрию под неким предлогом, связанным с австрийским принцем».

«Мне очень жаль, искренне раскаиваюсь в том, что не прочитала параграф по истории вчера».

Информацию о Первой мировой войне молодежь получает из разных источников, главные из них школа, художественная и историческая литература, а также Интернет.

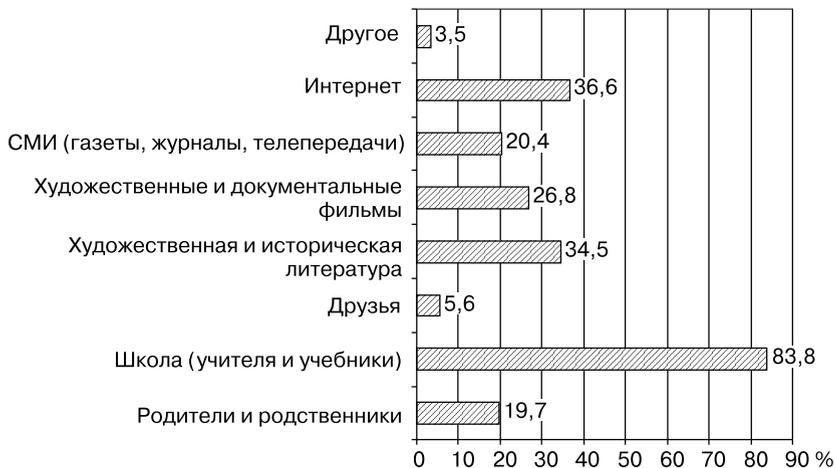

Рис. 2. Источники информации о Первой мировой войне

При этом 30,9% респондентов затруднились назвать литературные произведения о Первой мировой войне. А подавляющее большинство правильно указавших такие произведения отмечают, что сами их не читали. В ответах встречаются такие книги, как «На Западном фронте без перемен», «Время жить и время умирать» Э.-М. Ремарка, «Прощай, оружие» Э. Хемингуэя, «Тихий Дон» М. А. Шолохова, «Белая гвардия» М. А. Булгакова, «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака, «Похождения бравого солдата Швейка во время Мировой войны» Я. Гашека, «Сорок дней Муса-Дага» Ф. Верфеля.

Первая мировая война в сознании современной российской молодежи

Кроме того, некоторые молодые люди считают литературными произведениями о Первой мировой «Войну и мир» Л. Н. Толстого, «Сотников» В. Быкова, «Двенадцать» А. Блока, «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына.

Фильмы о Первой мировой войне затруднились назвать 33,4% школьников и 55,3% студентов. Среди названных такие художественные фильмы, как «Адмирал», «Тихий Дон», «Забывтая рота», «Великая иллюзия», «Доктор Живаго», «Боевой конь», «Атака мертвецов», «Жизнь и ничего больше», «Аббатство Даунтон». Фильмами о Первой мировой школьники считают также «Девять жизней Н. Махно», «Чапаев», «Пёрл-Харбор», а студенты — «Броненосец Потемкин», «Авиатор», «Наполеон Бонапарт», «Война и мир», «Белое солнце пустыни».

Первая мировая война вызывает у молодых людей разные чувства. Почти половина (44,8%) испытывают амбивалентные чувства — и гордость, и сожаление. Наши респонденты гордятся героизмом и подвигами русских солдат, помощью братским народам. Сожаление вызывают многочисленные человеческие жертвы, безграмотные действия военачальников, неблагоприятные социально-экономические и политические последствия войны.

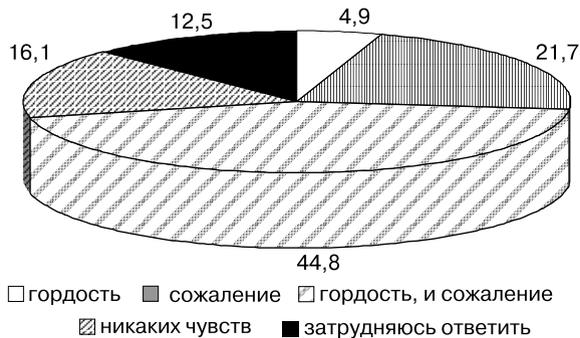

Рис. 3. Чувства, которые вызывает у молодежи Первая мировая война и участие в ней России

Молодые люди, у которых Первая мировая война не находит никакого отклика, дают достаточно понятные объяснения этого:

«На сегодняшний день больше обсуждается везде Вторая мировая, а Первая осталась в тени. Потому какие-то чувства вызывает Вторая мировая, поскольку в СМИ и других источниках больше упоминаний о ней, больше информации и литературы. Первая мировая изучалась мной больше как сухой, информационный материал».

«Историческая культура населения РФ в основном построена на подвигах народа в годы Второй мировой войны, в то время как пропаганда о событиях Первой мировой не велась, поэтому сложилось впечатление, что эта война для нас не важна. Поэтому она во многом забыта».

«События, не имеющие ко мне прямого отношения, не вызывают у меня чувств».

«Первая мировая давно забыта, внимание уделяется победе в 1945 г. и именно события и герои тех времен всем известны».

«Об этой войне я мало что знаю. Она рассматривается скорее в контексте изучения истории зарубежных стран, то есть это просто информация. Она как-то не ассоциируется с Россией, с историей моей семьи. И художественных произведений нет».

«На фоне Второй мировой войны Первая теряет свою значимость».

Выводы

Результаты нашего исследования показывают, что представления о Первой мировой войне у респондентов достаточно размыты и имеют средний уровень когнитивной сложности. Молодые люди не обладают системными конкретными историческими знаниями об этой войне, ее сражениях и полководцах, ее причинах и последствиях. Именно поэтому довольно часто ее путают с другими войнами (Отечественной войной 1812 г., Великой Отечественной войной, Второй мировой войной). Все это свидетельствует о том, что данное событие не является для молодых людей существенно значимым, чему они находят вполне разумное и в целом соответствующее действительности объяснение — это «забытая война». Тревогу в данном случае вызывает то обстоятельство, что в качестве целевой группы изучалась категория молодежи, которая по идее должна обладать наиболее системными и когнитивно сложными представлениями о Первой мировой войне в силу своей профессиональной учебной деятельности. И если в сознании этих молодых людей обнаружено множество лакунов, искажений и стереотипов, то что же говорить о молодежи в целом?

Результаты исследования можно объяснить, с одной стороны, несистемным изучением истории России в школе и вузах. Обучение в школах ориентировано в основном на подготовку к сдаче ЕГЭ, т.е. овладение технологическим экзаменационным инструментом. Обучение в вузах часто сводится к беглому повторению школьного курса истории, без углубления и систематизации знаний и расстановки интерпретационных акцентов. С другой стороны, информационная политика, проводимая в России, акцентирует внимание в основном на отдельных исторических событиях в контексте государственных праздников. В этих условиях Первая мировая война остается за рамками информационных поводов, о чем совершенно справедливо говорят молодые люди.

В ситуации социокультурного кризиса, когда идет поиск оснований для формирования национально-государственной идентичности, события Первой мировой войны предстают незаслуженно забытыми, хотя обладают серьезным содержательным потенциалом. Исходя из результатов исследования можно определить, что Первая мировая могла бы выступать в качестве «избранной общей травмы» как историческое событие, оказавшее негативное влияние на развитие нашей страны⁸.

На современном этапе в процессе социализации молодежи необходимо осуществлять системную и целенаправленную работу по «возвращению» в ее сознание «исторических образов и символов, позволяющих формировать представление о национальной истории как о целостном, неразрывном процессе, в котором современный человек может найти обоснование и оправдание собственному существованию и в качестве личности, и в качестве гражданина»⁹. Для этого необходимо на уровне государства обеспечить интеграцию и взаимодействие нескольких направлений внутренней политики: исторической, информационной и образовательной. Только при таком условии будет возможно определение ценностно-смыслового наполнения истории России, полномасштабное и системное транслирование этих смыслов через каналы массовой коммуникации, которое, в свою очередь, обеспечит внешний содержательный контекст широкого исторического образования молодежи.

¹ *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://modernlib.ru/books/senyavskaya_elena/psihologiya_voyni_v_xx_veke_istoricheskij_opit_rossii/read/.

² *Сенявская Е. С.* Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 31–37.

³ См.: *Левада Ю. А.* Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000–2005. М.: Издатель Карпов Е. В., 2011. С. 125; *Гудков Л.* Время и история в сознании россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2010. № 2. С. 30.

⁴ Исследовательский вопрос был сформулирован следующим образом: «Была ли для России справедливой Первая мировая война?» Варианты ответов представлены в виде семантического дифференциала от «определенно справедливая» до «определенно несправедливая». В представленных позициях мы суммировали ответы «скорее несправедливая» и «определенно несправедливая». Для общего понимания картины стоит отметить, что большая доля россиян затруднилась ответить: от 22% в 2005 г. до 35% в 2014 г. См. подробнее: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/19-03-2014/spravedlivye-i-nespravedlivye-voiny>.

⁵ *Селезнева А. В.* Политические представления и ценности россиян. М.: Изд-во Московского университета, 2012. С. 219.

⁶ Там же. С. 122.

⁷ Ассоциативное тестирование относится к методам выявления скрытых пластов сознания. Представляется, что метод спонтанных ассоциаций позволяет выявить аффективную силу имеющихся образов, которая обеспечивает их последующую устойчивость. В нашем исследовании мы использовали технику фиксированных ассоциаций, где в качестве стимула выступала вербальная конструкция «Первая мировая война».

⁸ *Волкан В., Оболенский А.* Национальные проблемы глазами психоаналитика с политическим комментарием // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 76–142.

⁹ *Евгеньева Т. В.* Роль исторической памяти в процессе политической социализации граждан России (политико-психологический анализ) // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 3 (23). С. 78.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Н. В. Юдин

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРИМЕНЕНИЯ КОНСТРУКТИВИСТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Современная историческая наука, отражая тенденции развития научного знания в целом, отличается стремлением к расширению традиционной проблематики исторических исследований, использованию методов и подходов, разработанных в смежных дисциплинах, междисциплинарности. Эти тенденции не обошли стороной и изучение теории и истории международных отношений, где утверждается понимание теснейшей взаимосвязи и взаимозависимости внешней и внутренней политики того или иного государства, «все более настоятельной становится необходимость обогащения теории международных отношений *социологическим* подходом»¹. Одновременно возрастает интерес к изучению «человеческого» измерения тех или иных исторических событий и явлений, прежде всего связанных с радикальными социальными потрясениями и переломами². К ним можно с полным основанием отнести и события первой в истории человечества мировой войны. Неудивительно поэтому, что именно изучение социально-психологического опыта обществ, находящихся в состоянии войны, является в настоящее время одним из наиболее динамично развивающихся направлений и в зарубежной, и в отечественной историографии Первой мировой войны³.

Однако обращение к данной проблематике неизбежно ставит перед исследователями целый комплекс методологических проблем. Как реконструировать настроения людей давно ушедшей эпохи? Какие источники использовать? Как оценить с точки зрения репрезентативности и структурировать подчас взаимоисключающие свидетельства,

содержащиеся в них? Наконец, как увязать полученные результаты с перипетиями международных отношений?

В этой связи большой интерес представляют концепции ученых-международников, придерживающихся конструктивистской методологии. Важнейшую роль в теоретических построениях конструктивистов⁴ относительно природы и структуры системы международных отношений, а также принципов ее развития сыграли идеи социолога и политолога Э. Гидденса, сформулированные им в так называемой теории структуриации⁵. Конструктивисты утверждают, что для полноценного понимания сущности и внутренних пружин развития системы международных отношений в тот или иной период времени необходимо изучать коллективные представления, способы самоидентификации, ценности и идеи, которые составляли социальную основу внешнеполитических курсов и стратегий государств, входивших в рассматриваемую систему. Подобный подход открывает возможности для комплексного анализа социально-психологического опыта воюющих обществ периода Первой мировой войны, включения его в общий контекст развития международных отношений той эпохи. В то же время конструктивистский подход является, прежде всего, аналитическим теоретико-методологическим построением. Он служит методом для изучения конкретно-исторических явлений, феноменов, но не содержит предсказаний относительно того, какие специфические формы структур и отношений будут характерны для этих феноменов. Эти конкретные формы должны устанавливаться и определяться для каждого отдельно взятого случая, конкретного периода или региона.

Именно на перспективах практического применения конструктивистского подхода к изучению истории Первой мировой войны, в частности феномена патриотического подъема в странах Антанты в 1914–1915 гг., мне бы и хотелось остановиться в своем докладе. В его основу лягут выводы и наблюдения, сделанные в ходе работы над диссертацией на соискание ученой степени кандидата исторических наук, защищенной на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова 11 декабря 2013 г. Предполагается кратко охарактеризовать ключевые дискуссии в отечественной и зарубежной историографии «человеческого» измерения Первой мировой войны, источниковедческие аспекты проблемы, понятийный аппарат.

О перспективах применения конструктивистской методологии...

¹ Введение в теорию международных отношений. М., 2001. С. 112.

² См., например, статьи А. В. Ревякина, С. В. Тютюпкина, А. Ю. Прокопова в коллективных монографиях: Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998; Мировые войны XX в.: В 4 кн. Кн. 2. Первая мировая война: документы и материалы. М., 2002; Мировые войны XX в.: В 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война. М., 2005; Война и общество в XX в. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008. Отдельного упоминания заслуживают работы О. С. Поршневой: *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; *Она же.* Российский крестьянин в Первой мировой войне (1914 — февраль 1917) // Человек и война (война как явление культуры). М., 2001; *Она же.* «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2; *Голубев А. В., Поршнева О. С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012.

³ *Виноградов В. Н.* 1914 год: быть или не быть войне? // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы международной научной конференции 7–8 сентября 2004 г. М., 2006. С. 161.

⁴ *Wendt A.* Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // *International Relations*. 1992. Vol. 46. No 2. P. 391–425; *Idem.* The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // *International Organization*. 1987. Vol. 41. No 3. P. 335–370; *Kratochwil F., Ruggie J. G.* International Organization: A State of the Art on an Art of the State // *International Organization*. 1987. Vol. 40. No 3. P. 753–775.

⁵ *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерки теории структуризации. М., 2003. С. 70–71.

БОРЬБА С «ПЯТОЙ КОЛОННОЙ» В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Первая мировая война — результат смешения идеологий империализма и национализма, тайной дипломатии и гонки вооружений. Остановимся на таком феномене, как подданные враждебных государств на территории России в период Первой мировой войны

Согласно положению от 2 февраля 1915 г., «австрийским, венгерским, германским или турецким подданным... воспрещается впредь приобретать в пределах всего государства Российского какими бы то ни было способами и на каких бы то ни было... основаниях, право собственности, владения и пользования недвижимыми имуществами...» (кроме найма квартир), если же недвижимое имущество приобретено, то «... лица сии обязаны продать либо добровольно установленным порядком уступить таковые имущества в течение двух лет...»¹. Дискриминационное законодательство не было чем-то присущим исключительно Российской империи, в период Первой мировой войны подобные меры применялись в отношении граждан противника во всех воюющих странах².

В качестве примера рассмотрим Северо-Западный Кавказ. В ликвидационные списки внесены земельные владения: в Кубанской области 5 подданных, площадь владений 392 дес., «выходцы» — 960 чел. и 29 595 дес., в Черноморской губернии — 7 выходцев, площадь 1770 дес. На торги были выставлены 15 земельных владений, общей площадью 7447 дес. О покупке некоторых подготовлены постановления совета крестьянского банка: в Кубанской области их 9, площадь 114 дес., отчуждаемые земельные владения, закрепленные за Крестьянским банком в Кубанской области 8, площадь 90 дес.³

Меры по отчуждению земельных владений действовали только в отношении подданных Германской империи. Подданных других государств Четверного союза данные ограничения не затронули.

Борьба с «пятой колонной» в годы Первой мировой войны...

¹ Свод постановлений о землевладении и землепользовании австрийских, венгерских, германских или турецких подданных, а также австрийских, венгерских и германских выходцев, изданных в порядке ст. 87 Основных государственных законов. Пг., 1917. С. 17.

² *Хаген фон М.* Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 392; *Немкович С.* В поисках «внутреннего врага»: депортационная политика России (1914–1917) // Первая мировая война и участие в ней России (1914–1918): Материалы научной конференции. М., 1994. Ч. 1. С. 51–52.

³ *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким» засильем в России в годы Первой мировой войны: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 169–161.

ОТ ВОЙНЫ К МИРУ: ИЗ ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРИЗНАНИЯ ЗАПАДОМ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Замысел данной работы возник после знакомства с личным архивом князя Маурицио Ферранте Гонзага дель Водиче. Находясь с автором в дружеских отношениях, князь предложил изучить его семейный архив, где была обнаружена статья с заголовком: «Вчерашний банкет в Королевском Дворце: Чичерин приветствует Короля Италии»¹. Возникло желание узнать, почему в 1922 г., когда отношения западноевропейских стран с РСФСР оставались неприязненными, нарком иностранных дел Советского государства решил «приветствовать» итальянского монарха.

Обратившись к «Документам внешней политики СССР», мы выяснили, что после образования Советского государства Италия на первых порах не проявляла к нему враждебности и далеко не сразу по примеру других европейских держав начала поддерживать контрреволюционные антибольшевистские правительства. Итальянские политики понимали стратегическую важность сотрудничества с Россией как в политической, так и в экономической сфере. Уже 19 декабря 1919 г. итальянский парламент принял резолюцию о восстановлении отношений с Россией. В ней указывалось, что правительство должно добиться от Верховного совета Антанты снятия с России блокады и прекращения военной интервенции. В это время премьер-министром Италии был Франческо Нитти. Как социалист, он гораздо терпимее относился к советскому правительству, чем его предшественник либерал Витторио Орландо.

По прошествии двух недель на соответствующую резолюцию радиogramмой ответил нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин, предложивший установить дипломатические отношения между двумя странами².

Но в июне 1920 г. кабинет министров Италии возглавил либерал Джованни Джолитти. Как политик старой закалки, он предпочитал не

форсировать события. Вероятно, этим и объясняется спад в развитии советско-итальянских отношений. 1 сентября 1920 г. заместитель наркоминдел М. М. Литвинов направил посланнику Италии в Дании ди Карробио ноту, в которой ясно дал понять, что итальянское правительство препятствует восстановлению дружеских отношений, задерживая важные торговые сделки³. 13 декабря 1920 г. советский нарком выразился еще резче: «Со стороны Италии мы страдали меньше всего от враждебных действий, но итальянское правительство делает все, чтобы наше представительство появилось в Риме как можно позднее...»

В налаживании двусторонних отношений большую роль сыграло стремление Италии развивать экономические связи с молодым Советским государством. 5 февраля 1921 г. итальянское правительство дало согласие на проезд в Рим советской торговой делегации во главе с В. В. Воровским, поставив обязательное условие: российские представители должны воздержаться от всякой политической пропаганды⁴. Делегация Воровского прибыла в Рим 13 марта и расположилась в гостинице «Отель де Лондр». Но итальянские власти не оказали ей радужного приема. Они не только медлили с доставкой оставленного на границе багажа советской делегации, но даже вскрыли его для досмотра⁵. Возмущенный этим инцидентом, Воровский направил министру иностранных дел Италии Карло Сфорце ноту, в которой заявил, что в знак протеста отказывается от запланированной с ним встречи и требует письменного подтверждения дипломатического статуса советской делегации.

Ко всему прочему у гостиницы стали собираться фашистские молодчики, которые демонстрировали самое враждебное отношение к РСФСР и ее представителям. Положение советской делегации становилось нетерпимым, и Воровский направил министерству иностранных дел Италии ноту о том, что намерен в ближайшее время покинуть страну. В министерстве это заявление вызвало переполох. Спустя шесть дней все требования Воровского были удовлетворены. С этого момента иммунитет представителей и неприкосновенность учреждений РСФСР в Риме больше никто не подвергал сомнению.

26 декабря 1921 г. между Советской Россией и Италией было заключено предварительное соглашение. В нем оговаривались основные аспекты сотрудничества. В частности, отмечалось, что обе сто-

роны обязуются не вводить и не поддерживать блокаду друг против друга, а также намереваются устранить все препятствия, мешавшие взаимной торговле. Очевидно, «потеплению» советско-итальянских отношений способствовало то обстоятельство, что у власти в это время находился кабинет Иваноэ Бономи, представителя Социалистической партии реформ.

Следующий этап развития российско-итальянских отношений связан с участием советской делегации в работе Генуэзской конференции 1922 г. Часть итальянской общественности доброжелательно отнеслась к приезду советской делегации. Об этом можно судить по материалам прессы. 20 апреля 1922 г. генуэзская газета *Corriere Mercantile* поместила пространный материал с описанием банкета в королевском дворце, на который были приглашены представители всех иностранных делегаций. По свидетельству издания, советские дипломаты были признаны самыми элегантными гостями вечера.

Итальянский журналист был прежде всего поражен изысканностью манер большевистских дипломатов: «Можно даже сказать, что русские заметно выделялись своей утонченностью... Парижской элегантностью, т.е. трудно было найти внешние различия между русской и французской делегациями. Однако Красин в своей элегантности занял первое место не только среди своих коллег, но и среди многих других приглашенных. Он оказался, в действительности, единственным человеком, который ел спаржу вилкой; остальные же удобно управлялись руками. *Ce n'est pas royal, mais c'est très commode*⁶ — говорил король Виктор Эммануил II, зажигая свою сигару, при этом чиркая спичкой о бедро (вместо того, чтобы использовать спичечный коробок). Второе место по элегантности занял Раковский...»

Газета сочла достойным внимания общественности и такой эпизод: «На приеме соседями оказались два абсолютных антипода: генерал Маурицио Гонзага и Чичерин. Первый, князь и наследник прославленной семьи, которая подарила Церкви Святого⁷, второй, хотя и дипломат, начавший свою карьеру при царском режиме и претендующий также на дворянское происхождение, сейчас является представителем одной из передовых политических и экономических тенденций, существующих в современном мире. Итак, случай или же сотрудники протокола пожелали посадить их вместе. И у прекрасных соседей сложилась чудесная

компания. Генерал Гонзага беседовал со своим коллегой об актуальных вопросах итальянской политики, о мощной силе итальянского народа, которая всенепременно поможет стране осуществить перестройку, преодолеть все последствия войны».

24 мая 1922 г. Чичерин и Красин подписали с итальянскими представителями торговое соглашение, в соответствии с которым стороны обязались применять друг к другу принцип наибольшего благоприятствования. Однако советской стороной это соглашение не было ратифицировано⁸. Развитие сотрудничества опять затормозилось.

В конце октября произошел резкий поворот в жизни итальянского общества — захват власти фашистами, известный как «Марш на Рим». 1 ноября 1922 г. вооруженные молодчики ворвались в советское представительство и потребовали выдачи итальянца, служившего при советской миссии. Получив отказ, экстремисты сами его нашли и учинили над ним жестокую расправу.

Какова была реакция фашистского руководства? В российское представительство незамедлительно явился командующий Добровольной милицией национальной безопасности генерал Де Боно и от имени фашистского правительства, а также лично Муссолини выразил сожаления по поводу происшествия. Генерал принял меры по расследованию этого преступления и направил на охрану представительства вооруженный отряд. Через некоторое время премьер-министр Муссолини, принимая у себя Воровского, заявил, что «Италия намерена идти на полное сближение с Россией». 19 ноября 1922 г. Воровский писал Литвинову: «Фашисты, став правительством, вынуждены были переменить тактику и выступить против “иллегализма” своих же фашистов...»⁹

В 1923 г. были разрешены все юридические споры между советской и итальянской сторонами. По требованию советской стороны были полностью лишены дипломатического статуса бывшие царские чиновники. 7 февраля 1924 г. произошел обмен нотами между советским и итальянским правительствами о признании СССР де-юре.

Напрашивается интересный вывод: несмотря на то что после Мировой войны Италия переживала глубокий политический кризис, а итальянские политики враждовали между собой, большинство из них, к какому бы политическому лагерю они ни принадлежали, выступали за установление и развитие отношений с Советским государством.

¹ Il banchetto di ieri sera a Palazzo Reale. Cicerin saluterà il Re d'Italia // Corriere Mercantile. 20.04.1922.

² Документы внешней политики СССР (далее: ДВП). Т. II. М., 1958. С. 319.

³ ДВП. М., 1959. Т. III. С. 160–161.

⁴ Там же. С. 517.

⁵ ДВП. Т. III. С. 616–617; Т. IV. С. 13.

⁶ Это не по-королевски, зато очень удобно! — *франц.*

⁷ Св. Луиджи Гонзага.

⁸ ДВП. М., 1961. Т. V. С. 453.

⁹ Там же. С. 687.

Об авторах

Васильева Наталья Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент
Кафедры международных отношений и внешней политики
России МГИМО МИД России

Вишняков Ярослав Валерианович — доктор исторических наук, доцент
Кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД
России

Котов Борис Сергеевич — кандидат исторических наук, научный со-
трудник Центра по изучению XX в. Института всеобщей
истории РАН

Кумпан Вадим Александрович — кандидат исторических наук, доцент
Кафедры новой, новейшей истории и международных отно-
шений Кубанского государственного университета

Магадеев Искандэр Эдуардович — кандидат исторических наук, препо-
даватель Кафедры истории и политики стран Европы и Аме-
рики МГИМО МИД России

Медников Игорь Юрьевич — младший научный сотрудник, директор
Международного учебно-научного Иберийского центра РГГУ

Ревякин Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор
Кафедры международных отношений и внешней политики
России МГИМО МИД России

Романова Екатерина Владимировна — кандидат исторических наук,
доцент Кафедры новой и новейшей истории МГУ имени
М. В. Ломоносова

Селезнева Антонина Владимировна — кандидат исторических наук,
старший преподаватель Кафедры социологии и психологии
политики МГУ имени М. В. Ломоносова

Шебалин Дмитрий Дмитриевич — студент Факультета международной
журналистики МГИМО МИД России

Юдин Николай Вадимович — кандидат исторических наук, преподава-
тель Кафедры международных организаций и мировых поли-
тических процессов МГУ имени М. В. Ломоносова

Научное издание

Материалы VIII Конвента РАМИ

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
Историография и уроки истории**

25–26 апреля 2014 г.

Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,0.

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т 8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221-89-80

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ) является крупнейшей российской профессиональной ассоциацией в сфере междисциплинарных исследований, затрагивающих историю, теорию, региональные и многосторонние аспекты международных отношений. В РАМИ на протяжении уже 15 лет участвуют представители более чем 200 российских университетов и исследовательских центров, а также экспертного сообщества из стран СНГ, Балтии и ЦВЕ. РАМИ входит в состав Всемирного комитета по международным исследованиям (WISC), регулярно организует свои сессии в рамках североамериканской Ассоциации международных исследований (ISA).

РАМИ ставит перед собой задачи поддержания высокого профессионального уровня исследований и преподавания международных отношений и мировой политики в России, а также развития профессиональных контактов с международными ассоциациями. РАМИ способствует налаживанию неформальных связей между представителями политической и научно-исследовательской элиты и проведению консультаций в сфере мировой политики и международных отношений.

Президентом РАМИ является ректор МГИМО МИД России, академик РАН А. В. Торкунов. Главный исполнительный орган РАМИ — Руководящий совет.

Конвенты РАМИ, проходящие каждые два года, регулярно собирают около 1000 российских и зарубежных участников. 25–26 апреля 2014 г. в МГИМО МИД России состоялся восьмой по счету Конвент РАМИ на тему «Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления». Его программа включила в себя две пленарных сессии, 29 секций, два круглых стола, несколько партнерских мероприятий — VI Международную научную конференцию испанистов и III конференцию Российской ассоциации украинистов, а также ряд выставок и презентаций организаций-партнеров РАМИ.

Исполнительная дирекция РАМИ

Тел.: +7 (495) 434-91-63

www.risa.ru | risa@inno.mgimo.ru

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**Состав Руководящего совета Российской ассоциации
международных исследований**

Президент РАМИ

Анатолий Васильевич Торкунов

Программа глобальных исследований

Александр Александрович Дынкин
Владислав Леонидович Иноземцев

Программа европейских исследований

Марк Львович Энтин
Алексей Анатольевич Громько
Николай Юрьевич Кавешников

Программа американских исследований

Татьяна Алексеевна Шаклеина
Виктор Александрович Кременюк

Программа евроазиатских исследований

Андрей Владимирович Загорский
Ирина Доновна Звягельская

**Программа мирополитических исследований и изучения
деятельности негосударственных акторов**

Марина Михайловна Лебедева
Павел Афанасьевич Цыганков

**Программа исследований в области теории международных
отношений и сравнительной политологии**

Татьяна Александровна Алексеева
Андрей Юрьевич Мельвиль

Программа исследований истории международных отношений

Михаил Матвеевич Наринский
Владимир Олегович Печатнов

Программа взаимодействия с исследовательскими центрами и регионами

Андрей Вадимович Кортунув
Виктор Анатольевич Кокшаров

Программа азиатско-тихоокеанских исследований

Алексей Дмитриевич Воскресенский
Александр Николаевич Панов

Программа исследований многосторонних институтов

Виктория Владимировна Панова
Марина Вадимовна Стрежнева

Программа исследований стран БРИКС

Георгий Давидович Толорая
Людмила Семеновна Окунева

Программа ближневосточных исследований

Виталий Вячеславович Наумкин
Олег Алексеевич Колобов

Программа исследований международной безопасности и конфликтологии

Федор Генрихович Войтоловский
Александр Иванович Никитин

Программа энергетических исследований

Нодари Александрович Симония
Валерий Иванович Салыгин
Мария Андреевна Белова

Программа исследований в сфере международной политической экономики

Светлана Павловна Глинкина
Алексей Владимирович Кузнецов

Программа международно-правовых исследований

Геннадий Петрович Толстопятенко
Александр Николаевич Вылегжанин
Дмитрий Владимирович Иванов

Программа исследований мировой экономики

Михаил Юрьевич Головнин
Александр Сергеевич Булатов
Марина Алексеевна Петрова

Программа цивилизационно-культурных исследований

Алексей Викторович Шестопад
Галина Мирославовна Лесная
Геннадий Васильевич Осипов

Исполнительный директор РАМИ

Артем Владимирович Мальгин

Ответственный секретарь РАМИ

Владислав Владиславович Воротников

Секретариат

Марина Сергеевна Василевская

Анджей Артурович Габарта

Нина Сергеевна Дымшиц